

आन्ध्रप्रदेश



Январь 1928 года.

Юль 1932 г.

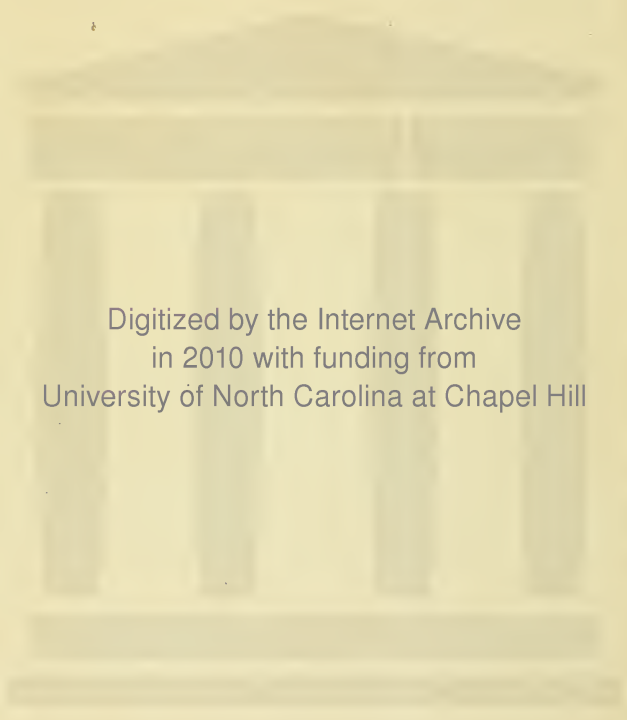


№ 1 — 55.

„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

ЗАРУБЕЖНАГО ОБЪЕДИНЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВСКАГО ВОЕННАГО УЧИЛИЩА



Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

Телеграмма Майору

С. Прохорову.

Тууса, 19^{го} января 1933.



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Январь 1928 года.

№ 1.

Краткая Исторія Александровскаго Военнаго Училища.

Въ 1825 году, послѣ смерти Императора Александра I, на престолъ вступилъ Императоръ Николай I, при которомъ въ 1830 году былъ основанъ Александринскій-Брестскій Кадетскій Корпусъ для дѣтей русскихъ офицеровъ и чиновниковъ, служившихъ въ Западномъ краѣ.

Въ 1851 году, послѣ Венгерскаго похода 1848 года, этотъ Корпусъ былъ переведенъ въ Москву на Знаменку и переименованъ въ Александринскій Сиротскій Кадетскій Корпусъ.

Праздникъ Корпуса утвержденъ 23-го Апрѣля въ честь Св. мученицы Царицы Александры, имя которой носила Государыня Императрица — супруга Императора Николая I.

Сама Государыня Императрица принимала самое дѣятельное участіе въ попеченіи о сиротахъ этого Корпуса, чему свидѣтельствуеъ богатое серебро, подаренное Ею Корпусу.

Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ былъ зачисленъ въ списки Корпуса, а на зданіи Корпуса была помѣщена эмблема призрачнѣе дѣтей — пеликанъ, кормящій своихъ дѣтей.

Послѣ Крымской войны и кончины Императора Николая I, на престолъ взомель Императоръ Александръ II, который въ 1863 году преобразовалъ Александринскій Сиротскій Кадетскій Корпусъ въ Александровское Военное Училище.

Самъ Государь Императоръ сталъ 1-вымъ Шефомъ Училища, а Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ былъ зачисленъ въ роту Его Величества Училища.

Въ царствованіе Императора Александра III, вступившаго на престолъ въ 1881 году, послѣ смерти Императора Александра II, Училище получило названіе 3-яго Военнаго Александровскаго Училища; эта нумерація была сохранена до царствованія Императора Николая II, когда, по переформированіи 2-ого Военнаго Константиновскаго Училища въ Артилерійское, Александровское Военное Училище стало именоваться безъ прибавленіе нумера.

Императоръ Александръ III былъ вторымъ шефомъ Училища, а Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ былъ зачисленъ въ роту Его Величества Училища.

Послѣ смерти Императора Александра III и восшествія на престолъ Императора Николая II въ 1894 году, послѣдній сталъ 3-ымъ шефомъ Училища. При рожденіи Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича, Онъ былъ зачисленъ въ роту Его Величества Училища въ 1904 году.

Во время царствованія Императора Николая II, въ 1901 году, Училище праздновало 50-тилѣтіе училища, считая 1851 годъ годомъ переформированія Александринскаго Бресткаго Кадетскаго Корпуса въ Александринскій Сиротскій Кадетскій Корпусъ.

У № Александринскаго в М. 1928

Вислѣдствіи, послѣ передачи хранившагося въ церкви Училища знамени Александринскаго Корпуса 3-ему Александровскому Кадетскому Корпусу. Александровское Военное Училище получило старшинство своего основанія съ 1830 года, т. е. съ основанія Александринскаго Брестскаго Кадетскаго Корпуса.

Въ концѣ Октября 1917 года училище прервало свое существованіе и только 31 Января 1919 года оно снова возсоздано въ Добровольческой Русской Арміи.

Послѣ ряда переформированій и переименованій Училище снова получило въ Галлиполи свое старое названіе Александровскаго Военнаго Училища съ добавленіемъ словъ — „генерала М. В. Алексѣева“ въ память возсоздателя Русской Арміи. 1921-ый год. будетъ памятенъ Алексавдровцамъ, какъ годъ возвращенія Училищу вензелей Императора Аександра II. Въ 1930 году Училищу исполнит-ся 100 лѣтъ со дня его основанія.

Болгарія Варна.

А. Курбатовъ

№ 2. Февраль. „Изъ жизни А. В. У.“



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 2.

ЕЖЕМЯСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Февраль 1928 г.

Изъ жизни Александровскаго Военнаго Училища („Четыре времени года“)

И природа, и человекъ послѣдовательно переживаютъ четыре времени года. — это законъ неоспоримый. Тоже самое переживаетъ и общество людей, собранныхъ вмѣстѣ и группирующихся около одного лица, около своей главы.

Александровское Военное Училище съ 1863 года переживало послѣдовательно тоже четыре времени года, въ зависимости отъ обстановки и отъ главы Училища, что связано тѣсно между собой.

Всѣхъ Начальниковъ Александровскаго Военнаго Училища съ 1863 года по 1919 годъ было 12, иначе говоря, времена года повторялись три раза. Первымъ Начальникомъ Училища былъ инженеръ-генераль Шванебахъ, который создалъ Училище при преобразованіи Сиротскаго Корпуса въ Военное Училище, и этотъ періодъ жизни можно назвать періодомъ весны. Самъ Начальникъ Училища былъ весьма образованнымъ, гуманнымъ человекомъ, а въ Училищѣ царилъ „Милютинскій“ режимъ, съ самыми высокими воспитательными принципами. Періодъ весны продолжался около 10 лѣтъ, что дало возможность Училищу крѣпко стать на свои ноги.

Вторымъ Начальникомъ Училища былъ Свиты Его Величества генераль-майоръ Самохваловъ, любившій Училище, гордившійся имъ. „Шире дорогу, Александровцы идите“, такъ говорилъ онъ, когда полиція не пропустила батальонъ юнкеровъ къ мѣсту парада по намѣченному имъ пути. Весь этотъ періодъ можно назвать лѣтомъ, когда сезона. посѣянные еще весной дали пышные плоды. Генерала Самохвалова считали подчасъ „за оригинала“, но это не умаляло Училище, а давало ему нѣкоторый колоритъ самосознанія и высоты.

Въ концѣ лѣта въ Училищѣ пронеслась „гроза“, заставившая уйти генерала Самохвалова. Вмѣсто него Начальникомъ Училища сталъ генераль Анчутинъ, боевой офицеръ Освободительной войны. Къ несчастью, злая чухотка сломала его и онъ скончался въ Училищѣ, оставивъ всё свое имущество Александровцамъ. Періодъ этотъ можно назвать осенью, такъ какъ жизнь въ Училищѣ проходила безцвѣтно и скудно. Послѣ этой осени наступила зима и новый Начальникъ Училища генераль Левачевъ, основатель Донскаго Кадетскаго Корпуса, былъ опытнымъ педагогомъ артиллеристомъ. При немъ Училище достигло зимней бѣлизны и чистоты, но пролетѣвшій надъ Училищемъ „буранъ“ свалилъ его и онъ ушелъ черезъ 5 лѣтъ, чтобы навѣки уснуть въ холодной могилѣ. Это было время, когда уже подымалась на ноги „темная сила“ разрушенія Россіи . . . За зимой снова наступила весна, которую принесъ съ собой новый Начальникъ Училища генераль Лаймингъ, герой Японской войны. Слѣды зимняго бурана скоро исчезли и снова звонкія и веселыя пѣсни Александровцевъ раздали въ Москвѣ и на Ходянкѣ!

И эта весна смѣнилась лѣтомъ; вмѣсто генерала Лайминга сталъ начальникомъ Училища генераль Яковлевъ, человекъ спокойный, уравновѣшенный, бывший юнкеръ-Александровецъ. Генераль Яковлевъ далъ училищу лѣтнее тепло, ставя въ примѣръ сплоченность иезуитовъ и евреевъ, которыхъ онъ ненавидѣлъ отъ всего русскаго сердца. . . . Послѣ этого лѣта наступила снова осень съ рядомъ лекцій, концертовъ и другихъ осеннихъ развлеченій. Новый Начальникъ Училища генераль Ферманъ пришелъ вмѣстѣ съ политикой „17 Октября“ и съ розовыми мечтами „о свободахъ“ . . . Тогда шелъ въ Москвѣ „1905 годъ“ . . .

Незамѣтно осень смѣнилась зимой и новый Начальникъ Училища генераль Гейшта былъ далекъ отъ Александровцевъ, а весь ушелъ въ строительство новыхъ зданій и въ прочія хозяйственныя дѣла. Юнкера чувствовали себя какъ-то сиротливо и носили фѣйствительно отпечатокъ переживаемой зимы.

За зимой послѣдовала новая весна, которая нѣсколько ослабила вѣяніе „Октябръ“ и зимы. Новый Начальникъ Училища генераль Михѣевъ много поработалъ въ училищѣ, не смотря на приближающуюся бурю — Великой войны и лихолѣтія. Буря эта принесла съ собой переменны какъ въ Россіи и въ Арміи, такъ и въ Александровскомъ Училищѣ. Генераль Михѣевъ былъ даже арестованъ и, по освобожденіи, не занявъ снова мѣсто Начальника Училища. вмѣсто недружной весны настало также-же гнилое лѣто. Новый временный Начальникъ Училища генераль Зилитинкевичъ, ученый саперъ и явный „октябристъ“, не могъ уже дать Училищу нужнаго тепла. Очень скоро Начальникомъ Училища сталъ „угодникъ времени“ генеральнаго штаба Полковникъ Муратовъ, который принесъ съ собой глубокую и сырую осень, со всѣми „прелестями“ наступающаго большевизма! . . .

Но Александровцы не поддались этой непогодѣ, царствовавшей въ Россіи и рѣшили лучше умереть, чѣмъ переживать наступившую жестокою и темною зиму — съ гозоромъ „Царства Краснаго Змѣя“. И эта зима сломила Александровское Военное Училище, раздавила его, а на фонаряхъ Москвы, около Святого Кремля и у Иверской часовни, были повѣшены юнкера-Александровцы, эти послѣдніе защитники чести Россіи и Русской Арміи! . . .

Въ Октябрѣ 1917 года въ Москвѣ умерло Александровское Военное Училище, ишенное юнкеровъ-Александровцевъ! . . .

Но сама природа, не позволяющая полного уничтоженія чего-либо, развѣяла дорья сѣмена Александровской школы. . . И вотъ, почти черезъ годъ, на далекихъ поляхъ Дона и Кубани, заглася заря весны Россіи, Русской Арміи и Александровцевъ! Александровцы снова собрались, чтобы продолжать жизнь стараго Александровскаго Военнаго Училища. Возсоздателемъ и Начальникомъ Училища былъ генераль Курбатовъ, которому уждено было стать проводникомъ ранней весны. Къ сожалѣнію этотъ проблескъ весны былъ слишкомъ ранній и новый зимній бурянь пронесся надъ Училищемъ, вырвавъ изъ земли Александровцевъ возсоздателя его и замѣнивъ его новымъ Начальникомъ Училища, генераломъ Буровымъ.

Но „дѣло было сдѣлано“ и, несмотря на продолжающуюся суровую зиму, Александровское Военное Училище существуетъ и теперь, ожидая прихода весны въ самомъ недалекомъ будущемъ!

И тогда снова „четыре времени года“ стануть чередоваться въ Училищѣ какъ въ старое—доброе время! . . .

Болгарія, Варна. **А. Курбатовъ.**

№ 3. Мартъ — Воспоминаніе Александровца о 1917 годѣ.



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 3.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Мартъ 1928 г.

Воспоминаніе Александровца о 1917 годѣ.

(съ отвѣтомъ Училища)

„23^ее Апрѣля“.

(Александровское Военное Училище).

Этотъ новый стиль снугаль память! Чтобы найти дату юбилея нужно произвести математическія вычисления. . . И вотъ сегодня, въ хмурый день, когда тайфунъ дулъ во всю, я съ трудомъ вычислилъ, что сегодня — 23 Апрѣля стараго стиля, день праздника Александровскаго Военнаго Училища.

Въ 1917 году послѣдній разъ Александровцамъ дали четыре блока, и былъ праздникъ на Арбатѣ, и чудесный оркестръ Александровскаго Училища гналъ стройные звуки по Александровскому саду, къ Троицкой башнѣ, по Никитскому бульвару и къ памятнику Гоголя. Послѣдній разъ тогда юнкера шли подъ барабанъ со свистѣлками и сопѣлками — гордостью Училища. Ибо черезъ семь мѣсяцевъ все Училище, въ полномъ составѣ, дралось противъ стотысячнаго Московскаго большевическаго гарнизона, и даже учебная пушка — безъ панорамы — участвовала въ бою, когда горсть вѣрныхъ власти юношей безтрепетно шла противъ бунтовавшей солдатни, безжалостно разстрѣливавшей плѣнныхъ. На прямоугольномъ дворѣ Училища, обнесенномъ высокими зданіями (какъ рассказывали немногіе удѣлѣвшіе юнкера) командиръ роты Его Величества капитанъ Ивановъ выстроилъ роту плѣнныхъ, разсчиталъ ее и одинъ производилъ ротное учение. Выдавшія дружную ногу юнкеровъ, каменные стѣны дрожали отъ молодецкой выправки плѣнныхъ большевиковъ! . . .

Но черезъ недѣлю произошла сдача. Срѣзались погоны и кое-какъ въ одиночку юнкера разсыпались по всей Матушкѣ Россіи, и потомъ, изъ подъ стельки въ сапогѣ, гдѣ нибудь на далекомъ Дону — оставшіеся въ живыхъ юнкера вытаскивали погоны, и со слезами на глазахъ нацѣпляли ихъ на плечи!

А громадное большинство Александровцевъ валялось трупами по Московскимъ бульварамъ, въ садикахъ и на дворѣ Училища. Училище умерло! . . .

И послѣдній праздникъ былъ отпразднованъ пять лѣтъ тому назадъ . . .

Въ томъ-же помѣщеніи новые люди, со звѣздами вмѣсто погонь, топчуть прямоугольный дворъ Училища. Ихъ обучаютъ, быть-можетъ, тѣ-же офицеры . . . Но Училище уже не то . . . Вынесены эмблематическія изображенія пеликановъ, скульптура разбита, царскіе портреты сожжены . . . И никто не вспомнитъ дня 23 Апрѣля!

Когда-же опять его вспомнятъ? Богъ вѣсть! . . .

„Прицѣлъ“

„23 Апрѣля вспоминается и празднуется“.

(отвѣтъ генерала Бурова).

29 Юня 1922 года въ канцеляріи Александровскаго генерала Алексѣева Военнаго Училища изъ г. Софіи отъ неизвѣстнаго лица былъ полученъ № 124 газеты Дално-восточной Арміи — „Русская Армія“ со статьей подъ заглавіемъ „23 Апрѣля“ за подписью подъ псевдонимомъ „Прицѣлъ“.

Спѣшу издалека, изъ предѣловъ изгнанія, откликнуться ея автору.

Единые духомъ, рожденные единой военной школой, сгрудившись на противоположныхъ границахъ нашей Родины подъ сѣнью боевыхъ знаменъ для борьбы за честь и величіе Россіи, мы слишкомъ мало знаемъ другъ о другѣ и только кое-когда доходятъ до насъ вѣсти съ Дальняго Востока, гдѣ также развѣвается трехвѣтвиый флагъ. Статья „23 Апрѣля“ полна душевной скорби бывшаго Александровца за славное Училище, насильственно прекратившее свое существованіе въ 1917 году.

Хочу порадовать автора и шлю ему горячій привѣтъ отъ Александровцевъ, возродившихъ старое Училище въ дни гражданской войны на югѣ Россіи.

Александровское Училище существуетъ и бѣлый его погонъ, бѣлой нитью окаймляетъ стройные ряды юнкеровъ, начиная съ 1919 года.

Маститый старый Александровецъ, бывший командиръ 2-ой роты, генераль Курбатовъ, какъ мы его называемъ „Пеликанъ-собиратель“, созывая къ себѣ на помощь бывшихъ Александровцевъ, съ 31 Января 1919 года, съ великой любовью, отдавая всего себя и духомъ и тѣломъ, взялся за воссозданіе Александровскаго Военнаго Училища. Переживъ нѣсколько этаповъ тяжелой, неравной, кровавой борьбы. Училище стремилось въ Москву — Бѣлокаменную, къ себѣ на Знаменку. Въ 1919 году въ Ноябрьѣ Училище было уже въ Чугуевѣ, но съ крушеніемъ Арміи Деникина вновь собралось въ Крыму, гдѣ 7 мѣсяцевъ продолжало свою тяжелую работу. Принимая участіе въ бояхъ при оборонѣ Крыма, Училище было награждено серебряными трубами съ Николаевскими лентами за десантную операцію на полуостровѣ Тамань. Раздѣливъ участь Русской Арміи, 1 Ноябрь 1920 года Училище оставило предѣлы Россіи. Всѣ тяжелые удары судьбы не сломили духа Александровцевъ и они, пребывая на чужбинѣ, стали еще крѣпче, ряды стали еще тѣснѣе и всѣ глубоко вѣрятъ, что дружное „Ура“ Александровцевъ скоро огласитъ стѣны дорогого Училища на Знаменкѣ!

Болгарія

Александровецъ.

г. Свищевъ (Систово)

23 Юня 1922 г.

Болгарія. Варна. А. Курбатовъ

№ 4 Апрѣль. Послѣдніе дни А. В. У. въ Москвѣ въ 1917 году.



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 4.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Апрѣль 1928 г.

Послѣдніе дни А. В. У. въ Москвѣ въ 1917 году. (со словъ Александровца капитана Н. А. Данилова).

Послѣ паденія Временнаго Правительства, въ Октябрѣ 1917 года въ Россіи воцарилась власть большевикомъ-коммунистовъ. Этотъ захватъ власти „интернационаломъ“ въ городѣ Петра Великаго прошелъ „не безболѣзненно“, но еще болѣе остро онъ былъ въ Первопрестольной Москвѣ, въ центрѣ Россіи . . .

Александровское Военное Училище, которое всю свою, почти столѣтнюю, службу Россіи несло въ Москвѣ, невольно играло видную роль во время большевистскаго переворота и испытало на себѣ всю тяжесть его. Имя „Александровецъ“ тѣсно связано съ Москвою и недаромъ юнкеровъ — Александровцевъ называли „первыми кавалерами Москвы“. И вотъ на этихъ почти еще юношей — Александровцевъ палъ тяжелой жребій охранять Московскій Кремль съ его святынями и богатствами! . . . Александровцы „до конца“ выпелнели свой долгъ передъ Родиной и только послѣ нихъ началось разрушеніе, уничтоженіе, надруганіе надъ всѣмъ святымъ и дорогимъ, что хранилось въ Кремлѣ!

Въ 1917 году въ Училищѣ было 2 баталіона юнкеровъ, числомъ около 1000 человекъ; были тамъ и женщины — юнкера, до 50 человекъ, это „дѣтище“ времени Керенскаго.

Начальникомъ Училища былъ генеральнаго штаба Полковникъ Муратовъ, а всѣмъ Московскимъ гарнизономъ командовалъ Полковникъ Грузиновъ.

На гарнизонѣ Москвы была возложена задача охраны города, при чемъ линія обороны захватывала весь городъ вокругъ Кремля, отъ рѣки Москвы у Зачатьевскаго монастыря къ Пречистенкѣ у Штаба Округа, далѣе по Пречистенскому бульвару къ зданію Александровскаго Военнаго Училища, потомъ — по Страстному бульвару къ Страстному монастырю, на Лубянскую площадь, къ стѣнамъ Бѣлаго города и, наконецъ, къ рѣкѣ Москвѣ у Каменнаго моста.

Александровцы прекратили свои занятія и несли охранную службу, занимая караулы въ Кремлѣ и въ Государственныхъ Учрежденіяхъ. Со зданіемъ Училища на Знаменкѣ, которое служило базой для защитниковъ Кремля, всѣ время поддерживалась связь. Оборонять Кремль приходилось отъ бушующей черни, отъ распропагандированныхъ и потерявшихъ дисциплину солдатъ, а также отъ прибывшихъ въ Москву какихъ-то „темныхъ“ личностей.

Вся продолжительность обороны была около 12-ти дней. Никакихъ „сраженій“ не было, но всякій выходъ отряда изъ Кремля былъ похожъ на „экспедицію“ черезъ толпы бушующихъ людей. А выходить приходилось часто — для смѣны карауловъ, для пополненія запасовъ ѣды и патроновъ; къ этимъ „экспедиціямъ“ придавались броневики, охранявшіе транспорты въ пути — особенно на Преснѣ и въ Хамовникахъ. Вначалѣ положеніе защитниковъ Кремля было терпимо, но съ каждымъ днемъ оно ухудшалось и ухудшалось. Особенно это ухудшеніе почувствовалось тогда когда появились подозрительныя личности, переходившія съ одной стороны на другую и сманивавшія положить оружіе и прекратить „гражданскую войну“. Во то-же время жизнь въ самомъ Училищѣ шла съ полнымъ напряженіемъ: тамъ шла обученіе вновь-формируемыхъ ротъ изъ добровольно пришедшихъ солдатъ и изъ захваченныхъ „полубольшевикомъ“. Мысли о сдачѣ оружія ни у кого не было и полное подчиненіе своему начальству царило у всѣхъ Александровцевъ, защитниковъ Кремля. Къ сожалѣнію, само „выборное“ начальство тайно вело переговоры съ „темными“ личностями о сдачѣ оружія, о прекращеніи обороны и

ропускъ юнкеровъ „по домамъ“. За это обѣщася полная неприкосновенность личности офицерамъ, юнкерамъ и солдатамъ. И вотъ состоялся приказъ о разоруженіи, отданный Полковникъ Грузиновымъ . . . Училищное начальство, въ свою очередь, приказало ротамъ юнкеровъ сдать всё оружіе на квадратномъ плацу Училища на Знаменкѣ. — Другими словами, — Кремль долженъ былъ быть оставленъ его послѣдними защитниками! .. Было условлено, что всѣ должны сдать оружіе, снять погоны и кокарды; кромѣ того было объявлено, что Училище закрывается на неопредѣленное время. Приказъ былъ полученъ ночью и съ утра слѣдующаго дня на Знаменку потянулись отдѣльныя группы юнкеровъ. Линія обороны, такимъ образомъ, была уничтожена и толпа черни хлынула въ Кремль . . . Конечно объ условіяхъ задачи всѣ забыли и начались грабежи, убійства и безчинство въ самомъ Кремлѣ, въ Александровскомъ скверѣ и въ ближайшей къ Кремлю мѣстности. Если попадался черни офицеръ или юнкеръ, неуспѣвшій сдать оружіе или снять погоны, то ихъ звѣрски бивали, разстрѣливали, вѣшали на фонаряхъ, столбахъ и деревьяхъ. Безчинство уже никто не могъ остановить и затравленные Александровцы гибли тутъ-же около Кремля, около Иверской часовни и въ Александровскомъ скверѣ! . . . 3-ая рота Училища, непожелавшая сдать оружіе, была почти вся уничтожена! . . . Часть юнкеровъ, бывшихъ въ Лефортовѣ, была переведена на Знаменку для обороны зданія Училища; всѣ солдаты, находившіеся тутъ, куда-то исчезли, оставивъ юнкеровъ и офицеровъ въ Училищѣ противъ обезумѣвшей толпы. Юнкерамъ пришлось покинуть зданіе Училища и скрываться сначала въ Москвѣ, а затѣмъ внѣ ея. Самое зданіе Училища было разграблено, музей, бібліотека, церковь и буфетъ были уничтожены. Всѣ живущіе въ зданіи Училища получили приказаніе покинуть его въ кратчайшій срокъ.

Съ этихъ поръ Александровскаго Военнаго Училища не стало! . . . Большинство Александровцевъ или погибло, или ушло изъ Москвы, чтобы продолжать борьбу съ врагами Россіи!

Впослѣдствіи зданіе Училища было перекрашено изъ бѣлаго въ красный цвѣтъ и въ немъ было помѣщено „политическое управленіе“. Въ подвалахъ Училища были устроены казематы для арестованныхъ, а въ тирѣ Училища стали производиться разстрѣлы „политическихъ“ . . .

Такъ погибло Александровское Военное Училище . . .

Вѣчная память погибшимъ. честь и слава всѣмъ тѣмъ Александровцамъ, которые остались вѣрными своей Родинѣ — Россіи! . . .

Болгарія. Варна.

А. Курбатовъ

№ 5. Май. „Три Державныхъ Шефа А. В. У.“

Цѣль листка „Александровецъ“.

1. Ознакомленіе „молодыхъ“ Александровцевъ съ прошлымъ Александровскаго Военнаго Училища.
2. Ознакомленіе „старыхъ“ Александровцевъ съ дѣятельностью Училища послѣ его возсозданія.
3. Объединеніе, такимъ путемъ, на общихъ національныхъ началахъ всѣхъ Александровцевъ, не раздѣляя ихъ „на цвѣта“, „партіи“, „толки“, „направленія“ и т. п.
4. Собираніе свѣдѣній обо всѣхъ Александровцахъ, памятуя, что въ 1930 году исполнится 100 лѣтъ съ основанія родного Училища.

А. Курбатовъ

Болгарія, Варна, Бул Фердинандъ, 2.



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 5.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Май 1928 г.

Три Державныхъ Шефа А. В. У.

За всё время своего существованія, Александровское Военное Училище имѣло своими Шефами трехъ Государей Императоровъ: Александра II, Александра III и Николая II. Воспоминанія о Нихъ еще не изгладились изъ памяти у тѣхъ Александровцевъ, которымъ суждено было видѣть Царя-Освободителя, Царя Миротворца и Царя Мученика. Впечатлѣніе мальчика о Императорѣ Александрѣ II, впечатлѣніе юноши о Императорѣ Александрѣ III и впечатлѣніе взрослого человѣка о Императорѣ Николаѣ II — составляютъ то, что хотѣлось — бы предать въ краткихъ словахъ о трехъ Державныхъ Шефахъ Училища.

1-ый Шефъ — Императоръ Александръ II.

Я былъ въ 1-омъ классѣ Кіевской Военной Гимназіи когда шла Освободительная война 1877-78 г. Послѣ объявленія войны 12 Апрѣля 1877 года Россіей Турціи, Императоръ Александръ II побывалъ въ Кіевѣ, гдѣ посѣтилъ Кіевскую Военную Гимназію. Съ утра этого памятнаго дня, всё зданіе Гимназіи приняло праздничный видъ, всё блестяло, всё украсилось, всюду были выставлены русскіе флаги, изъ оконъ спускались разноцвѣтные ковры. Мы воспитаники были одѣты въ парадные мундирчики съ мѣдными пуговицами и въ кепкахъ, а нашъ директоръ — генералъ Юшеновъ былъ въ каскѣ съ султаномъ изъ разноцвѣтныхъ перьевъ. Государь прѣхалъ къ намъ утромъ и часы пребыванія у насъ Его Величества были сплошнымъ торжествомъ для всѣхъ насъ!... Особенно запомнились мнѣ проводы Государя Императора Александра II.

Помню, какъ широко распахнулась тяжелая дубовая дверь Гимназіи и какъ мы всѣ 500 воспитанниковъ бросились за коляской Царя съ оглушительными криками „Ура“!

Бурной лавиной неслись мы по Бибииковскому бульвару, не отставая отъ коляски; пирамидальныя тополи только мелькали мимо насъ, а глаза наши были всё время устремлены на величаво красивое лицо Царя-Освободителя. Въ одномъ мѣстѣ, передъ переѣздомъ черезъ рельсы желѣзной дороги, коляска Государя нѣсколько убавила свой ходъ и мы, воспользовавшись этимъ моментомъ, буквально облепили ее. Я бѣжалъ почти впереди всѣхъ и помню, что паденіе черезъ кучу щебня воспитанника старшаго класса дало мнѣ возможность стать на подножку коляски и слышать добрыя слова Царя: „не расшибся ли ты? Эти слова были обращены къ вскочившему уже на ноги воспитаннику, который успѣлъ уцѣпиться за кузовъ коляски; радостный отвѣтъ — „только казенныя брюки разорвалъ, Ваше Императорское Величество“, послѣдоваль на вопросъ Царя.

Почти до Еврейскаго базарчика, у Желѣзной Церкви, мы сопровождали Царя и отъ этого мѣста, по Его приказанію, вернулись въ Гимназію.

2-ой Шефъ — Императоръ Александръ III.

Уже въ С. Петербургѣ, во 2-омъ Кадетскомъ Корпусѣ, я первый разъ увидѣлъ Государя Александра III. Стогла еще зима, хотя былъ уже Мартъ мѣсяцъ. Въ Корпусѣ носились слухи, что Государь объѣзжаетъ Военно Учебныя Заведенія и было уже нѣсколько ложныхъ тревогъ, основанныхъ на томъ, что Государь находится въ 1-омъ Кадетскомъ Корпусѣ. Какой-то страхъ, что вдругъ, по какимъ либо причинамъ, Государь въ этомъ году у насъ не будетъ, уже заползалъ въ наши думы... Помню, какъ во время послѣдняго урока одного изъ буднихъ дней Марта мѣсяца, къ намъ въ классъ вошелъ дежурный воспитатель и что то сказалъ преподавателю французскаго языка г-ну Варонѣ. Весь классъ живо сообразилъ, что что-то случилось въ Корпусѣ и конечно всѣ мы вспомнили о возможности посѣщенія Корпуса Государемъ. Преподаватель, видимо, волновался, а ка

дети стали приводить себя въ порядокъ. Я, какъ дежурный по классу, взглянувъ на классныя доски и на полъ около нихъ, слегка растерялся, такъ какъ всюду не было надлежащей чистоты. Спросивъ разрѣшеніе у преподавателя убрать около досокъ и не получивъ никакого отвѣта, я въ одинъ мигъ очутился подъ „партами“ и пролѣзъ подъ ними до самыхъ досокъ. Когда я успѣлъ уже привести нѣкоторый порядокъ и вернулся тѣми же путями на свое мѣсто, въ корридорѣ послышались приближающіеся шаги цѣлой группы людей и громкій голосъ Государя Александра III. Сердца у всѣхъ насъ такъ и прыгнули отъ восторга и отъ какого-то священнаго трепета!... Вѣдь это шель къ намъ Самъ Русскій Царь богатырь!

И вотъ въ открытую уже дверь вошелъ къ намъ Государь, около котораго былъ директоръ корпуса генералъ Макаровъ и инспекторъ классовъ Полковникъ Курбатовъ — мой отецъ. Мы дружно встали и втянулись въ „струнку“, а я, какъ дежурный по классу, подошелъ къ Государю съ рапортомъ на французскомъ языкѣ. Государь, выслушавъ рапортъ, громко сказалъ „молодецъ“! Я на эту похвалу гаркнулъ во все горло — „радъ стараться Ваше Императорское Величество“, и сдѣлалъ шагъ въ сторону. Государь поздоровался съ классомъ и подошелъ къ старику преподавателю съ какимъ то вопросомъ. Мы буквально пожирали глазами своего Царя! Онъ былъ въ своемъ излюбленномъ костюмѣ: въ сюртукѣ со свитскими погонами съ вензелями Императора Александра II и золотыми аксельбантами, на шеѣ былъ большой георгиевскій крестъ, а въ рукахъ была фуражка. На насъ, кадетъ 8-аго класса, вся фигура Царя произвела огромное впечатлѣніе! Казалось, что такого богатыря даже нашъ первый силачъ не осилитъ!.. Черезъ нѣсколько минутъ протрубила труба „отбой“ т. е. уроки закончились. Государь вышелъ изъ класса и пошелъ въ лазаретъ, а насъ выстроили и повели въ общій сборный залъ, гдѣ уже собрались кадеты другихъ ротъ. Около бюста „Благодѣтеля“ — Великаго Князя Михаила Павловича стоялъ уже нашъ кадетскій оркестръ и хоръ пѣвчихъ. Черезъ 10 минутъ въ залъ вошелъ Государь Тутъ Онъ прослушалъ нѣсколько № №, исполненныхъ оркестромъ и пѣвчими, поблагодарилъ исполнителей и направился черезъ младшія роты къ швейцарскую корпуса. Нашъ оркестръ исполнилъ Гимнъ, послѣ котораго мы, съ криками „Ура“, бросились за Государемъ. Провожать Государя до Тучкова моста намъ не разрѣшили, что насъ сильно огорчило... Мы плотной массой продвигались по корридорамъ Корпуса къ церкви, около которой идетъ лѣстница въ швейцарскую; цвѣты стояшіе на лѣстницѣ, были сметены толпой и затоптаны. Государь, одѣвъ въ швейцарской свое легкое пальто, вышелъ на крыльцо Корпуса, сопровождаемый начальствомъ. Мы въ это время облепили всѣ окна, изъ которыхъ было видно крыльцо и сани Царя. Около оконъ шель цѣлый бой между желающими еще разъ взглянуть на могучую фигуру Царя Александра III

Слѣвъ въ сани, Государь приложилъ руку къ козырку, отвѣчая на низкій поклонъ нашего начальства, и отбылъ изъ корпуса. Послѣ отъѣзда Государя, намъ объявили что мы можемъ идти въ отпускъ на 3 дня! Новый восторгъ! Мы схватили на руки свое начальство и начали „качать“, а директора отнесли на рукахъ на его квартиру. И только сигналъ „къ обѣду“ прекратилъ наше ликование!...

3-ій Шефъ — Императоръ Николай II.

Но вотъ настало время, когда я самъ сталъ руководителемъ нашей военной молодежи... Въ Москвѣ, на Знаменкѣ въ Александровскомъ Военномъ Училищѣ я продолжалъ службу Царю и Родинѣ, послѣ пятилѣтняго пребывания въ гвардейскомъ полку. Наступила весна и съ нею приближался Свѣтлый День Христова Воскресенія. Въ Москвѣ ожидали пріѣзда Государя Николая II съ Августѣйшей семьей. Александровцы готовились къ занятію карауловъ, подбирались внутренній и большой дворцовые караулы, а также — малые караулы въ ворота Святого Кремля. Кромѣ-того и въ самомъ Училищѣ ожидался пріѣздъ Царя въ одинъ изъ дней нахождения Его въ Москвѣ. Наконецъ эти желанные дни наступили, въ Москву пріѣхала вся Царская Семья и Александровцы одними изъ первыхъ попали въ Кремлевскіе караулы, которые неслись безукоризненно. Скоро наступилъ и счастливый день посѣщенія Царемъ Училища! Шли часы строевыхъ занятій, когда было получено извѣщеніе отъ дежурнаго по Училищу офицера, что Государь изволилъ прибыть въ Училище и находится уже въ Училищной церкви, гдѣ Его встрѣтилъ священникъ протоіерей Добронравовъ съ крестомъ и святой водой. Я, какъ командиръ 2-ой роты юнкеровъ, помѣщеніе которой находилось около самой церкви, поторопился быть у входа въ роту. Старшій классъ моей роты былъ на верховой ѣздѣ въ манежѣ, а младшій — на гимнастикѣ въ гимнастическомъ залѣ. Въ помѣщеніи роты оставались одни дежурные юнкера, отвѣчающіе за порядокъ въ ротѣ.

И вотъ въ роту вошелъ Государь, которому я былъ представленъ Начальникомъ Училища генераломъ Лаймингомъ. Государь, окинувъ меня добрымъ чарующимъ взглядомъ, поздоровался со мной за руку. Около ротнаго образа Св. Николая Угодника Государь остановился, перекрестился и спросилъ меня объ исторіи сооруженія образа. Отъ моей роты Государь отправился въ лазаретъ, гдѣ Его встрѣтилъ старшій врачъ докторъ

Любимовъ. Въ лазаретѣ Государь задержался довольно долго, удостоивъ разговоромъ каждого больного. Въ это время первый часъ строевыхъ занятій закончился и во время второго часа этихъ занятій Государь изъ лазарета прошелъ въ гимнастическій и фехтовальный залъ, гдѣ были юнкера роты Его Величества. Далѣе Государь прошелъ въ классы, гдѣ шли репетиціи по Уставамъ юнкеровъ 3 й роты. Тутъ-же Государь осмотрѣлъ богатую бібліотеку и музей Училища, послѣ чего прошелъ въ помѣщеніе роты Его Величества, 3 ей и 4-ой. Всюду Государь интересовался ходомъ занятій, при чемъ держалъ себя очень просто, чѣмъ очаровалъ всѣхъ насъ.

Во время обхода помѣщенія 4 ой роты, всѣ юнкера Училища были собраны и построены въ больюомъ сборномъ залѣ: туда же пришелъ хоръ музыкантовъ Училища. Государь, войдя въ залъ, внятно и громко поздоровался съ баталіономъ, и затѣмъ обошелъ ряды юнкеровъ, стоящихъ въ резервной колонѣ — безъ винтовкъ.

Всѣ Александровцы могли хорошо видѣть и слышать своего Державнаго Шефа, который поблагодарилъ юнкеровъ за службу и пожелалъ успѣха въ дальнѣйшей жизни. Простившись съ баталіономъ, Государь подъ звуки музыки, исполнявшей Русскій Народный Гимнъ, прошелъ во вторую швейцарскую Училища, находящуюся подъ 3 ей ротой. Тутъ былъ уже фельдфебель Царевой роты, * * * который удостоился подать Государю пальто. Всѣ Александровцы провожали Царя, быстро построившись шпалерами по Знаменской улицѣ. Когда Государь въ экипажѣ проѣзжалъ мимо Александровскихъ роты то юнкера съ офицерами кинулись съ громовымъ „Ура“ за коляской своего Шефа. При въздѣ въ Кремль, у Боровицкихъ воротъ, Государь еще разъ простился съ юнкерами. Громкое — „счастливаго пути Вашему Императорскому Величеству“ — пронеслось по Александровскому скверу и по набережной Москвы рѣки! Отъ Боровицкихъ воротъ Александровцы вернулись къ себѣ въ Училище счастливые и довольные тѣмъ, что видѣли у себя своего Шефа — Императора!

Болгарія. Варна.

А. Курбатовъ

№ 6. Іюнь. „Александровцы въ Августѣ 1914 года“.



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 6.

ЕЖЕМЯСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Юнь 1928 г.

Александровцы въ Августъ 1914 года воспоминаніе Л. Хамина.

Лѣтомъ 1914 года Александровское Военное Училище, какъ и въ прежніе годы, находилось въ лагерѣ на Ходынскомъ полѣ около Всесвятской роши . . .

12-ого Юля; юнкера старшаго класса были произведены въ офицеры; обычнаго отпуска до 1-аго Сентября юнкеровъ перешедшихъ въ старшій классъ не было, а начались ускоренныя занятія для подготовки слѣдующихъ выпусковъ въ офицеры.

Въ концѣ Юля стало извѣстно, что въ Началѣ Августа Москву посѣтитъ Государь Императоръ. По распоряженію Командующаго Войсками М. В. О., отъ Александровскаго Военнаго Училища долженъ быть выставленъ на Александровскомъ (Брестскомъ) вокзалѣ почетный караулъ рота юнкеровъ со знаменемъ и хоромъ музыки. Въ этотъ караулъ были назначены юнкера роты Его Величества, въ которой я былъ младшимъ офицеромъ, а впоследствии и командиромъ ея.

Пріѣздъ Государя ожидался 4 Августа, а потому въ теченіе нѣсколькихъ дней нужно было „сбить“ караулъ и пополнить его юнкерами другихъ ротъ до полнаго числа рядовъ знаменнаго почетнаго караула.

3-го Августа этотъ почетный караулъ выступилъ изъ лагеря въ Москву — въ зданіе Училища.

4-го Августа, около 2-хъ часовъ дня, караулъ выступилъ на вокзалъ Брестской Желѣзной Дороги, черезъ Арбатскую площадь, вдоль бульваровъ и далѣе по Тверской. Всегда многолюдные бульвары и площади теперь пустовали; только городские столбы на перекресткахъ улицъ, отдавая честь проходившей ротѣ со знаменемъ, а всѣ жители Москвы уже давно вышли на Тверскую улицу, чтобы привѣтствовать Дорогого Хозяина по пути Его слѣдованія въ Кремлевскій Дворецъ. . . Тверская была буквально загромождена народомъ. . .

Прійавъ на вокзалъ, почетный караулъ былъ введенъ въ залъ 3-аго класса, гдѣ юнкерамъ было разрѣшено привести себя въ полный норядокъ и покурить.

За ¼ часа до прибытія поѣзда, къ дверямъ Царскихъ комнатъ были поставлены парные часовые Александровцы, а весь караулъ былъ выведенъ на платформу вокзала. Вскорѣ за этимъ, къ мѣсту предполагаемой остановки Государева вагона, встали на парный постъ два казака - конвойца въ алыхъ черкескахъ.

Наконецъ — вдали показался Императорскій поѣздъ, имѣя впереди паровозъ-гигантъ, а за нимъ — синіе вагоны съ бѣлыми крышами.

Ровно въ 3 часа дня поѣздъ плавно остановился. . . „Иванъ Великій“ своимъ могучимъ звономъ колоколовъ возвѣстилъ Москву о пріѣздѣ Царя въ Первопрестольную, а со всѣхъ колоколенъ церковей начался торжественный перезвонъ. Надъ дворцомъ въ Кремлѣ взвился въ это время Императорскій Штандартъ желтое полотнище съ чернымъ двуглавымъ орломъ по срединѣ.

Вагонъ Великихъ Князей остановился противъ самаго караула и Августѣйшія Дочери Государя, стоя у окна, привѣтливо улыбались Александровцамъ.

По командѣ командира роты Капитана Мансурадзе — „смирно“, юнкера застыли на своихъ мѣстахъ и напряженно ждали дальнѣйшихъ командъ.

Когда въ дверяхъ вагона показался Государь, была подана команда — „слушай на краулъ“, музыка заиграла „встрѣчу“.

Государь, принявъ рапортъ Коменданта города Москвы, направился къ правому флангу караула. При подходѣ Государя къ музыкантамъ, „встрѣча“ затихла и всѣ, находящіеся въ строю, услышали громкій голосъ своего Царя — „здорово музыканты“ и ихъ

отвѣтъ — „Здравія желаемъ Ваше Императорское Величество*! И сейчасъ-же з. этимъ полились могучіе, плавные звуки національнаго русскаго гимна. а вѣтхое знамя Училища тихо склонилось передъ Державнымъ Шефомъ Александровцевъ! . . .

Государь медленно прошелъ по фронту юнкеровъ . . . „Здорово молодцы Александровцы* „Здравія желаемъ Ваше Императорское Величество* — отвѣтили дружно юнкера на привѣтствіе горячо любимаго ими Монарха и громкое „Ура“ заглушило звуки гимна! Принявъ рапорты отъ ординарцевъ и посыльнаго, Государь приказалъ черезъ Начальника Училища Генераль-майора Геништа, подать команду — „къ ногѣ“, а самъ подошелъ къ начальствующимъ лицамъ и депутациямъ, стоявшимъ лѣвѣе ординарцевъ. Черезъ нѣсколько минутъ Государь вторично прошелъ мимо караула къ параднымъ комнатамъ вокзала, гдѣ Его ожидала Государыня Императрица. Когда Государь проходилъ мимо вагона Великихъ Княженъ, Онѣ вышли на перронъ и послѣдовали за Государямъ. По минованіи фронта караула Государемъ, рота перестроилась въ колену по отдѣленіямъ и прошла церемоніальнымъ маршемъ мимо своего Шефа подъ маршъ оркестра. „Отлично Александровцы“ — опять услышалъ караулъ голосъ Царя . . . „Рады стараться. Ваше Императорское Величество* — отвѣтили юнкера.

Государь со Своей Семейей сѣлъ въ автомобиль и медленно послѣдовалъ вдоль шпалеръ народа, встрѣчавшаго своего Царя громкимъ „Ура“.

Минуть черезъ 15. рота двинулась по Тверской въ Кремль для относа своего знамени во дворецъ.

Народъ, словно зачарованный, продолжалъ стоять на улицѣ . . . При выходѣ юнкеровъ съ вокзала, многотысячная толпа Москвичей закричала снова „Ура“ и это „ура“ не смолкало во время всего, почти четвертнаго, пути до Дворца. Въ лицѣ юнкеровъ народъ привѣтствовалъ Русскую Армію, проливавшую уже въ это время свою кровь за честь своей Родины и за своего Царя! Входя въ Кремль, оркестръ заигралъ маршъ по-пури изъ „Жизни за Царя“, а, поравнявшись съ Дворцомъ, рота Александровцевъ увидѣла снова Государыню съ Дочерьми, которыя стояли у открытаго окна. Лишь только Государыня услышала команду — „Смирно, равненіе на право“, — Она, милостиво улыбаясь, поклонилась юнкерамъ, которые дружно отвѣтили — „Здравія желаемъ Ваше Императорское Величество* . . . И снова громовое „Ура“, несущееся за предѣлы Кремля, заглушило звуки марша! . . . У самага Дворца рота остановилась и выстроилась лицомъ къ нему; здѣсь Александровцы имѣли счастье снова увидѣть своего Шефа, подошедшаго къ окну кабинета посмотрѣть на церемонію относа знамени. По командѣ — „подъ знамя слушай на краулъ“, оркестръ заигралъ Училищный маршъ и знамя было отнесено въ кабинетъ Его Величества, для нахождения тамъ въ теченіе всего времени пребыванія Государя въ Москвѣ.

Уже стало смеркаться, когда рота возвратилась на Знаменку въ свое родное гнѣздо. На другой день рота вернулась въ лагерь на Ходынку, гдѣ приступила къ продолженію усиленной работы по ускоренной подготовкѣ юнкеровъ къ высокому званію офицера-начальника, въ тоже время — старшаго брата и отца русскихъ „сѣрыхъ“ героевъ солдатъ

А далѣе, еще черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, эти юнкера-Александровцы, вступивъ офицерами въ ряды славной Русской Арміи, сражались съ врагами Россіи и беззаветно отдавали свою жизнь за Русскаго Царя и Родину! . . .

Л. Х.

Болгарія. Варна.

А. Курбатовъ

№ 7 Июль. „Открытое письмо къ Александровцамъ“.



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 7.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Юль 1928 г.

Высочайшія почто-телеграммы.

Къ 6 Мая (23 Апрѣля) с. г. была получена слѣдующая телеграма отъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны:

Генералу Курбатову.

Варна.

Поздравляю старыхъ и молодыхъ Александровцевъ въ день 98-ой годовщины Александровскаго Военнаго Училища съ праздникомъ и шлю всѣмъ Мой привѣтъ.

Марія.

Также была получена въ Варнѣ слѣдующая почто-телеграмма отъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича:

Генералу-Маіору Курбатову.

Великая Княгиня и я сердечно благодаримъ Васъ и всѣхъ Александровцевъ города Варны за Ваши молитвы и добрыя пожеланія. Отъ души поздравляю всѣхъ съ 98-ой годовщиной Александровскаго Военнаго Училища. Благодарю Васъ за листки и прошу присылать слѣдующіе.

Николай

Считаю, что столь милостивое вниманіе Государыни Императрицы и нашего Верховнаго Главнокомандующаго дорого не только Александровцамъ г. Варны, но и всѣмъ старымъ и молодымъ Александровцамъ, помѣщая въ настоящемъ номерѣ листка вышеприведенія поздравленія.

„Открытое письмо къ Александровцамъ“.

Прошло только полъ года съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ № 1 листка „Александровецъ“.

Ежемѣсячно печатался этотъ листокъ, на что шли деньги, поступающія отъ продажи его. Двѣ болгарскія левы (около 0.5 франка) за каждый листокъ дали возможность имѣть свое „Александровское печатное слово“ и около 100 экземпляровъ листка расходилось каждый мѣсяць по разнымъ Государствамъ Европы. Первые шесть номеровъ „Александровца“ даютъ указаніе на то, что необходимо пояснить ту цѣль изданія, съ какою оно начато. Кромѣ-того, изъ писемъ отъ Александровцевъ, выяснилось, что историческіе факты, затронутые въ листкѣ, могутъ быть дополнены нѣкоторыми подробностями. Считаю всѣ эти указанія заслуживающими вниманія, настоящей номеръ листка посвящается исключительно этимъ запросамъ, чтобы съ № 8 го снова продолжать прерванную программу листка.

Цѣль листка „Александровецъ“ диктуется самой жизнью:

- 1) Ознакомленіе „молодыхъ“ Александровцевъ съ прошлымъ Алекс. Военнаго Училища.
- 2) Ознакомленіе „старыхъ“ Александр. съ дѣятельностью Училища послѣ его возсозданія.
- 3) Объединеніе такимъ путемъ, на общихъ національныхъ началахъ, всѣхъ Александровцевъ, не раздѣляя ихъ „на цвѣта“, „партии“, „толки“, „направленія“ и т. н.
- 4) Собираніе свѣдѣній обо всѣхъ Александровцахъ, памятуя, что въ 1930 году исполнится 100 лѣтъ съ основанія родного Училища

Къ № 1 „Александровца“.

Бывшій юнкеръ А. В. У. выпуска 1892 года, въ послѣдствіи адъютантъ и командиръ роты Его Величества, нынѣ Генераль-Маіоръ В. Н. Смердовъ, сообщилъ нѣкоторыя подробности о дарованіи старшинства Училищу. Эти подробности таковы: одновременно съ хатайствомъ объ утвержденіи нагруднаго знака А. В. У. какъ корпоративнаго, а не юбилейнаго, Училищемъ былъ возбужденъ вопросъ о дарованіи старшинства не

съ 1863 года, а съ 1830 года. На первое послѣдовало Высочайшее утверженіе, съ правомъ изготовленія знаковъ самому Училищу, чтобы часть денегъ за знаки шла на фондъ вспомошествованія бывшимъ юнкерамъ А. В. У. Что касается второй просьбы, то только благодаря найденной связи А. В. У. съ Сиротскими Военными Учрежденіями 1830 года, она тоже была уважена и послѣдоваль Высочайшій приказъ о дарованіи просимаго старшинства.

Къ № 2.

Бывшій юнкеръ А. В. У., выпуска 1887 года, ассистентъ знаменщика А. В. У., нынѣ Генераль-Маіоръ В. Я. Любимовъ, прислалъ нѣсколько стихотвореній, ходившихъ среди юнкеровъ Александровцевъ во времена генерала Самохвалова.

Особенно характерна слѣдующая выдержка изъ стихотворенія говорящаго на тему — „засѣданіе педагогическаго Училищнаго комитета:

Командиръ баталіона Полковникъ Дубяго, —

„Въ манежъ водить юнцовъ въ Субботу,

А въ праздникъ дать уму работу.

Чтобы безъ дѣла не сидѣть —

Пусть въ залѣ отдають мнѣ честь! —

Одинъ изъ командировъ ротъ,

„Побольше дать имъ ѣсть и спать,

Поменьше будутъ разсуждать! —

Начальникъ Училища генераль Самохваловъ, —

„Нѣтъ — намъ не надо идиотовъ,

Могущихъ только ѣсть и спать!

Военныхъ надо, патриотовъ

Уставъ могущихъ понимать!“

Къ № 3.

Содержаніе № 3 листка есть точная копія съ подлинника любезно присланнаго адъютантомъ Училища Капитаномъ В. А. Росляковымъ, состоящимъ на этой должности съ перваго дня возсозданіа А. В. У.

Какъ начальникъ А. В. У. ген. штаба генераль-маіоръ Буровъ, такъ и адъютантъ его, выѣхали въ 1924 году во Францію въ г. Кнютанжъ Адресъ: Кнютанжъ (Мозель) 43, улица Республики, Петру Никитовичу Бурову.

Къ № 4

Разсказъ о послѣднихъ дняхъ А. В. У. въ 1917 году записанъ со словъ бывшего младшаго офицера училища капитана Н. А. Данилова. Во время Великой войны онъ получилъ офицерскій Георгіевскій крестъ и былъ раненъ, а по выздоровленіи попалъ въ А. В. У., гдѣ и былъ въ 1917 году.

Въ 1927 году, во время купанія въ Черномъ Морѣ, онъ потопулъ и похороненъ на кладбищѣ города Варны русской колоніей.

Бѣчная память Александровцу — герою!

Къ № 5.

Воспоминаніе о первомъ Державномъ Шефѣ А. В. У. взято изъ статьи А. Курбатова „Любимая корочка хлѣба“, напечатанной въ русской и болгарской періодической печати. Эта статья была написана по случаю 50 лѣтія Освободительной войны 1877-78 г. и имѣла большой успѣхъ среди болгаръ. Во время торжествъ въ г. Варнѣ одинъ изъ болгаръ, большой патриотъ М. Христовъ, передалъ нѣкоторую сумму денегъ на изданіе „Александровца“ и пожелалъ быть подписчикомъ на него.

Русское спасибо ему! . . .

Къ № 6.

Воспоминаніе бывшего юнкера А. В. У., нынѣ Подполковника Л. Н. Хамина, выпуска 1902 года, въ послѣдствіи командира роты Его Величества и командира баталіона Училища, переноситъ читателя въ родное Училище время начала Великой войны и даетъ яркую картину всеобщаго подъема, царившаго въ Россіи въ это время.

Къ настоящему № 7.

Къ столѣтнему юбилею А. В. У. хотѣлось бы „сдѣлать переключку“ старимъ и молодымъ Александровцамъ, а потому заранѣе обращаюсь съ просьбой къ нимъ и къ служившимъ въ Училищѣ, дать о себѣ хотя бы краткія свѣдѣнія по слѣдующему адресу: Болгарія, Варна, Бульваръ Фердинанда № 2, Алексѣю Александровичу Курбатову. Желательно имѣть дату выпуска изъ А. В. У., имя, отчество, фамилію, послѣдній чинъ или званіе, должность.

Болгарія. Варна.

А. Курбатовъ

№ 8. Августъ. Посѣщеніе Государемъ Николаемъ II А. В. У. въ 1914 г.



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 8.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Августъ 1928 г.

Посѣщеніе Государемъ Николаемъ II А. В. У. въ 1914 г. (Выдержка изъ описанія генерала Дубенскаго).

Случайно я досталъ въ г. Варнѣ описанія путешествій Государя Николая II въ дѣйствующую армію и по Россіи во время Великой войны, составленное генераломъ Дубенскимъ и изданное Министерствомъ Императорскаго Двора подъ названіемъ — „Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай Александровичъ въ дѣйствующей арміи“.

Въ книгѣ „Третьяго Высочайшаго путешествіе“. — Ноябрь Декабрь 1914 г., — я прочелъ описаніе посѣщенія 10 Декабря 1914 года Державнымъ Шефомъ Александровскаго Военнаго Училища; находясь въ этотъ день съ юнкерами роты Его Величества во внутреннемъ дворцовомъ караулѣ, я не былъ въ Училищѣ, а потому помѣщаю въ этомъ № Александровца точную копию описанія. На страницѣ 135 генералъ Дубенскій пишетъ: „надо-ли говорить, съ какимъ сознаніемъ и усердіемъ шло обученіе молодыхъ солдатъ и юнкеровъ?! Особенно послѣднихъ: молодые люди, подъ призывомъ своего сердца, бросили высшія школы, чтобы наскоро пройти училищный курсъ и стать въ ряды бойцовъ. Никто не жалѣлъ пропущенныхъ мѣсяцевъ; молодежь несла на алтарь счастья Родины собственную дань, дань эта жизнь! Бери Россія своихъ сыновъ, цвѣтъ русскаго народа, и иди къ побѣдѣ, только для нея русскій людъ даетъ колоссальныя жертвы. Вчерашній рабочій — нынѣ солдатъ. Вчерашній студентъ — теперь офицеръ. И оба они подъ сѣнью полкового знамени идутъ въ огонь, туда ихъ шлетъ Родина, они больше не принадлежатъ себѣ: ими правитъ высшее начало война. . . Державный Вождь слѣдитъ за подготовкой молодого контингента, лично производить смотры, посѣщаетъ военноучебныя заведенія. . .“

„Въ Александровскомъ Военномъ Училищѣ“.

Въ исходѣ 11 часа Государь Императоръ изволилъ прибыть въ Александровское Военное Училище, Шефомъ котораго Онъ состоитъ. Принявъ рапортъ дежурнаго офицера, Государь изволилъ обходить всѣ классы, гдѣ велись занятія съ юнкерами. Государь изволилъ присутствовать на лекціяхъ артиллеріи, уставовъ, фортификаціи, военной топографіи и тактики. Его Величество удостоилъ милостивыхъ разспросовъ многихъ юнкеровъ, и въ особенности георгіевскихъ кавалеровъ изъ вольноопредѣляющихся, проходящихъ теперь курсъ въ Училищѣ. Большинство юнкеровъ А. В. У. окончило гражданскія учебныя заведенія, многія окончили высшія учебныя заведенія. Среди юнкеровъ одинъ окончилъ Императорское Техническое Училище, имѣетъ званіе инженеръ механика и въ патриотическомъ порывѣ оставилъ прекрасную частную службу и пошелъ добровольцемъ въ армію. Другой юнкеръ окончилъ Духовную академію. . . И такихъ много. . . Его Величество удостоилъ разспросомъ юнкеровъ — гдѣ они получили образованіе, а имѣющихъ Георгіевскіе кресты, изволилъ подробно разспрашивать о подвигахъ, за которые они награждены. Среди юнкеровъ наблюдается огромный интересъ къ занятіямъ и такой огромный нравственный и патриотическій подъемъ, что многіе изъ нихъ, поступивъ только въ Декабрѣ въ Училище, обращаютъ вниманіе воинской выправкой, строевымъ видомъ, дружными, отчетливыми и ясными отвѣтами, соответствующими воинскому званію. „Мы теперь не знаемъ, что такое наказанія, некого наказывать.“ — говорятъ училищные

офицеры. Знакомясь ближе съ этой молодежью, невольно передъ нею преклоняешься! . . . Что ихъ заставило снять форму гражданскихъ учебныхъ заведеній и надѣть простую солдатскую шинель? Что побудило русскую молодежь отказаться отъ личной свободы и пойти въ училищныя стѣны, подъ чисто военный режимъ? Что привело ихъ къ военнымъ наукамъ? Почему они временно поставили крестъ на продолженіе своего спеціального образованія и пошли въ военную семью, которая бьется за честь и интересы Родины, которая отдаетъ лучшихъ сыновъ безпредѣльной вѣчности и считаетъ это лучшимъ вѣнцомъ прекрасной жизни? Да потому что съ высоты Престола раздался зовъ на борьбу и на этотъ зовъ отзвались весь русскій народъ. Молодежь, унаслѣдовавъ отъ своихъ предковъ глубокую преданность Державному Монарху и Родинѣ, услышала этотъ кличъ въ своемъ сердцѣ; онъ побудилъ ихъ къ новой, боевой жизни. И вотъ они, стая молодыхъ орлятъ, гордясь, что въ эту великую годину, они пришли въ казармы нести долгъ русскаго народа, предстали передъ Государемъ. Какая нибудь недѣля строевой работы стерла съ нихъ все гражданское, статское. Это были военные съ ногъ до головы . . . Что значить люди поняли зовъ Царя и объединились съ Нимъ на шивъ борьбы, тяжелой, но въ концѣ концовъ побѣдной! . . . Обойдя класса, Государь изволилъ посѣтить лазаретъ для раненныхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, содержимый на средства офицеровъ Училища Обязанности сестеръ милосердія въ этомъ лазаретѣ несутъ дамы А. В. У. Его Величество изволилъ обходить раненныхъ и милостиво ихъ разспрашивать. Государь прослѣдовалъ затѣмъ въ лазаретъ для больныхъ юнкеровъ, гдѣ разспрашивалъ больныхъ о ходѣ ихъ болѣзни. Черезъ дортуары Его Величество прослѣдовалъ въ церковь Училища, гдѣ выслушалъ краткое молебствіе, за которымъ пѣлъ хоръ юнкеровъ. Юнкера, между тѣмъ, собрались на плацу Училища, куда изволилъ прослѣдовать и Государь Императоръ. Здѣсь Его Величество снялся въ фотографической группѣ съ офицерами и юнкерами. Милостиво простившись, Государь при восторженномъ „Ура“, подъ звуки народнаго гимна, исполненнаго оркестромъ Училища, отбылъ изъ Училища*.

Къ этой выдержкѣ изъ описанія генерала Дубенскаго, я, какъ командиръ баталіона юнкеровъ воссозданнаго въ Добровольческой Арміи А. В. У., могу завѣрить старшихъ Александровцевъ, что наши молодые однокашники, воспитанные на старихъ традиціяхъ Училища, своею кровью доказали безпредѣльную любовь къ поруганной Родинѣ! Вѣрую, настанетъ день, когда Александровцы, по призыву Верховнаго Вождя, вновь самкнутся въ тѣсныя ряды и, подъ звуки своихъ серебряныхъ трубъ, полученныхъ за боевыя отличія на Кубани, войдутъ въ Первопрестольную Москву! . . .

А. Хаминъ

Отзывъ о листкѣ „Александровецъ“ генерала отъ кифантерін А. П. Кутелова

„Очень благодарю Васъ за присылку мнѣ номеровъ листка „Александровецъ“, которому сердечно желаю дальнѣйшаго процвѣтанія. Огромная будетъ польза отъ этого скромнаго по внѣшнему виду, но богатаго по содержанію листка.“

Столь добрая оцѣнка листка глубокоуважаемымъ Александромъ Павловичемъ весьма цѣнна, а въ достиженіи листкомъ пользы — да поможетъ Господь! . . .

Болгаріе. Варна.

А. Курбатовъ

№ 9. Сентябрь. „Александровцы въ Дворцовомъ караулѣ“.



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 9.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Сентябрь 1928 г.

„Александровцы въ Дворцовомъ караулѣ“

Воспом. Л. Н. Хамина.

1914 годъ былъ на исходѣ и уже четыре мѣсяца шла Великая война, въ которой принимала участіе Россія . . . Москва, а съ нею и А. В. У., переживала въ это время начало упорной войны! . . . 1-аго Декабря юнкера старшаго класса были произведены въ офицеры, а ихъ младшіе товарищи, послѣ двухмѣсячнаго обученія, перешли въ старшій классъ; съ этими юнкерами роты Его Величества мнѣ выпало счастье занимать 10-аго Декабря внутренній караулъ Большаго Московскаго Дворца, во время пребыванія въ Москвѣ Царя. Юнкера Александровцы — бывшіе инженеры, юристы, учителя, студенты, воспитанники гражданскихъ учебныхъ заведеній и кадетскихъ корпусовъ, пробывъ въ Училищѣ два мѣсяца, настолько прониклись дисциплиной и приобрѣли воинскій видъ, что мало отличались отъ юнкеровъ мирнаго времени; правда, — въпшній видъ этихъ юнкеровъ горилъ и о томъ, что это не юноши: многіе носили бороды, у большинства на правой сторонѣ группъ красовались знаки того или иного высшаго учебнаго заведенія. Большинство изъ этихъ юнкеровъ никогда не видѣло Государя и каждый изъ нихъ стремился быть назначеннымъ въ Дворцовый караулъ, считая, что тамъ больше шансовъ увидѣть своего Державнаго Шефа; о посѣщеніи Училища Государемъ, занятаго всецѣло войной, никто тогда не мечталъ. . . Подбирая юнкеровъ на парный постъ, я долго не могъ найти къ одному юнкеру другога похожаго на него; наконецъ я остановился на юнкерѣ Бакатинѣ, инженерѣ технологѣ, съ большою окладистой бородой, которъ и ростомъ, и тѣлосложеніемъ — походилъ на перваго, но „все дѣло“ портила его борода, такъ какъ юнкеръ, къ которому я подбиралъ пару, былъ только съ усами. Наканунѣ заступленія въ караулъ, я подозвалъ къ себѣ юнкера Бакатина и сказалъ ему: „вы назначаетесь на парный постъ къ выходу на Красное Крыльцо; послѣ обѣда я буду осматривать и проверять часовыхъ всего караула; къ моему приходу, вы должны быть безъ бороды.“ Юнкеръ Бакатинъ, повторивъ отданное приказаніе, ушелъ отъ меня и сейчасъ же сбрилъ бороду. На другой день, въ 6 часовъ утра, въ сборномъ залѣ Училища былъ произведенъ разводъ карауловъ и Александровцы выступили въ Кремль. Придя на Главную Дворцовую гауптвахту, юнкера сняли шинели, почистились и безъ 5 минутъ семь часовъ я повелъ свой караулъ по винтовой лѣстницѣ во второй этажъ Дворца для смѣны караула отъ Алексѣевского Военнаго Училища. Караульное помѣщеніе внутренняго караула находилось въ комнатѣ, въ которой висѣла картина художника Рѣпина — Императоръ Александръ III, въ присутствіи Государни Маріи Феодоровны и Августѣйшихъ Дѣтей, говоритъ съ волостными старшинами послѣ Коронаціи передъ Петровскимъ Дворцомъ; эта картина занимала собой всю стѣну передъ выходомъ на лѣстницу главнаго параднаго подъезда; другая дверь вела въ Георгіевскій залъ; вдоль двухъ стѣнъ стояли магкія кушетки, обитыя краснымъ сукномъ, на которыхъ могли сидѣть отдыхающіе смѣны часовыхъ, держа винтовки въ рукахъ, такъ какъ стоекъ для винтовокъ не было. Уже во Дворцѣ, отъ дежурнаго по карауламъ Гв. Капитана Мансурадзе, мы узнали что Училище, послѣ нашего ухода, посѣтилъ Государь, который обходилъ роты, классы, лазаретъ, благодарилъ юнкеровъ за службу и снялся съ юнкерами въ общей группѣ. Какъ мои юнкера завидовали своимъ

товарищамъ — „шляпамъ“, не поповшимъ въ караулы! . . . Но это чувство зависти было не долго, такъ какъ вернушіеся парные часовые поста № 6, у входа во внутренніе по кои. доложили, что за 5 минутъ до смѣны мимо нихъ прошелъ Государь, здоровался съ ними и благодаримъ за службу. Какимъ счастьемъ и радостью сіяли лица этихъ юнкеровъ когда они разсказывали своимъ товарищамъ о Государѣ! . . .

Въ 9 часовъ вечера въ Андреевскомъ залѣ состоялась Высочайшій приемъ Общественныхъ организаций. Ровно въ девять до насъ донесся дружный отвѣтъ другого караула: „здравіе желаемъ Ваше Императорское Величество“, а вслѣдъ за этимъ „ура“ собравшихся въ Андреевскомъ залѣ. Около 10 часовъ приемъ былъ оконченъ и депутация начала расходиться. Я, въ это время, стоялъ у двери, ведущей на парадную лѣстницу; свѣтъ въ залахъ постепенно гасился, въ Георгіевскомъ залѣ уже было темно и лишь Андреевскій залъ и лѣстница были еще освѣщены. Мимо меня прошелъ дворцовый лакей и, въ полъ голоса, оказалъ: „у васъ сейчасъ будетъ Государь“. . . Предупредивъ юнкеровъ, я опять вернулся къ двери, изъ которой были видны залы, ожидая отсюда Государя; юнкера оставались въ комнатахъ сзади меня . . . „Становись,“ — услышалъ я команду караульнаго унтеръ-офицера, портупей-юнкера Оболенскаго, окончившаго физико-математическій факультетъ Московскаго Университета и бывшаго фельдфебелемъ роты Его Величества. Быстро обернувшись, я увидѣлъ, въ полумракѣ Георгіевскаго зала, Государя, идущаго къ намъ. Едва я успѣлъ стать на правый флангъ караула и скомандовать „слушай на крауль“ — какъ Государь вошелъ въ караульное помѣщеніе. Принявъ отъ меня рапортъ, Государь медленно пошелъ по фронту юнкеровъ отъ лѣваго фланга къ правому. Дойдя до середины караула, Государь поздоровался съ юнкерами. Я обратилъ вниманіе, что Его Величество, обходя карауль, почему-то внимательно всматривается въ лица юнкеровъ, какъ бы желая кого то узнать. Дойдя до праваго фланга, Государь обратился ко мнѣ: „сегодня я былъ въ Училищѣ и вашъ Начальникъ Училища говорилъ мнѣ, что въ караулѣ находится юнкеръ съ большой бородой, — я его не вижу? „Понявъ, что Государь спрашиваетъ о юнкерѣ Бакатинѣ, которому я вчера приказалъ сбрить бороду, я доложилъ Его Величеству о судьбѣ бороды и о томъ, что въ далное время этотъ юнкеръ на посту. Государь разсмѣялся и спросилъ: „что же онъ очень сожалѣетъ о своей бородѣ?“ Доложивъ, что юнкеръ Бакатинъ безпрекословно исполнилъ мое приказаніе я выслушалъ слова Его Величества — да, конечно, иначе и быть не могло“. Затѣмъ, обратившись къ караулу, Государь поблагодарилъ юнкеровъ за безупречную караульную службу, а затѣмъ приказалъ мнѣ назначить юнкера, который-бы указалъ Ему постъ, гдѣ стоитъ юнкеръ Бакатинъ. Мною былъ назначенъ п. юнкеръ Оболенскій и съ нимъ Государь вышелъ изъ караульнаго помѣщенія. Смѣнившись съ поста, юнкеръ Бакатинъ доложилъ мнѣ, что онъ былъ оставленъ разпросами Государя и получилъ благодарность за службу. Трудно себѣ представить въ какомъ восторгѣ были юнкера, видѣвшіе такъ близко своего Шефа! „Мы только сейчасъ поняли нашу беззавѣтную преданность Государю“, — говорили одни; „какъ Онъ просто держитъ себя“ — перебивали ихъ другіе! — мы понимаемъ теперь, что значитъ умирать за Вѣру, Царя и Отечество!“ Это говорили юноши-кадеты, воспитанные съ десятилѣтняго возраста въ духѣ безпредѣльной преданности своему Государю, — это говорили и вполне созрѣвшіе уже люди, которые, можетъ быть, участвовали на сходкахъ и осуждали Того, за Котораго теперь готовы отдать жизнь. На ночь карауль былъ переведенъ въ нижній этажъ, въ помѣщеніе рядомъ со спальной Государя; здѣсь мы охраняли царскую семью до 6 часа утра. Около 8 часовъ утра карауль, смѣненный Алексѣвцами, возвратился въ Училище. Юнкера роты Его Величества, въ память посѣщенія Государемъ Училища и караула, заказали портретъ Шефа въ походной формѣ, во весь ростъ. Портретъ былъ исполненъ юнкеромъ-художникомъ Кучунскимъ и помѣщенъ въ золоченую раму, украшенную малиновымъ бархатомъ и золотыми шнурами съ кистями.

12 Декабря Москва провожала Царскую семью. Московскій гарнизонъ былъ выстроенъ отъ Дворца до вокзала Желѣзной Дороги Рота Его Величества А. В. У. стояла у подьѣзда Дворца За ½ часа до выхода Царя изъ Дворца, къ начальнику Училища подошелъ дворцовый комендантъ генералъ Воейковъ и отъ Имени Государя благодарилъ его за отличную подготовку юнкеровъ и за образцовое несеніе ими караульной службы. Въ десятомъ часу Государь съ Государыней вышли изъ Дворца и Ихъ автомобиль медленно, подъ звуки Народнаго гимна и кликовъ „ура“ войскъ и народа, направился къ вокзалу. Послѣ этихъ проводъ, баталіонъ юнкеровъ, принявъ изъ кабинета Его Величества свое знамя, вернулся въ Училище на Знаменку.

Л. ХАМИНЪ

Болгарія Варна

А. Курбатовъ

№ 10. Октябрь. „Жизнь А. В. У. въ теченіи учебнаго года“.



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 10.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Октябрь 1928 г.

Жизнь Я. В. У. въ теченіи учебнаго года.

Съ 1 Сентября — ежегодно, послѣ молебствія въ церкви Училища, начиналась „учебная страда“ Александровцевъ, которая продолжалась до конца Апрѣля, при чемъ въ тотъ послѣдній мѣсяцъ производились годовые выпускные и переходные экзамены.

Весь этотъ восьмимѣсячный періодъ дѣлился праздникомъ Рождества Христова на двѣ части, при чемъ болѣе тяжелой и скучной была первая часть; вторая же часть была уже болѣе разнообразной, такъ какъ Масленица, недѣля говнїи, праздникъ Святой Пасхи, Училищный праздникъ 23-яго Апрѣля, періодъ экзаменовъ, а также приходъ весны, разнообразили и скрашивали жизнь юнкера. Правда, — въ первой половинѣ учебнаго года въ Училищѣ устраивались концерты, лекціи, вечера, была возможность посѣщать Императорскіе театры и быть на вечерахъ въ Московскихъ Институтахъ и Гимназіяхъ, но все же первое полугодіе не могло сравниться со вторымъ.

Юнкера младшаго класса, называемые „фараонами“, въ началѣ года только втѣгивались въ Училищную жизнь и знакомились съ требованіями военной дисциплины, со всѣмъ укладомъ Училищной жизни. И начальство Училища, обычно, напирало, подтягивало юнкеровъ въ началѣ года, въ тотъ же первый періодъ — до Рождества.

Ежедневное распредѣленіе времени въ Училищѣ было слѣдующее: утренняя зоря и подъѣмъ въ 6½ часовъ утра; къ 7¾ часамъ, послѣ утренней гимнастики и молитвы, заканчивался утренній чай, а въ 8 часовъ начинались классныя занятія. По Понедѣльникамъ, Вторникамъ, Четвергамъ и Пятницамъ классныя занятія продолжались до 2 хъ часовъ дня, съ перерывомъ для завтрака, а по Средамъ и Субботамъ классное время ограничивалось до 1 часу дня. Послѣ классовъ начинались строевыя занятія, которыя шли до 3¼ часовъ дня. Въ 4 часа былъ обѣдъ, во время котораго одинъ разъ въ недѣлю игралъ оркестръ музыки, располагавшійся около пушки, вблизи столовъ 3-ей и 4-ой ротъ. Послѣ обѣда до 6 ч вечера юнкерамъ разрѣшалось отдыхать, при чемъ допускалось лежаніе на кроватяхъ съ обязательнымъ сниманіемъ сапогъ. Въ 6 ч. вечера, по сигналу барабанщика или гарниста, юнкера сажались заниматься, при чемъ разрѣшалось быть въ классахъ, около своихъ шкафчиковъ и въ ротныхъ залахъ, называемыхъ „зубрилками“. Въ 8½ часовъ, по окончаніи вечернихъ занятій, юнкера шли къ вечернему чаю, послѣ котораго въ ротяхъ производилась перекличка, объявлялся приказъ и распоряженія на слѣдующій день, пѣлась молитва. На квадратномъ плацу Училища билась кли игралась вечерняя зоря, послѣ чего день считался законченнымъ. Заниматься разрѣшалось до 11 часовъ вечера, а въ 11½ часовъ ночи всѣ юнкера должны были быть въ кроватяхъ; только дежурные и дневальные юнкера бодрствовали всю ночь, дѣлая ее на три очереди. Помѣщенія въ Училищѣ, до образованія пятой роты, распредѣлялись такъ: около парадной лѣстницы шла четвертая рота, далѣя по Знаменкѣ-же, шель сборный залъ съ бюстомъ Императора Александра II, съ портретами Государей Императоровъ и съ мраморными досками Георгіевскихъ кавалеровъ и юнкеровъ, отлично кончившихъ Училище; за сборнымъ заломъ шла третья рота, которой принадлежалъ и малый колонный залъ, бывший музей Училища. По Знаменскому переулку шла рота Его Величества, имѣвшая два ряда колоннъ; этой ротѣ принадлежала „зубрилка“, находящаяся надъ канцеляріей Училища. Слѣдующій, внутренний фашъ зданія, занимали, классы, классная библіотека, инспекторская и учительская комнаты, а также музей Училища, собранный въ 1900-ыхъ годахъ; подъ этими комнатами, въ нижнемъ этажѣ зданія, были богатая фундаментальная библіотека и квартиры офицеровъ Училища. 4-ый фашъ зданія Училища, выходящій на Пречистенскій бульваръ, занимали лазаретъ, 2-ая рота и Церковь Училища, при чемъ въ 2-ой ротѣ была такая-же колоннада, какъ и въ ротѣ Его Величества. Всѣ цейхгаузы были въ 3-емъ этажѣ, а столовая, буфетъ, дежурная и пріемная комнаты были въ нижнемъ этажѣ подъ церковью и 2-рой ротой.

Гимнастическій, фехтовальный и стрѣлковый залы находились въ пристроенномъ зданіи, а кухни занимали полуподвальное помѣщеніе подѣ столовой. Училищная баня была подѣ фехтовальнымъ заломъ и только прачешная тирь конный манежъ находились отдѣльно на заднемъ дворѣ Училища. Химическій кабинетъ находился на лѣстницѣ, ведущей изъ столовой къ лазарету; оружейная мастерская размѣщалась въ помѣщеніи подѣ фундаментальной бібліотекой. Музыкантская, писарская и служительская команды находились на внутреннемъ дворѣ Училища, при чемъ семейства сверхсрочныхъ музыкантовъ имѣли тоже свой уголь въ Училищѣ. Всѣ офицеры Училища, начиная съ Начальника его, имѣли квартиры при Училищѣ, а преподаватели жили внѣ Училища. Благодаря корридорамъ, сообщеніе со всѣми помѣщеніями было очень удобнымъ. Два парадныхъ выхода выходило на Знаменку, при чемъ они располагались симметрично отъ наружной коллонады фасада зданія, выходящаго на Знаменку. Надѣ зданіемъ Училища, въ сторону Пречистенскаго бульвара, висѣла лѣдная группа, эмблема бывшаго Сиротскаго Корпуса — пеликанъ, кормящій своихъ дѣтей. (Въ настоящее время — уничтожена). Всѣ довольствіе юнкеровъ было въ рукахъ у ротныхъ командировъ, которымъ помогали выборные юнкера — артельщикъ и счетчикъ. Ъли юнкера вкусно и много, а квась Училища славился по всей Москвѣ.

Выдающимися днями Училищной жизни были: присяга юнкеровъ младшаго класса, Георгіевскій праздникъ, день — 6-аго Декабря, когда Начальникъ Училища, вмѣстѣ съ командиромъ и фельдфебелемъ роты Его Величества, ѣздили въ С. Петербургъ для пріясненія поздравленія Его Величеству: въ этомъ день было и производство юнкеровъ въ фельдфебеля и портупей-юнкера. Во второе полугодіе особенно памяты дни Училищнаго праздника, выступленія въ лагерь на Ходынки, разборка вакансій и производства въ офицеры въ концѣ лагернаго сбора. Изъ чисто юнкерскихъ „традиціонныхъ“ дней были дни похоронъ „сугубыхъ наукъ“ и водруженіе флага на сосѣ въ лагерь Училища.

До 1910 а года въ Училищѣ было четыре роты, 400 юнкеровъ, а въ 1910 омъ году прибавилась 5 ая рота; во время Великой войны было уже два баталіона и число юнкеровъ возрасло до 1000 человекъ. Выпуски изъ Училища до Великой войны были нормальные, т. е. по окончаніи двухгодичнаго курса наукъ, а съ 1914 ой года выпуски были ускоренные послѣ двухмѣсячнаго обученія.

Юнкера старшаго и младшаго классовъ жили дружно между собой и разны между ротами не было; каждая рота имѣла свою клчку: 1-ая „жеребны“, 2-ая „звѣри“, 3-я „дѣвочки“ и 4-ая — „вши“. Многие изъ офицеровъ Училища имѣли свои прозвища, подчасъ ѣдкія, по отношенію юнкеровъ къ своему начальству было хорошее. Юнкеровъ Александровцевъ часто называли „институтками“, но это нѣсколько не мѣшало имъ быть и „первыми кавалерами Москвы“. Благодаря хорошему подбору преподавателей и отлично поставленному учебному дѣлу, Александровцы кончали Училище съ хорошимъ запасомъ знаній; тоже можно сказать и о строевой подготовкѣ, такъ какъ офицеры, кончившіе Александровское училище не были хуже офицеровъ изъ другихъ училищъ.

На черныя мраморныя доски, находившіяся въ церкви, записывались всѣ Александровцы, убитые въ бояхъ съ неприятелемъ.

Одѣты юнкера были всегда красиво и шеголевато, такъ какъ казенное обмундированіе было хорошее, и только „собственные“ сапоги имѣлись почти у каждого юнкера. Въ теченіи учебнаго года юнкера старшаго класса производились въ фельдфебеля въ портупей-юнкера и въ войсковые унтеръ-офицеры. Выпускались юнкера въ Гвардію, артиллерию, саперы, въ армейскую пѣхоту и въ казачьи части. Въ специальныхъ войскахъ юнкера-Александровцы быстро пополняли свои знанія, соответствующія роду оружія и мало отличилась отъ офицеровъ, выпущенныхъ изъ специальныхъ Училищъ.

За всѣ время свою существованія Училище выпустило нѣсколько десятковъ тысячъ офицеровъ въ Русскую Армію. Многие изъ офицеровъ-Александровцевъ участвовали во всѣхъ войнахъ, начиная съ Освободительной войны 1877—78 г. и кончая Великой войной 1914 года.

Много было среди нихъ героевъ, украшенныхъ Георгіевскими Крестами... Еще больше ихъ было убито на поляхъ брани!... Александровцы безтрепетно отдавали свою жизнь за Вѣру, Царя и Отечество;

Старый Александровець.

Болгарія. Варна.

А. Курбатовъ

№ 11. „Александровцы въ лагерь на Ходынкѣ.“



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 11.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Ноябрь 1928 г.

Александровцы въ лагерѣ на Ходынкѣ.

Въ началѣ Мая обыкновенно заканчивались въ Училищѣ экзамены. послѣ чего Александровцы выступали въ лагерь на Ходынку для прохожденія лѣтнихъ занятій: съѣмки, стрѣльбы изъ винтовокъ и револьверовъ, саперныхъ работъ, строевыхъ полевыхъ занятій и, наконецъ, для участія въ маневрахъ съ войсками Московскаго Военнаго Округа. Самый выходъ въ лагерь былъ обставленъ нѣкоторой торжественностью: баталіонъ юнкеровъ, въ походной формѣ, выстраивался на квадратномъ дворѣ Училища, принималъ свое знамя и встрѣчалъ Начальника Училища, послѣ чего служилось молебствіе. По командѣ баталіоннаго командира — „барабанщики на молитву“ знамя переносилось адъютантомъ Училища къ аналою, туда же стройно выходили юнкера пѣвчіе. По командѣ — „баталіонъ на молитву, шапки долой“ — юнкера брали винтовки на молитву и снимали безкозырки съ отчетливымъ и дружнымъ лязгомъ походнаго снаряженія. Въ концѣ молебствія какъ знамя, такъ и весь строй окраплялся священникомъ святой водой, а затѣмъ подавалась команда — „накройсь“ — и баталіонъ встрѣчалъ знамя, несомое отъ аналая. Послѣ наутреннаго слова Начальника Училища, подавались верховыя лошади всѣмъ лицамъ, кому они положены, а также ординарцамъ, выбираемымъ изъ юнкеровъ старшаго класса — лучшихъ по верховой ѣздѣ. Съ подачей команды для движенія, отличный Училищный оркестръ начиналъ играть, барабанщики — бить, а горнисты свистѣть на „свирестелькахъ“. Съ квадратнаго двора Училища баталіонъ черезъ ворота задняго двора, выходилъ или на Знаменскій переулокъ, или на Пречистенскій бульваръ. Путь слѣдованія шелъ вдоль бульваровъ къ Страстному монастырю, гдѣ у памятника Пушкину, баталіонъ сворачивалъ на Тверскую улицу; далѣе путь шелъ по Тверской къ Триумфальнымъ воротамъ, а затѣмъ — къ Петровскому двору, находящемуся противъ Ходынскаго поля и лагеря. Тутъ давался малый привалъ и разрѣшалось покурить. Съ малаго привала баталіонъ шелъ прямо въ лагерь черезъ Ходынское поле, держа направленіе на флагъ офицерскаго лагернаго собранія, называемаго „Кукушкой“. За этой „Кукушкой“, около Всесвятской роши, среди молодой зелени за оврагомъ съ рѣчечкой „Ходынокъ“ („Ишачкой“), видѣлись чистенькіе бѣлые бараки лагеря А. В. У.; къ этимъ баракамъ и направлялись Александровцы, чтобы прожить въ нихъ почти 3½ мѣсяца. Легко пройдя весь путь отъ Училища до лагеря, юнкера, прибывъ намѣсто, выстраивались передъ бараками и отдавали честь знамени, уносимому въ баракъ Начальника Училища. Въ 12 ч. дня былъ уже обѣдъ подъ столовымъ навѣсомъ, на чистомъ воздухѣ, а въ 4 ч. дня происходила ужина съѣмсчныхъ принадлежностей. Въ первый же день по прибытіи въ лагерь юнкерами „традиціонно“ прикреплялся русскій національный флагъ на огромной старой соснѣ, много десятковъ лѣтъ стоявшей около гимнастическаго городка на лѣвомъ флангѣ всего лагеря. Эта сосна внизу не имѣла вѣтокъ и надо было имѣть особую ловкость, смѣлость, чтобы взобраться на самую верхушку. Начальство Училища, понимая рискованность выполненія этой „традиціи“, запрещало вѣшать на соснѣ флагъ, но юнкера всегда успѣвали ночью выполнить „водруженіе флага“. Утромъ слѣдующаго дня Начальству оставалось только мириться съ уже совершившимся фактомъ! . . .

1-ый мѣсяцъ лагерной жизни юнкера, съ ранняго утра, выходили на съѣмки и на рѣшеніе тактическихъ задачъ въ полѣ. Съѣмки производились въ ближайшихъ окрестностяхъ лагеря, на участкахъ у д. Хорошово по Москвѣ рѣкѣ и у мѣста Тушинскаго лагеря у с. Тушино. Младшій классъ начиналъ съѣмки съ мензулой и кончалъ глазомѣрой съѣмкой; старшій классъ, выполнивъ повѣрочную глазомѣрную съѣмку, переходилъ къ рѣшенію полевыхъ задачъ по тактикѣ. По вечерамъ, передъ ужиномъ, юнкера собирались подъ столовымъ навѣсомъ для вычерчиванія и сдачи работъ. Во время съѣмокъ для юнкеровъ было много соблазновъ: тянуло на дачи къ знакомымъ, мамыла къ себѣ рѣка,

а больше всего соблазняли разносчики, называемые „шакалами“; у нихъ, появляющихся „прямо изъ подъ земли“, можно было купить бутерброды, пирожки, лимонадъ, сельтерскую воду и даже „спиртные напитки“. Къ началу Юня съѣмки заканчивались, выставлялись послѣдніе баллы за практическія работы и составлялся списокъ старшинства юнкеровъ. И только послѣ съѣмокъ начинался „лагерь“, т. е. выставлялся лагерный караулъ, дневальные „подъ грибами“, выносились знамя подъ охрану караула и начинались строевыя занятія, стрѣльба и саперныя работы. Съ этого момента Училище входило въ подчиненіе войсковому лагерному начальству, приравниваясь къ частямъ всего лагернаго сбора. Стрѣльба производилась совмѣстно съ войсковыми частями на заднемъ лагерномъ (Хорошовскомъ) полѣ. Среди офицеровъ Училища было много отличныхъ стрѣлковъ, имѣющихъ Императорскіе призы за стрѣльбу, поэтому въ училищѣ къ стрѣльбѣ относились очень внимательно и даже „любовно“, чѣмъ невольно заражались и юнкера. Фортификаціонныя занятія велись основательно подъ руководствомъ саперныхъ офицеровъ, къ серединѣ лѣта, на заднемъ плацу лагеря Училища, образовался цѣлый образцовый саперный городокъ. Ротныя и баталіонныя ученія какъ уставныя, такъ и тактическія, глазомѣрное опредѣленіе разстояній, сигнализанія, полевая гимнастика и прочія занятія шли непрерывно до середины Юля; участки для занятій назначались какъ на самой Ходынкѣ, такъ и въ ближайшихъ ея окрестностяхъ. Въ серединѣ Юля бывала разборка вакансій выпускными юнкерами. День разборки останется памятнымъ всѣмъ юнкерамъ, какъ день, имѣвшій вліяніе на всю дальнѣйшую жизнь ихъ. Самая разборка вакансій подъ столовымъ навѣсомъ происходила такъ: къ столу, за которымъ сидѣло начальство Училища, вызывались по старшинству балловъ юнкера, которые должны были назвать громко часть, выбранную ими.

Въ свободное отъ занятій время юнкера могли самостоятельно распредѣлять своей досугъ; купались они въ „акваріумѣ“, черезъ который протекала рѣченка Ходынка, тутъ-же стояла баня, были души. Вообще въ оврагѣ передъ лагеремъ Училища всегда собирались юнкера для отдыха, для хороваго пѣнія и т. и. Кормили юнкровъ въ лагерѣ отлично и допускалась даже роскошь видѣть мороженого и лубники на 3-ье блюдо за обѣдомъ. Иногда въ Юлѣ бывали по праздникамъ танцевальныя вечера, при чемъ танцевали подъ столовымъ навѣсомъ среди клумбъ съ цвѣтами. Въ концѣ Юля выпускные юнкера отпускались въ городъ для заказа офицерскаго обмундированія и снаряженія. Къ этому времени строевыя занятія заканчивались и начинались отрядные маневры совмѣстно съ войсковыми частями.

Строевой смотръ юнкеровъ дѣлалъ почти всегда самъ Командующій Войсками М. В. О., при чемъ смотровое ротное ученіе производилъ одинъ изъ выпускныхъ юнкеровъ. Въ концѣ Юля войска уходили на подвижной сборъ и общіе маневры, къ которымъ привлекалось и Училище. Нѣсколько дней большихъ маневровъ, казавшихся „вѣчною“ для выпускныхъ юнкеровъ, заканчивали лагерную „страду.“ На маневрахъ Александровцы были неутомимы и всегда поражали всѣхъ быстротой своего передвиженія. Бывали случаи, когда вмѣсто отдыха въ палаткахъ на дневкахъ, юнкера отправлялись осматривать достопримѣчательности окрестностей Москвы, тушить пожары въ деревняхъ, посѣщать монастыри и т. н. Были случаи, когда жители спасенныхъ отъ огня деревень приходили, со старостами во главѣ, благодарить юнкеровъ за ихъ доброе дѣло. Съ большихъ маневровъ юнкера отпускались въ Москву на Знаменку, гдѣ уже не долго оставалось ждать телеграммы изъ С. Петербурга о состоявшемся производствѣ выпускныхъ юнкеровъ въ офицеры. Этимъ производствомъ кончалось двухгодичное пребываніе Александровца въ Училищѣ.

Всякій выходящій изъ Училища свято хранилъ воспоминанія о родномъ Александровскомъ гнѣздѣ и о его завѣтахъ; Съ этими завѣтами многіе Александровцы не расставались до конца своей жизни; завѣты эти были и проста и велики по смыслу: „помни Бога, будь вѣренъ Царю и люби свою Родину — Россію!“ . . .

Старый Александровецъ

А. Курбатовъ

Болгарія. Варна.

№ 12. Декабрь. „Производство въ офицеры Александровцевъ“.



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 12.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Декабрь 1928 г.

Производство въ офицеры Александровцевъ

Въ началѣ Августа каждаго года выпускные юнкера А. В. У. производились Высочайшимъ приказомъ въ офицеры. Обычно училищное начальство старалось заблаговременно узнать о днѣ Высочайшаго производства юнкеровъ Военныхъ Училищъ, но онъ зависилъ отъ конца лагернаго сбора С. Петербургскаго Военнаго Округа, когда Государь Императоръ лично поздравлялъ юнкеровъ этого округа. Въ Москву и въ другіе города, гдѣ были Военныя Училища, посылалась телеграмма изъ Главнаго Управления Военно Учебныхъ Заведеній о состоявшемся производствѣ и о выходѣ Высочайшаго приказа. Иначе говоря — производство въ офицеры Александровцевъ было по „телеграммѣ“.

Въ случаѣ нахождения Училища на маневрахъ, войсковое начальство отпускало Училище въ Москву за день до производства, при чемъ, если маневры были вблизи Железной дороги, то разрѣшалось ѣхать въ Москву въ вагонахъ. Бывали случаи, когда Училищу приходилось возвращаться съ маневровъ походомъ прямо въ Москву съ заходомъ или безъ захода въ лагерь. Самый переходъ на Знаменку ознаменовывался традиционнымъ проходомъ подъ Триумфальными воротами у Александровскаго вокзала (Брестскаго). Въ моментъ прохожденія этихъ воротъ, юнкера младшаго класса считались уже перешедшими въ старшій классъ; имя „фараона“ отъ нихъ отпадало вмѣстѣ съ послѣднимъ „позвонкомъ фараоніева хвоста.“ А число позвонковъ было по числу дней въ году, т. е. времени нахождения юнкера въ младшемъ классѣ. Характерна пѣснь юнкеровъ объ этомъ моментѣ: „юнкерь въ лагерѣ пойдетъ — подпоручикомъ придетъ, фараонъ туда пойдетъ — юнкеромъ назадъ придетъ“. Подходя подъ своды воротъ, юнкера старшаго класса зажимали свои носы и произносили короткое „чикъ“, т. е. отрѣзали послѣдній, уже гнѣющій, позвонокъ фараоновъ. Эта шутка вошла въ жизнь Александровца какъ традиція, Училищное начальство привыкло къ этому и только требовало снятія цвѣтговъ и зелени съ винтовокъ при вступленіи въ самый городъ — Москву. Юнкера точно выполняли это требованіе, при чемъ настроеніе у всѣхъ бывало радостное: старшій классъ зналъ, что черезъ нѣсколько часовъ будетъ производство въ офицеры, а младшій классъ, — что поѣдетъ домой на лѣтніе, правда-короткіе, каникулы, чтобы вернуться въ Училище уже не фараономъ, а юнкеромъ старшаго класса. Въ моментъ прохожденія воротъ, оркестръ музыки игралъ маршъ „Вступленіе въ Парижъ“ училищныя фонфары, съ бѣлыми расшитыми золотомъ, полотнищами, звучно гудѣли, барабанщики били въ тактъ музыки, свистѣли горнистовъ свистѣли! . . . Моментъ былъ дѣйствительно торжественный, — даже публика сочувственно присоединялась къ строю юнкеровъ и шла по улицамъ Москвы до самаго училища!

У самаго зданія Училища баталіонъ выстраивался по Знаменкѣ развернутымъ фронтомъ и знамя Александровцевъ торжественно относилось на квартиру Начальника Училища. Выпускные юнкера послѣдній разъ отдавали честь своему родному знамени, беря винтовку „на караулъ“. Послѣ этого юнкера старшаго класса шли по ротнымъ помѣщеніямъ, а выпускные — въ приготовленныя для нихъ комнаты; первые сейчасъ же начинали чистку винтовокъ, сдачу имущества лагернаго времени и хлопоты объ отпускахъ билетахъ; вторые, сдавши оружіе и обмундированіе юнкера, шли собирать свои

офицерскія вещи, заказанныя у разныхъ поставщиковъ. Училищная баня, готовая къ проходу юнкеровъ, была открыта до позднихъ часовъ этого дня. Съ хлопотами о доставкѣ въ Училище офицерскихъ вещей надо было торопиться, такъ какъ телеграмма о производствѣ могла придти „съ минуты на минуту.“ Въ дежурной комнатѣ Училища тоже было „лихорадочное“ настроеніе; тамъ были почти всѣ офицеры Училища, которые выдавали отпускные билеты, повѣряли съ выпускными юнкерами расчетные листы на причитаеміе имъ деньги на обмундированіе, прогонныя, подъѣмныя и другія. Обѣдъ, который проходилъ всегда „чинно“ въ Училищѣ, въ этотъ день не отличался особымъ порядкомъ, такъ какъ всѣмъ „было не до ѣды“. . . . Къ вечеру настроеніе становилось нѣсколько нервнымъ такъ какъ, по расчету времени, телеграмма могла быть въ Училищѣ въ 6 или 7 часовъ вечера. Многія изъ производимыхъ въ офицеры уже переодѣвались къ этому часу въ офицерское платье, чтобы въ немъ встрѣтить радостную вѣсть о производствѣ. И дѣйствительно, телеграмма обычно приходила къ вечеру, при чемъ, если она попадала въ дежурную комнату Училища, то принеся ея щедро вознаграждался юнкерами. Прогон распечатать телеграмму было въ рукахъ Начальника Училища, а потому ее торжественно относили на его квартиру. Къ моменту появленія Начальника Училища съ распечатанною уже телеграммой, въ сборномъ залѣ собирались выпускные юнкера и офицеры Училища. Тутъ телеграмма громко читалась, послѣ чего оглушительное „ура“ молодыхъ офицеровъ долго не давало возможность Начальнику Училища произнести свое слово поздравленія. Черезъ четверть часа всѣ вновьпроизведенные офицеры, уже окончательно переодѣвшись въ офицерское платье, спѣшили къ родителямъ, къ роднымъ, къ знакомымъ, въ театры въ сады и т. п. Собирались цѣлыя группы, чтобы ѣхать „спрыснуть“ свои офицерскія погоны. До глубокой ночи около Училища стояли, подъѣзжали, уѣзжали тройки, парные, одиночные экипажи. Дежурному офицеру являться было уже ненужно и черезъ швейцарскую свободно проходили молодые офицеры въ самыхъ разнообразныхъ формахъ: тутъ были и мундиры, и сюртуки, и кителя, и черкески, фуражки, папахи и т. п. Въ дежурной комнатѣ къ этому времени вывѣшивалось распоряженія Училищнаго начальства на слѣдующія три дня для руководства молодымъ офицерамъ.

На другой день служилось торжественное молебствіе въ церкви Училища, въ которомъ должны были присутствовать всѣ вновьпроизведенные офицеры; въ церкви они уже стояли не въ строю, а кто гдѣ хотѣлъ, при чемъ хоръ пѣвчихъ былъ составленъ изъ нихъ же. Послѣ молебствія происходила церемонія прощанія со знаменемъ и полученія благословенія отъ Училища иконкой св. мученицы Царицы Александры. Затѣмъ слѣдовало представленіе начальству и полученіе расчета и бумагъ въ канцеляріи Училища. Расчетъ производился въ сборномъ залѣ Училища, гдѣ стояли столы для четырехъ ротъ. Съ полученіемъ бумагъ, молодые офицеры могли оставаться въ Училищѣ до трехъ дней, при чемъ эти три дня не входили въ расчетъ двадцативосьми дневнаго отпуска поверстнаго срока до мѣста служенія. Въ теченіи послѣдующихъ дней молодые офицеры постепенно разъѣзжались, прощаясь другъ съ другомъ, съ Училищемъ и съ Москвою.

На четвертый день по производству всѣ молодые офицеры исключались изъ списковъ А. В. У.

Александровское гнѣздо на Знаменкѣ временно сиротѣло, выпустивъ своихъ питомцевъ для служенія Царю и Родинѣ въ славной Русской Арміи! . . .

Старый Александровецъ.

Болгарія. Варна.

А. Курбатовъ

№ 13. Январь 1929 г. „Возрожденіе А. В. У. въ 1918 году“.



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 13.

ЕЖЕМЯСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Январь 1929 г.

1928 годъ.

Вступая во 2-ой годъ изданія листка „Александровецъ“, раньше всего надо отмѣтить то, что истекшій 1928 годъ былъ тяжелымъ годомъ для всѣхъ Александровцевъ! За тяжелой утратой Главнокомандующаго Русской Арміей генерала Врангеля, слѣдовала смерть Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, а затѣмъ и еще болѣе тяжелая утрата Верховнаго Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича . . .

Казалось-бы, послѣ такихъ потерь, дѣло освобожденія и возсозданія нашей Родины если не остановится, то сильно затруднится и затянется. Но имѣя передъ нашими глазами такіе яркіе примѣры любви къ Родинѣ ушедшихъ отъ насъ этихъ „большихъ людей“, мы не будемъ отчаиваться, а будемъ вѣрить въ помощь Господа въ дальнѣйшемъ продолженіи нашей работы, направленной къ возрожденію Россіи!

Свѣтлая память о Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, о нашемъ Верховномъ Главнокомандующемъ Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ и о Главномъ командующемъ генералѣ Врангелѣ пусть будетъ жить среди насъ! . . . А намъ — да поможетъ богъ довести святое дѣло освобожденія Россіи до конца. . . .

Будемъ твердо помнить слова послѣдняго обращенія къ намъ Верховнаго Главнокомандующаго: „народъ русскій, собери свои силы и со крестомъ выйди на путь тебѣ данного великаго и славнаго бчтія! . . .“

1929 год.

Въ новомъ, 1929 году, 31 Января (по ст. ст.) исполняется десять лѣтъ со дня возсозданія Александровскаго Военнаго Училища въ рядахъ Добровольческой Арміи. Александровское гнѣздо еще существуетъ и живы его питомцы! Еще черезъ годъ, 6-ого Декабря 1930 года, исполнится сто лѣтъ съ основанія Александровскаго Военнаго Училища. Гдѣ будетъ суждено Александровцамъ встрѣтить свой столѣтній юбилей, одному Богу извѣстно, но мечты и думы ихъ будутъ всегда нестись въ Россію, въ Москву, на Знаменку въ родныя Александровскія стѣны . . .

Въ настоящемъ номерѣ листка „Александровецъ“ помѣщая привѣтъ и поздравленія съ десятилѣтнемъ возсозданія роднаго Училища. Желая всѣмъ Александровцамъ полного здравія, твердости, бодрости духа и вѣры въ свѣтлое будущее Россіи!

Возсозданіе Александровскаго Военнаго Училища 31 Января 1919 года

Вмѣстѣ съ большевизмомъ наступило въ Россіи время разрушенія церкви, семьи и школы.

Естественно, что въ средѣ людей, борящихся съ разрушителями нашей Родины, раньше чѣмъ гдѣ либо было приступлено къ возсозданію учебныхъ заведеній, такъ необходимо для русской молодежи.

По освобожденіи Добровольческой Арміей города Екатеринодара явилась необходимость подумать о подготовкѣ офицерскаго состава Арміи и о попеченіи о дѣтяхъ и семьяхъ бойцовъ за возсозданіе Россіи и ея арміи.

Такимъ образомъ возсозданіе русской, правда военной, школы началось ранъ всего въ добровольческой Арміи генерала Алексѣева и генерала Корнилова. Первые учебными заведеніями въ Арміи были военныя Училища: Константиновское-Кіевское и офицерскіе повторительные курсы Кавказской Добровольческой Арміи — впоследствии принявшіе названіе Александровскаго, генерала Алексѣева, Военнаго Училища. 31 аго Января 1919 года въ г. Екатеринодарѣ Главнокомандующій генераль Деникинъ отдалъ слѣдующій приказъ:

П Р И К А З Ъ

Главнокомандующаго вооруженными
силами Юга Россіи
г. Екатеринодарѣ
№ 283

31 Января 1919

Начальникомъ Повторительнымъ Курсовъ при Кавказской Добровольческой Арміи назначается генераль-маіоръ Курбатовъ.

Генераль-Лейтенантъ Деникинъ
Генераль-Лейтенантъ Лукомскій

(По Военному отдѣлу — по части Генеральнаго Штаба)

Въ слѣдующемъ приказѣ — № 284 — того же года объявлено:

1) Положеніе объ офицерскихъ повторительныхъ курсахъ пѣхоты при Военныхъ Училищахъ, 2) положеніе о такихъ офицерскихъ курсахъ при Штабѣ Кавказской Добровольческой Арміи, 3) Таблица распредѣленія предметовъ офицерскихъ повтор. курсовъ, 4) программа повтор. курсовъ пѣхоты, 5) временный штатъ курсовъ при военныхъ училищахъ (одна рота и 6) временный штатъ курсовъ при штабѣ Кавказской Добровольческой Арміи (двѣ роты).

Въ § 2 этого приказа говорилось такъ:

„Приказываю открыть 3 офицерскихъ повтор. курса пѣхоты по приложеннымъ штатамъ — два при военныхъ училищахъ — а) при Константиновскомъ въ г. Симферополѣ, б) при Одесскомъ въ г. Одессѣ и третій — самостоятельный по приложенному штату при Кавказской Добровольческой Арміи, при чемъ размѣщеніе курсовъ должно быть опредѣлено Командующимъ Кавказской Добровольческой Арміей —

Командующимъ Кавказской Добровольческой Арміей былъ генераль баронъ Врангель, который назначилъ мѣстомъ открытій курсовъ г. Кисловодскъ въ Минераловодскомъ районѣ.

Форма одежды была установлена слѣдующая: защитная съ бѣлымъ Александровскимъ погономъ, но безъ вензелей Императора Александра II; праздникомъ курсовъ установленъ день 23 Апрѣля въ честь св. Муч. Царицы Александры и св. Георгія. Формированіе курсовъ началось еще въ г. Екатеринодарѣ, при чемъ они были въ непосредственномъ вѣдѣніи генерала Вязмитинова. Большинство офицеровъ постоянного состава курсовъ были бывшіе юнкера Александровскаго Военнаго Училища, а Начальникъ курсовъ служилъ въ немъ около 12 лѣтъ. Въ постоянномъ составѣ были: генералы Ставровъ, Брюховъ и Любимовъ, Полковники — Курбатовъ, Снигиревскій, Хаминъ, Лавровъ, Галазовъ, Малофѣевъ, Манькинъ-Невструевъ, Капитаны — Сергѣевъ, Росляковъ, Аксютъ Ардаматскій, Горбуновъ, Максимовъ, Загорянскій, Шашинъ, штабсъ-капитаны Пономаренко и Фаворовъ, Поручики Дмитріевъ и Герцбергъ, тит. совѣтникъ Ганъ и заурядъ врачъ Чуднеръ.

На первоначальное оборудованіе курсовъ генераль Лукомскій лично выдалъ тысячу рублей, а обмундированіе и снаряженіе были получены изъ Англійскихъ складовъ открывшихся въ г. Новороссійскѣ.

Въ Апрѣлѣ этого же года въ Кисловодскѣ на Тополевой алеѣ въ „Бѣломъ домѣ“ было оборудовано помѣщеніе для переменнаго состава курсовъ; тамъ же былъ произведенъ наборъ солдатъ по штату курсовъ, въ число которыхъ вошелъ отличный оркестръ музыки, собранный въ Кисловодскѣ генераломъ Шкурѣ.

Уже 23 Апрѣля 1919 года, въ день праздника Александровскаго Военнаго Училища, былъ произведенъ церковный парадъ, въ которомъ принималъ участіе взводъ солдатъ курсовъ, съ бѣлымъ Александровскимъ линейнымъ значкомъ, при духовомъ оркестрѣ курсовъ.

Къ 1 Мая оборудованіе курсовъ было вполне закончено, о чемъ и было доложено начальнику Терско-Дагестанскаго края генералу Эрдели, смѣнившему генерала Ляховскаго.

Эти офицерскіе курсы просуществовали до Августа 1919 года, когда они были переформированы въ „Ейскіе Ускоренные курсы для подготовки офицеровъ пѣхоты“.

Варна. Болгарія.

А. Курбатовъ



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 14.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Февраль 1929 г.

31 Января 1929 г.

Въ этотъ день исполнилось 40 дней со дня кончины Верховнаго Глвнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича, а потому скромно и тихо было отмѣчено десятилѣтїе воссозданія Александровскаго Военнаго Училища. Группы Александровцевъ въ мѣстахъ своего нахождения, собрались въ церкви для присутствїя на панахидѣ по незабвенномъ Вождѣ Русской Арміи. Взаимный обмѣнъ привѣтствїй группъ Парижа, Перника, Праги, Бѣлграда, Софіи, Кюстанджа и Варны замѣнилъ собою дружескую бесѣду, затянувшуюся до полуночи.

5 18 Января изъ Аптіба была получена почто-телеграмма отъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Анастасїи Николаевны:

Галлиполійцамъ и Александровцамъ г. Варны.

Сердечно благодарю за душевное меня тронувшее сочувствїе въ посѣтившемъ меня горѣ — кончинѣ въ Бозѣ почившаго моего Супруга. Анастасїя

Ейскіе ускоренные курсы для подготовки офицеровъ пѣхоты.

Въ концѣ Юля 1919 года въ г. Екатеринодарѣ было образовано Управление части Военно Учебныхъ Заведенїй, во главѣ котораго всталъ бывший Главный Начальникъ Военно Учебныхъ Заведенїй въ Россїи генераль Забѣлинъ.

Въ тоже время вышелъ приказъ о перестроиванїи Офицерскихъ Повторительныхъ Курсовъ въ Ускоренные курсы для подготовки офицеровъ цѣхоты.

Мѣстомъ открытїя послѣднихъ былъ указанъ г. Ейскъ, почему курсы были названы Ейскими. Весь постоянный составъ офицерскихъ курсовъ, съ нѣкоторыми измѣненїями назначался на укомплектованїе Ускоренныхъ Курсовъ, при этомъ выбили слѣдующїя лица: генераль Брюховъ, полковники Курбатовъ, Снїгиревскїй, Манькинъ-Невструевъ, шт. капитанъ Фаворовъ, заур. врачъ Чуднеръ; зачислены вновь: генералы Милодановичъ, Булюбашъ, полковники Страдецкїй, Даровскїй, Бойко, Чернявскїй, Фоминъ, Адо, Федоровъ, Соловнинъ, Кузнецовъ, Чернышъ, капитаны Миткевичъ-Долецкїй, Ивановъ 1-й, Ивановъ 2-ой, Шмаковъ, Исаенковъ, Ендржеевскїй, Моллеръ, Гамалѣя, Мачиварїани, штабъ-капитаны Лосковъ, Борисовъ, Замлынскїй, Бугрѣвъ, Ерашеневскїй, поручикъ Корчинскїй, Адлербергъ, прапорщикъ, Соколовскїй, докторъ колл. сов. Мирошниковъ, губ. секр. Глушковъ, тит. сов. Крыловъ, чиновникъ Верховскїй и сестра милос. Бекаревичъ, Строевой составъ курсовъ въ началѣ Августа былъ отправленъ въ г. Ейскъ, гдѣ были собраны въ запасномъ баталїонѣ молодые люди, подлежащїе поступитъ на курсы.

17-аго Августа изъ Кисловодска въѣхали въ Ейскъ и всѣ прочїе чины курсовъ съ начальникомъ ихъ генераломъ Курбатовымъ.

1-аго Сентября, послѣ молебствїя были начаты занятїя на курсахъ, при чемъ продолжительность обученїя на нихъ была четырехмѣсячная. Помѣщенїя подъ курсы были отведены въ центрѣ города, при чемъ классы находились въ Высшемъ Начальномъ Училищѣ на Соборной площади. Всего на курсахъ было 465 человекъ, т. е. баталїонъ четырехротнаго состава.

Въ это время Добр. Армія уже продвигалась къ г. Харькову и далѣе — къ Орлу, а Кавказская Добр. Армія съ генераломъ Врангель была переброшена на къ г. Царицыну. Штабъ Главнокомандующаго генерала Деникина изъ г. Екатеринодара перешелъ въ г. Таганрогъ, имѣя всѣ свои учрежденїя въ г. Ростовѣ. Занятїя на курсахъ шли интенсивно, при чемъ всѣ пройденное въ классѣ сейчасъ-же закрѣплялось на мѣстности въ время строевыхъ занятїй. На курсахъ были сформированы пулеметная и ординарческая команды; оркестръ музыки пополнїлся отличными музыкантами и сталъ напоминать старый оркестръ А. В. У. управляемый Крейнбригомъ въ Москвѣ.

Благодаря дешавизнѣ, кормили на курсахъ отлично, и если не было по праздникамъ „Александровскихъ Севастіашекъ“, то арбузовъ, дынь, творогу и т. п. было въ изобиліи. Благодаря достаточному денежному отпуску, хозяйственная часть курсовъ сдѣлала всѣмъ юнкерамъ погоны Александровскаго Военнаго Училища, по образцу сохранившемуся у одного изъ чиновъ курса. 25 Сентября, въ день первой годовщины смерти генерала Алексѣева, на Соборной площади былъ произведенъ церковный парадъ курсамъ; уже тогда можно было любоваться видомъ стройныхъ рядовъ баталіона курсовъ. Въ Октябрѣ Штабъ главнокомандующаго, находящійся въ Таганрогѣ, былъ обезпеченъ Махновскимъ движеніемъ въ сторонѣ Мариуполя, Бердянска; одной изъ мѣръ предосторожности былъ вызванъ баталіонъ курсовъ въ Таганрогъ, который былъ перевезенъ на пароходахъ черезъ Азовское море. Въ Таганрогѣ генералъ Деникинъ произвелъ смотръ баталіону; не смотря на проливной дождь смотръ сошелъ блестяще. Тутъ же было получено курсами все немнѣющееся имущество, какъ то повозки и лошади къ нимъ.

Ввиду ликвидации Махновскаго движенія и ввиду продвигенія Добр. Арміи отъ г. Орла къ г. Курску, курсамъ было приказано слѣдовать по желѣзной дорогѣ въ г. Чугуевъ, черезъ г. г. Изюмъ и Харьковъ. Въ Ейскѣ была погружена въ вагоны хозяйственно административная часть курсовъ, къ которой въ Таганрогѣ были присоединены вагоны строевого состава. Въ концѣ Октября курсы прибыли въ г. Чугуевъ, гдѣ и размѣстились въ зданіи Чугуевскаго Училища.

Не смотря на все удобство для веденія занятій въ хорошо оборудованномъ помѣщеніи Военнаго Училища, планомѣрность ихъ продолжался не долго. Борьба съ „зелеными“, наступившіе хлѣбъ и неутѣшительныя свѣдѣнія съ фронта мѣшали работѣ — особенно класснымъ занятіямъ. Скоро дошло свѣдѣніе объотходѣ Арміи отъ Орла и о возможности эвакуаціи Харькова. Но не смотря на все это, занятія на курсахъ продолжались до 25-го Ноября и даже дѣлались приготовленія къ празднованію Георгіевскаго праздника; на хорошо оборудованной сценѣ въ столовомъ залѣ Училища предполагалось устроить концертъ и спектакль, а у церкви, находящейся около Училища, произвести церковный, парадъ курсамъ.

Но оставленіе Арміей Харькова заставило курсы принять мѣры къ оставленію Чугуева 26-го Ноября. Все цѣнное и семья служащихъ были заранѣе отправлены въ г. Ростовъ, въ четырехъ теплушкахъ была вывезена хозяйственно-административная часть курсовъ, а баталіонъ выступилъ походомъ на г. Изюмъ. Въ послѣднюю минуту нахождения въ Чугуевѣ было получено распоряженіе изъ Ростова отъ генерала Вязмитинова о переброскѣ курсовъ въ Бердянскъ, куда изъ Ростова направленъ и эшелонъ съ цѣннымъ имуществомъ и семьями. Благодаря палкой заботѣ желѣзныхъ дорогъ въ Донецкомъ Каменноугольномъ районѣ, движеніе по нимъ было очень тяжкимъ для обоихъ эшелоновъ; благодаря ненастью и распутиѣ баталіонъ двигался походомъ тоже съ большими затрудненіями, при чемъ были заболѣванія сыпнымъ тифомъ. Во время пути отъ Чугуева къ Ростову баталіонъ былъ остановленъ для несенія охранной службы желѣзно дорожной линіи, а послѣ вступленія въ командованіе арміей генерала Врангель, онъ былъ направленъ въ корпусъ генерала Улагая; послѣдній, въ свою очередь, снабдивъ баталіонъ всѣмъ необходимымъ, направилъ его прямо на Ростовъ. Подъ Ростовомъ баталіонъ занялъ позицію въ сторону Таганрога, а при оставленіи Ростова, перейдя рѣку Донъ, занялъ позицію подл Батайскомъ вмѣстѣ со Ставропольскими Ускоренными курсами.

Въ это время въ Бердянскѣ шло оборудование помѣщеній подл курсовъ, а, по полученіи распоряженія о переѣздѣ курсовъ въ Ростовъ, Бердянскъ былъ оставленъ. Пробыть въ Ростовъ по желѣзной дорогѣ было уже нельзя и эшелону курсовъ пришлось свернуть на Мариуполь. Послѣ многихъ усилій и хлопотъ удалось достигъ Мариуполя и погрузиться на пароходъ „Цесаревичъ Георгій“.

Азовское море было въ это время покрыто льдомъ и пришлось пробиваться черезъ ледъ по Азовскому морю къ Керчинскому проливу. Въ Керчи пароходъ не остановился, а прослѣдовалъ въ г. Новоросійскъ, гдѣ и выгрузилъ эшелонъ курсовъ.

Такимъ образомъ къ Январю мѣсяцу 1920 года курсы были въ слѣдующихъ мѣстахъ: баталіонъ на позиціи подл Ростовомъ, а учебная, административная и хозяйственная части курсовъ въ городѣ Новоросійскѣ.

Уже въ Новоросійскѣ былъ полученъ приказъ объ открытіи курсовъ въ этомъ городѣ; тутъ же былъ полученъ приказъ о переименованіи курсовъ въ „Пѣхотную генерала М. В. Алексѣева юнкерскую школу“.

А. Курбатовъ

№ 15. Первое производство въ офицеры въ Тихорѣцкой.



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 15.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Мартъ 1929 г.

Первое производство юнкеровъ въ офицеры въ Добр. Арм.

29 Января 1920 года Главнокомандующій Вооруженными силами на югѣ Россіи генералъ Деникинъ произвелъ смотръ юнкерамъ Ейскихъ и Ставропольскихъ курсовъ, прибывшихъ въ Тихорѣцкую изъ Батайска, гдѣ юнкера, въ рядахъ Добровольческаго корпуса, принимали участіе въ славныхъ бояхъ послѣдняго мѣсяца. Поздоровавшись съ юнкерами и обойдя фронтъ главнокомандующій обратился къ юнкерамъ со слѣдующей рѣчью: „Отъ командира Добровольческаго Корпуса я слышалъ, что вы честно и хорошо вели себя въ бою. За это благодарю васъ! Въ тяжелое время вамъ приходится стать въ ряды нашего многостраднаго славнаго офицерства, по близокъ конецъ, близка побѣда. Нужно только, чтобы ошибки прошлаго, которыя были и въ офицерской средѣ, изгладились. Нужно желаніе побѣдить, нужна побѣда надъ собой... Отъ всей души желаю вамъ вступающимъ нынѣ въ великую и славную семью русскаго офицерства, полного успѣха въ предстоящей вамъ трудной, но честной работѣ и поздравляю васъ съ производствомъ въ подпоручики! Нашей несчастной Родинѣ, нашей славной арміи — „Ура!““

Рѣчь главнокомандующаго и здравица, провозглашенная командующимъ парадомъ — начальникомъ Ставропольскихъ курсовъ генераломъ Чесловымъ за генерала Деникина были покрыты громкимъ и долго несмолкаемымъ „Ура“ свыше пятисотъ молодыхъ офицеровъ.

Пропустивъ молодыхъ офицеровъ церемониальнымъ маршемъ и пожелавъ имъ вновь счастья и успѣха, Главнокомандующій отбылъ съ мѣста парада, сопровождаемый вновь громкимъ несмолкаемымъ „Ура“.

Вновь произведенные офицеры были отпущены на нѣсколько дней въ отпускъ, послѣ чего должны были явиться въ свои части, находящіяся на позиціяхъ подъ Батайскомъ и на Манячѣ.

Постоянный строевой составъ курсовъ былъ отправленъ по желѣзной дорогѣ въ г. Новороссійскъ, куда походомъ черезъ г. Екатеринодаръ пошелъ и обозъ. Всѣ оставшіеся юнкера Ейскихъ и Ставропольскихъ курсовъ прибыли тоже въ Новороссійскъ и составили сводную роту пѣхотной генерала Алексѣева юнкерской школы.

Пѣхотная генерала Алексѣева юнкерская школа.

Одновременно съ переименованіемъ курсовъ въ школу юнкеровъ, комендантомъ города Новороссійска были отведены помѣщенія для юнкеровъ и для постоянного состава: греческое училище и дома, гдѣ находился пунктъ для русскихъ военнопѣхотныхъ прибывающихъ изъ заграниціи. На оборудованія и ремонтъ этихъ помѣщеній пошло двѣ недѣли и къ серединѣ Февраля „новое гнѣздо“ было готово.

Въ мѣстныхъ газетахъ было помѣщено слѣдующее объявленіе:

Ввиду предстоящаго открытія занятій 15 февраля с. г. въ г. Новороссійскѣ въ пѣхотной генерала Алексѣева, юнкерской школѣ, приѣмъ прошеній отъ желающихъ поступить производится въ канцеляріи школы отъ 10 ч. до 12 ч. ежедневно. Принимаются молодые люди отъ 17 до 28 л. съ образовательнымъ цензомъ не ниже 5 классовъ средняго учебнаго заведенія; лица призванія или подлежащія призыву по мобилизаціи должны имѣть документы о регистраціи у воинскаго начальника. Приѣмъ будетъ произведенъ и тѣхъ лицъ, коихъ командируютъ какъ воинскій начальникъ, такъ и войсковое начальство.

2 Февраля 1929 г.

г. Новороссійскъ

Начальникъ школы

Генералъ-маіоръ Курбатовъ

Къ началу Февраля въ школѣ было уже болѣе 150 юнкеровъ, а погому, въ указанный въ объявленіе срокъ, занятія съ юнкерами дѣйствительно начались. Въ это время положеніи на фронтѣ сильно измѣнилось къ худшему: послѣ отхода отъ Маныча, пришлось бросить позиціи по рѣкѣ Донъ и постепенно отходить къ Екатеринодару къ рѣкѣ Кубань. Всѣ учрежденія арміи и юга Россіи стали прибывать и размѣщаться въ Новороссійскѣ; среди нихъ было и управленіе части Военно-Учебныхъ заведеній съ генералами Забѣлинымъ и Врасскимъ-во главѣ. Проѣхала черезъ Новороссійскъ въ г. Керчь и Ставропольская генерала Корнилова юнкерская школа. Иностранныя миссіи приступили къ эвакуаціи изъ Новороссійска семействъ должностныхъ лицъ, раненныхъ и больныхъ для чего открыли эвакуаціонный пунктъ въ центрѣ города. Скоро прибылъ и генералъ Врангель, который помогъ плановѣрности эвакуаціи иностраннымъ миссіямъ.

Въ юнкдрской школѣ занятія были почти окончательно прекращены, ввиду привлеченія юнкеровъ къ конвоированію арестантовъ, назначаемыхъ для рытія окоповъ на подступахъ къ Новороссійску, а также для борьбы съ „зелеными“.

Во всемъ чувствовалось приближеніе эвакуаціи Новороссійска, со всѣми послѣдующими тяжестями этой эвакуаціи. На пристаняхъ стали строить баррикады, а приказы по гарнизону стали носить чисто боевой характеръ.

Въ бухтѣ стояли иностранныя суда въ полной боевой готовности. Юнкерская школа была включена въ составъ войскъ охраннаго района города Новороссійска.

25 Февраля вышелъ скѣдующій приказъ по войскамъ охраннаго района:

Въ районѣ Геленджика активныя дѣйствія отряда генерала Черепова встрѣтили упоритныя сопротивленія „зеленыхъ“. „Зеленые“ занимаютъ Адербѣевку, Кабардинску, Живанскую и Абинскую. Въ широкой балкѣ, близъ Федотовки обнаружена 4-ая группа зеленыхъ силою около 500 человекъ. По агентурнымъ даннымъ нападеніе на Новороссійскъ предполагается произвести со стороны вокзала и 5-ой щели, что между бойней и кожевеннымъ заводомъ. Наша 2-ая пѣхотная дивизія находится въ районѣ Геленджика и готовится къ наступленію на Туапсе. Тонельная занята инженернымъ полкомъ, инженерной генерала Маркова ротой съ артиллеріей. Въ случаѣ необходимости союзный флотъ, а также американскій отрядъ адмирала Гули примутъ участіе въ оборонѣ города.

Въ дальнѣйшемъ приказъ слѣдовало указаніе для руководства отдѣльнымъ частямъ и иностраннымъ судамъ, среди которыхъ были французскія крайсера „Вальдекъ Руссо“, „Камба“, „Каллесо“, „Дешафо“, англійскія и американскія броненосцы, крайсера и миноносцы.

Юнкера было приказано быть готовымъ для вызова по тревогѣ для дѣйствія совмѣстно съ вооруженнымъ отрядомъ крайсера „Вальдекъ Руссо“, который въ случаѣ необходимости, долженъ быть высаженъ на берегъ для защиты пристаней.

А. Курбатовъ

№ 16. Апрель. Оставленіе Новороссійска и смѣна Главкомаданованія





„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 16.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Апрѣль 1929 г.

Оставленіе Новороссійска. Крымъ-Симферополь.

12 Марта 1920 года строевой составъ Пѣхотной генерала М. В. Алексѣева юнкерской школы перешелъ въ вѣдѣніе фронтового начальства и сейчасъ же былъ выдвинутъ въ заставы къ сторонѣ Анапы и Абрау Дюрсо.

13 Марта, рано утромъ, школѣ было приказано грузиться на пароходъ „Маріэта“. Сама погрузка была очень тяжела, такъ какъ въ Новороссійскѣ творилось въ это время нѣчто хаотическое: прибывающія воинскія части, бѣженцы съ Дона и Кубани буквально загрохотали городъ и особенно пристань, къ которой трудно было пребраться даже пѣшкомъ. Школѣ приходилось грузиться на пристани Стандарта у Цементнаго завода и всё имущество должно было перевозиться на повозкахъ къ мѣсту погрузки черезъ весь городъ. Только одинъ транспортъ съ вещами былъ погруженъ въ 4 часа утра на пароходъ, а остальное имущество пришлось бросить среди непроходимой массы повозокъ, автомобилей и бродившихъ брошенныхъ лошадей. Сумятица всё усиливалась и усиливалась особенно благодаря начавшемуся спѣшному уничтоженію складовъ, а также раздавшимся орудейнымъ выстрѣламъ съ иностранныхъ военныхъ судовъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ вспыхнули пожары, начался грабёжъ и стали слышны отдѣльные ружейные и револьверные выстрѣлы. Принятія мѣры не могли уже поправить дѣло, а подходившія части, при погрузкѣ на пароходы, бросали лошадей повозки тутъ же у пристаней. Въ 4 часа дня было приказано всѣмъ пароходамъ выходить на вѣншній рейдъ, а иностранныя военныя суда открыли уже частый орудейный огонь. Юнкера, находившіеся въ заставахъ, не получали никакихъ приказаній и пропускали мимо себя отходящія части. Только благодаря частной инициативѣ офицеровъ школы, удалось добиться опредѣленнаго указанія — идти къ пристани и „постараться“ погрузиться на какое-нибудь судно. Когда юнкера прибыли къ мѣсту погрузки, то уже нигдѣ не было мѣста на судахъ.

Генералъ Деникинъ былъ всё время на берегу и, узнавъ, что юнкера остались непогруженными, сообщилъ объ этомъ англичанамъ и французамъ, которые сейчасъ же взяли ихъ на свои броненосцы.

14 Марта всѣ суда, наши и иностранныя, оставили Новороссійскъ и направились къ берегу Крыма — въ Феодосію и въ Севастополь.

Въ время переѣзда юнкеровъ на иностранныхъ судахъ „союзники“ были внимательны къ русской военной молодежи, угощали, кормили и даже снабдили ее при выгрузкѣ нѣкоторымъ запасомъ ѣды и сластей. Что касается парохода „Маріэта“, гдѣ былъ хозяйственный — административный и учебный составъ школы, то онъ пришелъ въ Феодосію послѣднимъ, благодаря слабости своей машины и волненію на морѣ.

Въ эту вторую эвакуацію школа потеряла, кромѣ имущества, свой оркестръ музыки, какъ какъ благодаря пропагандѣ большевиковъ, часть солдатъ-музыкантовъ, подъ разными предлогами, не пребыла къ мѣсту погрузки вмѣстѣ со своимъ капельмейстромъ, также не прибылъ одинъ офицеръ школы, семья котораго не успѣла сѣсть на пароходъ.

15 Марта школа съ пѣснями прошла по городу Феодосіа, направляясь въ пристани въ казармы, гдѣ было расположено Константиновское Военное училище (Кіевское).

Въ Феодосіи юнкера школы, вмѣстѣ съ юнкерами Константиновцами несли службу по охранѣ городскихъ пекаренъ, а также составляли надежный гарнизонъ города до самаго отъѣзда генерала Деникина въ Англію. Къ моменту оставленія поста главнокомандующаго генераломъ Деникинымъ, школа была переведена въ вагоны желѣзной дороги, которые стояли на запасномъ пути противъ гостиницы, занимаемой генераломъ Деникинымъ. Совѣщаніе у генерала Деникина, его отказъ отъ должности главнокомандующаго, прощаніе со штабомъ и самый отъѣздъ на Англійскій броненосецъ были какъ-бы на глазахъ Алексѣевской военной школы,

22 Марта, съ отъездомъ изъ Арміи генерала Деникина, центромъ добровольцевъ сталъ г. Севастополь, куда вскорѣ прибылъ принявшій на себя всю тяжесть Главнокомандованія генераль Врангель.

Въ то же время было получено приказаніе школѣ переѣхать по жел. дорогѣ въ Симферополь, гдѣ и размѣститься. Получивъ отъ англичанъ обмундированіе и выслать на автомобильнѣ квартирьера генерала Любимова, школа тронулась въ путь изъ Феодосіи въ Симферополь черезъ Джанкой.

Въ послѣднемъ пунктѣ школѣ пришлось познакомиться съ генераломъ Слащевымъ, который умышленно задерживалъ юнкеровъ, чтобы присоединить ихъ къ своей конвою. 26 Марта школа прибыла въ Симферополь и размѣстилась въ огромной Европейской Гостинницѣ, въ самомъ центрѣ города, противъ городского сада на р. Салгир. Встрѣча Свѣтлаго праздника и весны въ благоустроенномъ городѣ была наградой членамъ школы за дни 2-ой «вакуаціи».

Въ началѣ Апрѣля было объявлено о принятіи въ школу молодыхъ людей скоро ряды ея пополнились до 400 человекъ, при чемъ старые юнкера составили 1 роты, а вновь поступившіе — 3 и 4 роты.

Строевая занятія начались съ перваго-же дня прибытія въ Симферополь; кроме того шла подготовка къ Училищному празднику — 23 Апрѣля, на которомъ состоялось торжество благословенія школы иконой архіепископомъ Димитріемъ передъ началомъ классныхъ занятій. Этомъ праздникъ, въ честь св. Царицы Александры и св. Георгія Побѣдоносца, былъ отпразднованъ особенно торжественно и напоминалъ собой старія Александровскія торжества въ Масквѣ. 12 Мая въ Симферополь приѣзжалъ Главнокомандующій генераль Врангель и на вокзалѣ отъ школы былъ выстроены почетный караулъ, за служившій похвалу. Въ Іюнѣ занятія въ школѣ шли уже полнымъ ходомъ, при чемъ все члены ея работали отъ сердца, стараясь принести пользу въ дѣлѣ воспитанія и обученія. Въ началѣ Іюля былъ объявленъ новый штатъ школы съ доведеніемъ числа юнкеровъ до 500 человекъ и съ переименованіемъ школы въ «Военное генерала Алексѣева Училище» военного времени. (прик. 21 с. 1920 года). Въ концѣ Іюля строевая подготовка юнкеровъ была использована для борьбы съ «зелеными», находившимися въ горахъ Яйла, въ началѣ Августа весь строевой составъ подвергнулся еще болѣе серьезному боевому испытанію, участвуя въ Таманской десантной операціи на Кубани.

А. Курбатовъ.

№ 17 Тамань. Военное генерала Алексѣева училище. Оставленіе Крыма



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 17.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Май 1929 г.

Крымъ. Военное Генерала Алексѣева Училище. Тамань.

8 го Августа 1920 года, въ г. Симферополь, въ Военномъ генерала Алексѣева Училище было получено распоряженіе вернуть 3 и 4 роты изъ экспедиціи противъ „зеленыхъ“ и, вмѣстѣ съ 1 и 2 ротами, отправить въ г. Керчь, гдѣ получить дѣльнѣйшія указанія. 9 Августа баталіонъ юнкеровъ погрузился въ вагоны и 10 прибылъ въ Керчь. Въ это время уже начались дѣйствія генерала Улагая, высадившагося въ районѣ лимана Ахтарскаго и двигающаюся на г. Екатеринодаръ.

Въ Керчи юнкера были встрѣчены главнокомандующимъ генераломъ Врангелъ, который похвалилъ прибывшихъ за отличный видъ и высказалъ свою увѣренность въ томъ, что и въ бою юнкера будутъ такими же молодцами. Въ тотъ же день была дана боевая задача съ переправой черезъ Керчинскій проливъ и высадкой у станицы Таманской. Быстро была произведена посадка юнкеровъ на суда и ихъ перевезли на ту сторону пролива въ Таманскій заливъ. Туда-же были перевезены 4 орудія и броневикъ, а также нѣсколько мелкихъ казачьихъ частей; на миноносцѣ въ станицу Таманскую прибылъ и самъ главнокомандующій, встрѣченный колохольнымъ звономъ станичной церкви.

Юнкера, по высадкѣ, двинулись впередъ къ станицѣ Вышестеблеевской, при чемъ къ сторонѣ Бугазской губы былъ выдѣленъ взводъ юнкеровъ съ пулеметами.

Противникъ отошелъ на высоты, гдѣ была его оборонительная линія. Почти безпрепятственно юнкера заняли ст. Вышестеблеевскую и тамъ переночевали. Начальникъ десантнаго отряда генералъ Харламовъ рѣшилъ взять высоты и отогнать противника далѣе къ р. Кубань: Командиръ баталіона юнкеровъ Полковникъ Хаминъ, получивъ приказъ о наступленіи, развернулъ баталіонъ и двинулся на разсвѣтѣ впередъ, при чемъ броневикъ шель по дорогѣ на станицу Старотиторовскую вмѣстѣ съ донскими частями. Предстояла денная атака высоты у этой станицы и закрѣпленіе на ней для дальнѣйшаго движенія. Эта атака юнкерами была выполнена отлично и противникъ отошелъ на слѣдующія высоты, гдѣ были у него проволочныя загражденія. Рѣшено было взять эту укрѣпленную линію ночной атакой, что также блестяще было выполнено юнкерами, не смотря на тяжелыя потери, особенно въ офицерскомъ составѣ: командиръ 2 й роты Капитанъ Ивановъ 2 былъ раненъ еще до ночной атаки, командиръ 1-й роты Полковникъ Горбуновъ былъ убитъ у проволочки, смертельно раненыхъ Полковника Ласкова и командира Донскаго казачьяго полка юнкера внесли на рукахъ во время самаго боя. По занятіи этой укрѣпленной линіи, предстояло взять еще двѣ послѣднія высоты, за которыми видны были плавни рѣки и сама рѣка Кубань. На слѣдующее утро отрядъ былъ усиленъ подошедшими свѣжими частями, среди которыхъ было и Корниловское Военное Училище. Но и противникъ получивъ большія подкрѣпленія съ артиллеріей и кавалеріей.

Бой послѣдующаго дня показалъ, что большія силы противника переходятъ въ наступленіе, выславъ свою кавалерію для полнаго уничтоженія десанта.

Въ это время было получено приказаніе отходить назадъ къ станицѣ Таманской, гдѣ съѣзъ на суда для обратной перевозки въ Керчь. Отходъ съ боемъ былъ выполненъ юнкерами довольно гладко, хотя пришлось бросить часть убитыхъ офицеровъ и юнкеровъ. Посадкой на суда закончилась славная для училища Таманская экспедиція, гдѣ юнкера показали себя храбрыми бойцами Серебряными трубами, съ Николаевскими лентами, заслужены Училищемъ цѣнныя крови молодыхъ патріотовъ Россіи!

Честь и хвала имъ и слава Училищу, давшему такихъ героевъ! Потери за эту операцію были очень велики: кромѣ указанныхъ выше офицеровъ, были убиты — капитанъ Сахаровъ, капитанъ Бугрѣвъ и тяжело раненъ командиръ 3-й роты Подполковникъ Ивановъ 1-ий; юнкеровъ убито 15 человекъ, пропало безъ вѣсти — 2, ранено 124 (изъ 400 человекъ). Всѣ чины баталіона вели себя въ бою доблестно, юнкера шеголяни другъ

передь другомъ неустрашимостью, а Полковникъ Хаминъ удивлялъ всѣхъ полнокровіемъ и выдержкой. Командиръ пулемениковъ капитанъ Максимовъ, проявившій развѣдку, проявилъ полную неустрашимость, а фельдшеръ Ивановъ перевязывалъ раненныхъ подъ огнемъ въ самой дѣли. Много георгиевскихъ крестовъ всѣхъ четырехъ степеней были наградой отличившихся. Стихотвореніе генерала Вязьмитинова посвещено юнкерамъ, отзывы начальства и приказъ гвавнокомандующаго хорошо рисуютъ всю тину того, что дало Училищу высокое боевое отличие — серебрянная трубы!

Всѣхъ раненыхъ удалось перевезти къ себѣ въ Симферополь и обставить заботливостью чисто родной семьи. Часть убитыхъ была привезена тоже въ Симферополь для торжественныхъ похоронъ на кладбищѣ. 26 Августа баталіонъ храбрцевъ возвратился въ Симферополь, при чемъ юнкерамъ былъ данъ заслуженный ими десятидневный отдыхъ. Въ Сентябрѣ снова начались занятія, а также юнкера привлекались къ походу противъ „зеленыхъ“. Занятія стали мелче плановѣрными, но благодаря энергіи Инспектора классовъ Полковника Чернявскаго и его помощника Полковника Фомина они не прерывались до самаго оставленія Крыма.

Въ Крыму состоялось переименованіе Добровольческой Арміи въ Русскую, вполне соответствовало, патриотическому ея направленію. Весь періодъ нахождения Юлища въ Крыму можно назвать разцвѣтомъ его и за это время оно твердо встало свои ноги во весь ростъ*, какъ русское Военно-Учебное Заведеніе

П Р И К А З Ъ

Главнокомандующаго Русской Арміей

25 Марта 1921 года

№ 122

Яхта „Лукулъ“

Въ воздаяніе военныхъ доблестей, отменнаго мужества и беззавѣтнаго самозажеренія, проявленныхъ въ бояхъ за освобожденіе Родины отъ враговъ ея награждаю Александровское генерала Алексѣева Военное Училище серебрянными трубами съ лентами дена св. Николая Чудотворца.

Главнокомандующій Генераль Врангелъ

„ЭТО БЫЛИ ЮНКЕРА“

Посвящается юнкерамъ Военныхъ Училищъ и школъ Русской Арміи. („Глубокому уважаемому сотруднику въ любимомъ дѣлѣ Генералу Курбатову на добрую память отъ В. В. Вязьмитинова 8—2—1920 г.“)

Вы уже запечатлѣли
Кровью юною въ бояхъ,
Что стремленіе къ свѣтлой дѣли
Свято носите въ сердцахъ;
Что для счастья Отчины,
Для созданія Россіи —
Не жалѣете Вы жизни,
Не страшитесь и стихій;
Что къ опасностямъ презрѣніе,
Не бахвальныя слова,
Что участвуютъ въ стремленіи
Сердце, духъ и голова.
Безъ поддержки громомъ пушки
Въ бой умѣли вы летѣть
И руками — что игрушки
Рвать тамъ проволоки съѣтъ,
Не страшась огня потока,
Со штыкомъ на перевѣсъ,
Гнать врага могли далеко.
За болто и сквозь лѣсъ;
И изъ ада лютой бойни,
Чтя священныи сердцу прахъ,
Выносить вождей достойныхъ
На израненыхъ рукахъ.
Вы могли, забывши голодь,
Жажду, сонъ, мученье ранъ,
Жаръ дневной и ночи холодъ,
И усталости обманъ,

Кучкой дерзостно-ничтожной,
Но отважнои безъ предѣла,
Страхъ врагамъ вселивъ тревожный,
Отражать полки ихъ смѣло.
По ночамъ, какъ тѣни тихо,
Безъ снопогъ, чтобы не шумѣть,
На врага умѣли лихо
Подобравшись налетѣть;
И его тройныя силы,
Налетавшія на васъ,
Провожить могли въ могилы
Не смущаясь ни на часъ.
А въ тяжелый часъ отхода,
При измѣнахъ счастья боя,
Не страшили васъ невзгоды
И владѣли Вы собою,
Лишь горя священнымъ гнѣвомъ,
Отъ безумно злыхъ терзаній,
Наносимыхъ краснымъ зѣвомъ
Праху Божескихъ созданий
Сдѣлать это все сумѣли
Оттого, друзья и братья,
Что стремленье къ свѣтлой дѣли
Васъ взяло въ свои объятія!
Мы-же Вамъ привѣта слово
И любовь несемъ — „Ура“
И гордиться будемъ — снова:
„Это были юнкера“.

В. Вязьмитиновъ

Севастополь 30-ХІІ 1920 г.

А. Курбатовъ.

Варна,



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 18.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Іюнь 1929 г.

Послѣдніе дни въ Крыму и оставленіе Россіи.

25 Сентября 1920 года, во вторую годовщину смерти генерала Алексѣева, Военное генерала Алексѣева Училище отслужило панахиду на площади у Симферопольскаго Собора, при чемъ службу совершалъ архіепископъ Таврической Димитрій. Въ тотъ-же день вечеромъ 1 рота Училища ушла въ экспедицію противъ „зеленыхъ“, а 28 Сентября гуда-же ушла 3 и 4 роты. Осень, съ рано наступившими холодами, давала себя чувствовать, а свѣдѣнія съ фронта носили тревожный характеръ: 18 Октября армія отошла къ Перскопу, тѣсняемая большими силами большевиковъ; оставалась одна надежда — Перекопскія твердини, которая не оказалась столь твердыми, какъ мечталось и роковой день оставленія Родины всё приближался и приближался. . . 20 Октября въ экспедицію ушла и 2 рота, а 28 Октября прошла вѣсть о неуспѣхѣ подъ Перекопомъ, куда проѣхалъ и самъ Главнокомандующій генералъ Врангель. Вечеромъ того же дня было приказано вернуть всѣхъ юнкеровъ изъ экспедиціи и посадить въ поѣздъ Главнокомандующаго, идущій ночью въ Севастополь. Приказаніе это было исполнено тремя ротами и только 3 ротъ было послано предписание слѣдовать пѣшкомъ прямо въ Севастополь. День 29 Октября, послѣ отправки юнкеровъ, прошелъ въ напряженномъ состояніи и дѣйствительно вечеромъ Начальникъ Гарнизона генералъ Кушакевичъ сообщилъ, чтобы Училище было готово къ эвакуации въ Севастополь для погрузки на пароходы. Выяснилась и причина отъѣзда юнкеровъ въ Севастополь: они были привлечены къ охранѣ, какъ самаго города, такъ и порта со состоящими въ немъ судами и складами угля.

Было приказано брать съ собою самое необходимое, въ весьма ограниченномъ количествѣ числа предметовъ, при чемъ разрѣшалось погрузиться въ вагоны желѣзной дороги. Такъ какъ на вокзалѣ желѣзной дороги царяла уже большая суматоха, то было рѣшено переѣхать въ Севастополь на лошадахъ. Тогда въ Училищѣ оставалось немного больныхъ юнкеровъ, часть офицеровъ, семья служащихъ и всё училищное имущество. Ночь на 30 Октября прошла въ отысканіи экипажей и повозокъ а также въ укладкѣ вещей; юнкера лихо выполнили задачу по сбору повозокъ и въ 7 часовъ утра 30 Октября небольшая колонна повозокъ Училища оставила Симферополь. Путь шелъ черезъ г. Бахчисарай, гдѣ была сдѣлана остановка, а въ 7 часовъ утра слѣдующаго дня повозки Училища были остановлены карауломъ при вѣздѣ въ Севастополь; этотъ караулъ состоялъ изъ нашихъ юнкеровъ, а потому было легко отыскать мѣсто погрузки на маленькой пароходѣ „Морякъ“. При свѣтѣ занимающейся зори и горячей мельницы началась погрузка Училища, при чемъ помогали наши юнкера, бывшіе на „Морякѣ“ въ охранѣ машиннаго отдѣленія и угля. Уже черезъ часъ погрузка была закончена, а еще черезъ 1/2 часа прибыла и погрузилась на пароходъ 4 ая рота Училища. Послѣ погрузки всѣ чины Училища грузили уголь на пароходъ, при чемъ послѣднее производилось въ другомъ мѣстѣ порта. Кое-какъ всѣ устроились и только тогда почувствовали потребность въ отдыхѣ. Въ это время пришло приказаніе очистить пароходъ и выгрузиться на берегъ, ввиду необходимости командованію имѣть подъ рукой мелкосидящее судно. Это приказаніе повергло всѣхъ въ уныніе и только благодаря хлопотамъ генерала Кушакевича было разрѣшено тутъ же на рейдѣ перебраться на норвежскій пароходъ угольщикъ „Модикъ“.

„Морякъ“, не смотря на ночное время, подошелъ вплотную къ угольщику и началась спѣшная перегрузка Училища при самыхъ трудныхъ условіяхъ, благодаря темнотѣ, неимѣнію мостиковъ, неравенству высоты бортовъ, качкѣ и т. н. Тутъ были случаи паденія въ море и особенно сильное впечатлѣніе произвелъ случай съ адъютантомъ Училища капитаномъ Росляковымъ, провалившимся между судовъ и спасшемуся только благодаря надѣтой черезъ плечо большой сумкѣ. При погрузкѣ норвежцы предложили разоружиться, что было „условно“ выполнено. О какомъ-либо конфортѣ на угольщикѣ нельзя было раз-

считывать и всё размѣстились въ темныхъ трюмахъ на ящикахъ, покрытыхъ брезентомъ. Только къ утру была закончена эта кошмарная перегрузка и „Морякъ“ отошелъ въ „Модика“.

Утромъ 1 Ноября 1920 года „Модикъ“ оставилъ рейдъ Севастополя и вышелъ въ море. . . . Занималась заря, берега Крыма были окутаны туманомъ. . . . Пассажиры „Модика“ безмолвно провожали глазами неясное-еще очертаніе покидаемой ими России. Самое оставленіе родной земли почувствовалось не сразу благодаря утомленію и картинна „бѣгства“ изъ Россіи какъ-то еще не ясно рисовалась „бѣженцамъ“. Но каждый поворотъ винта машины „Модика“ всё больше и больше отдалялъ изгнанниковъ отъ Родины и горькая дѣйствительность постепенно завладѣвала сознаниемъ каждого. Тяжелымъ сномъ заснули пассажиры угольщика на твердомъ ложѣ во дракъ трюмовъ. . . . Самый переѣздъ по Черному морю, благодаря отсутствію качки, далъ возможность много отдохнуть и привнести въ порядокъ свои мысли и чувства. . . .

2 Ноября пассажиры „Модика“ пробудились уже при входѣ въ Босфоръ и высыпали на палубу, чтобы поглядѣть на берега Турціи. Въ 6 ч. вечера, пройдя французскаго станціонера въ Босфорскомъ проливѣ, „Модикъ“ былъ на Константинопольскомъ рейдѣ у маяка на Мраморномъ морѣ у Принцевыхъ острововъ. Во время прохода мимо Константинополя пассажиры „Модика“ любовались красивыми видами на Турецкій городъ съ мечетями и минаретами. Въ чистыхъ, зеленоватыхъ водахъ Мраморнаго моря „Модикъ“ бросилъ якорь и поднялъ желтый флагъ карантина. Тутъ на рейдѣ стояло много русскихъ судовъ, среди которыхъ была и яхта Главнокомандующаго „Лукуль“. Заботой этого дѣла были хлопоты о полученіи „хлѣба насущнаго“ и о выясненіи обстановки и свѣдѣній на какихъ судахъ находятся юнкера Училища.

Уже 3 Ноября, рядомъ съ карантиннымъ флагомъ, былъ выкинутъ флагъ „Лодный“ и „прѣсной воды“. Множество чаекъ и турецкихъ лодокъ окружали парходъ началось мѣрная торговля съ криками „кардашъ“. Сейчасъ-же по полученіи пищевыхъ продуктовъ началась и новая забота о переводѣ юнкеровъ съ другихъ судовъ на парходъ „Модикъ“. Иначе говоря, сама жизнь требовала работу, а не „раскисанія“ и унынія. И въ этомъ отношеніи Училище заслуживало полное одобреніе, такъ какъ мѣста несмыслима не было, а лозунгъ самаго тѣснаго сплоченія былъ положенъ въ основу всѣхъ дѣльнейшихъ шаговъ. Начальникъ Училища собиралъ юнкеровъ, солдатъ и офицеровъ, призывалъ ихъ къ полному сохраненію крѣпости, дисциплины и единенію. Большая заслуга всего Варшавскаго команднаго состава Училища, что онъ умѣлъ вселить и бодрости и спокойствіе въ эти тяжелые дни. 7 Ноября, послѣ трогательнаго прощанія съ капитаномъ Норвежскаго судна, всѣхъ пассажировъ „Модика“ перегрузили на турецкое судно „Кизиль-Ирмакъ“, при чемъ разгрузка происходила въ Золотомъ Рогѣ на маленькій парходикъ, перевозившій всѣхъ на транспортъ „Кизиль-Ирмакъ“. Размѣстились всѣ на этомъ парходѣ нѣсколько просторнѣе и удобнѣе, чѣмъ на „Модикѣ“. Довольствіе уже надидилось и всѣ пассажиры получали хлѣбъ, лукъ, консервы и прочее — изъ разныхъ Константинопольскихъ учрежденій. 9 Ноября было получено первое, еще туманное, свѣдѣніе о перевозкѣ всей Русской Арміи въ Галлиполи, на Лемносъ и въ Чатаджу; для 1-го Армейскаго Корпуса, къ которому прикомандировывались всѣ Военныя Училища, назначая г. Галлиполи, стоящій при выходѣ изъ Мраморнаго моря въ Дарданельскій проливъ.

13 Ноября было разрѣшено уѣхать въ Константинополь всѣмъ выходящимъ изъ состава Арміи, но такихъ въ Училищѣ набралось очень мало — до десяти человѣкъ. В тотъ же день на „Кизиль-Ирмакъ“ прибыли юнкера 1 и 2 роты и часть юнкеровъ Севастопольскаго Артиллерійскаго Училища съ Полковникомъ Грибовскимъ. Къ этому времени жизнь на парходѣ уже наладилась: юнкера собирались на молитву, на переключку, на выдачу пищи и даже въ трюмѣ былъ устроенъ концертъ съ „приглашенными“ лицами. Было установлено время для „избѣнія“ появившихся паразитовъ, при чемъ на палубѣ выходили по очереди мужчины или женщины. Карантинъ продолжался до 20 Ноября, 21 Ноября „Кизиль Ирмакъ“ подошелъ къ острову Проти, гдѣ высадилъ всѣхъ пассажировъ для карантиннаго наблюденія. На островѣ были американцы, которые держали у себя высадившихся два дня, размѣстивъ ихъ въ бывшемъ монастырѣ. 24 Ноября всѣхъ отвезли на Константинопольскій рейдъ. Съ этого момента всѣ считались „чистыми“ и могли слѣдовать „дальше въ Европу“. 25 Ноября было получено распоряженіе о переѣздѣ на полуостровъ Галлиполи, гдѣ уже разгружался 1 Армейскій корпусъ. Въ тотъ же день тронулись въ „обѣтованную землю“, ночью прошли Мраморное море и рано утромъ 30 Ноября были уже въ Галлиполи.

Варна.

А. Курбатовъ

№ 19. Июль. Александровцы въ Галлиполи.



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 19.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Юль 1929 г.

Александровцы въ Галлиполи.

26 Ноября 1920 года, въ день праздника съ Георгія Побѣдоносца, рано утромъ, пароходъ „Кизиль Ирмакъ“ бросилъ якорь у пустынного берега Галлиполійскаго полуострова въ небольшой бухтѣ около полуразрушеннаго города Галлиполи . . .

Всѣ пассажиры съ интересомъ и даже со страхомъ глядѣли на городъ, въ которомъ придется жить, можетъ-быть, долгое время! Греческій и французскій флаги развѣвались на развалинахъ города, а красныя фески турокъ, евреевъ испанбеловъ и черныхъ французскихъ войскъ мелькали среди незатѣйливыхъ жилищъ строеній. Въ 10 часовъ утра началась выгрузка на пристань подъ наблюдениемъ русскихъ офицеровъ и подъ охраной нашихъ-же юнкеровъ, прибывшихъ въ Галлиполи раньше. Всѣ высадившіеся размѣшались подъ открытымъ небомъ среди узкихъ улицъ и развалинъ.

Военное генерала Алексѣева Училище, чтобы не разбрестись, помѣстилось на площади у старой Генуэзской башни и выслало квартирнеровъ для отысканія квартиръ. Начальникъ Училища сейчасъ-же отправился къ командиру 1-аго Арм. Корпуса генералу Кутепову для явки и для полученія дальнѣйшихъ распоряженій. Генераль Кутеповъ принялъ поздравленіе съ Георгіевскимъ праздникомъ и приказалъ поблагодарить юнкеровъ, которые помогали ему въ Галлиполи съ первыхъ-же дней прибытія.

Квартирный вопросъ былъ настолько тяжелымъ, что первую ночь пришлось провести подъ открытымъ небомъ, подъ дождемъ, среди сваленныхъ въ кучу вещей.

Только на слѣдующій день удалось кое-какъ устроить семь офицеровъ въ полуразрушенномъ домѣ, а еще черезъ день — отыскать пустой домъ-складъ, около самой пристани, для офицеровъ Училища и для юнкеровъ 3-ей и части 4-ой роты. Юнкера 1 и 2 роты размѣстились по всему городу: часть ихъ забралась во внутренность Генуэзской башни, другая часть попряталась въ пещерахъ у маяка, третья часть отыскала разрушенную мечеть и турецкую баню. Тяжелы были первые дни и ночи въ Галлиполи, но лозунгъ сплоченія, бодрости и вѣри въ свѣтлое будущее побороли всѣ невзгоды и всѣ Училище дружно взялось за тяжелую работу созданія хотя бы удовлетворительной обстановки для жизни въ Галлиполи!

1-аго Декабря въ Училищѣ былъ генераль Кутеповъ и еще разъ благодарилъ юнкеровъ за ихъ службу, а Начальникъ Училища собралъ всѣхъ юнкеровъ на площади и передъ образомъ Божьей Матери отслужилъ молебствіе. Послѣ молебствія и рѣчи Начальника Училища бодрящее и молодое „Ура“ за Россію огласило всю мѣстность около площади. Такъ началась жизнь Училища въ Галлиполи, вдали отъ Родины! . . . 4-аго Декабря генераль Кутеповъ собралъ къ себѣ всѣхъ четырехъ Начальниковъ Училищъ — Алексѣевского, Константиновскаго, Сергіевского и Корниловскаго; онъ сказалъ такъ: „Отъ Военныхъ Училищъ я жду примѣрной службы и этимъ онѣ должны мнѣ помочь въ настоящее тяжелое время. Нужны теперь не классныя занятія, которыя вести по мѣрѣ возможности, а образцовое несеніе карауловъ, дозорной службы. Я требую этого, требую жизнь, бодрость, даже веселую пѣснь, какъ это я уже видѣлъ на примѣрной службѣ взвода Алексѣевского Военнаго Училища.“ Конечно эти слова дали исчерпывающія указанія Начальникамъ Училищъ, какъ исполнѣть соответствующе данному моменту, моменту общаго упадка духа и, въ связи съ этимъ, упадка воинскаго порядка и дисциплины. Съ того дня и началась работа въ Училищахъ, которая была тяжелой благодаря отсутствію помѣщеній для сосредоточеннаго размѣщенія юнкеровъ. Къ тому-же самъ Командиръ Корпуса въ Декабрѣ сильно заболѣлъ и не могъ лично наладить квартирный вопросъ.

До середины Января Алексѣевское Военное Училище не было сосредоточено въ одномъ мѣстѣ и только, по выздоровленіи генерала Кутепова, удалось восполнить этотъ важный пробѣлъ и помѣстить юнкеровъ всего Училища въ каменныхъ домахъ-складахъ,

находящихся около самой пристани. И съ этихъ поръ Училище очутилось въ самъ центрѣ города Галлиполи, какъ-бы стоя на стражѣ всей Галлиполійской жизни . . .

Съ упорядоченіемъ квартирнаго вопроса, одновременно съ несеніемъ чисто низонной службъ, начались строевыя занятія, а затѣмъ — и классныя. Въ то время Училищѣ было до 400 юнкеровъ и до 15 солдатъ; составъ Училища былъ слѣдующій: Начальникъ Училища — генераль майоръ Курбатовъ, Адъютантъ — капитанъ Рослякъ, строевой составъ команд. бат. полковникъ Хаминъ, ком. 1 роты полковникъ Клоком. 2 роты капитанъ Ивановъ, ком. 3 роты подполк. Ивановъ, ком. 4 роты — полковникъ Бойко; младшіе офицеры — полковники Малафѣевъ и Де Голинда, подполковникъ Тимофѣевъ, капитаны Крушельницкій, Юрасовъ, Родзевичъ, Крыжановскій, Молле, штабсъ-капитаны Повомарченко, Долженковъ, Сабельниковъ, Димитріевъ, Поручикъ Долженковъ, Яковлевъ, Адлербергъ, Спасскій, Фонъ-Вахъ, Ильинскій. хозяйств. часть начальникъ хоз. части полковникъ Ардаматскій; квартирмейстеръ Тит. сов. Ганъ, зав. довольствіемъ — поручикъ Козаковъ, дѣлопр. по хоз. части чиновникъ Левакинъ, а оружіемъ чиновникъ Козырскій; классная часть — инспек. классовъ полковникъ Червскій, пом. инсп. классовъ полковникъ Фоминъ, Штатные преподаватели — генералы Л. бимовъ и Булюбашъ, полковники Толмачевъ и Добровольскій, офицеры ген.-штаба генералъ Буровъ, полковники Ласточкинъ и Чернышъ, прикомандированные — полковникъ Сокольскій, Левичскій и Ерченко; санитар. часть — ст. врачъ Шустовъ, мл. врачъ Чехоид, священникъ Іеромонахъ Аристоклій. Составъ этотъ въ 1921 году нѣсколько измѣнилъ: прибыли полковникъ Банташъ, препод. Манохинъ и убыли: полковникъ Де-Голинда, поручикъ Долженковъ.

Описание самой жизни Училища въ Галлиполи вошло въ Историческій Альбомъ Александровскаго Военнаго Училища, тутъ же, въ листкѣ „Александровецъ“ можно только отмѣтить выдающіяся событія, какими надо считать: праздникъ 2-ой годовщины восстановления Училища, пріѣздъ Главнокомандующаго генерала Врангель, 2ое производство офицеровъ, Училищный праздникъ съ переименованіемъ Училища въ Александровское Военное Училище и отъѣздъ Училища изъ Галлиполи въ Болгарію 15 Октября 1921 года.

Интересно также отмѣтить въ „Александровецѣ“ мнѣніе и впечатлѣнія лицъ побывавшихъ въ Галлиполи въ Училищѣ.

1. Изъ отчета генерала отъ инфантеріи Эккъ: общее впечатлѣніе отличное, духъ юнкеровъ и ихъ настроенія весьма бодрые, вѣрятъ въ своихъ начальниковъ, живутъ вѣрой восстановления Россіи*.

2. Слова генерала отъ кавалеріи Каульбарсъ: я счастливъ видѣть русское воинство, русскихъ юнкеровъ-молодцовъ, которые служатъ честно Россіи, какъ служили встаръ чудо-богатыри.*

3. Слова общественныхъ дѣятелей — г-на Карташева и г-на Кузьмина-Караваевъ: „мы отдохнули въ Галлиполи среди истинно русскихъ людей и русской славной молодежи“.

4. Слова епископа Веньямина: я вижу близость и сердечность училищнаго начальства къ юнкерамъ и обратно — юнкеровъ къ офицерамъ, — это даетъ красоту впечатленія отъ посѣщенія Училища; видно что на этомъ построено всё воспитаніе русской молодежи въ Училищѣ*.

5. Главнокомандующій генералъ Врангель, при посѣщеніи Галлиполи, обратился къ почетному караулу отъ Александровскаго Военнаго Училища со словами прівлѣт: „здравствуйте родные орлы“, а затѣмъ добавилъ, обращаясь къ Начальнику Училища: „я горжусь этими молодцами юнкерами, мнѣ радостно смотрѣть на нихъ!“

6. Командиръ окупационнаго французскаго корпуса генералъ Шарпи былъ поразительно бодрымъ видомъ юнкеровъ и выразился такъ: „отлично исправлены, бодро и гордо выглядятъ, не смотря на всё ими пережитое.“

7. Представитель американскаго международнаго Краснаго креста, Д-ръ Сильванъ сказалъ: „да — удивляюсь я русскому человѣку, который можетъ сохранить бодрость даже въ самое тяжёлое время; другіе бы на вашемъ мѣстѣ пали духомъ, а вы крѣпки не чужды даже веселью, пѣсни и не потеряли свое лицо — русскаго воина — всегда отличавшагося храбростью и выносливостью.“

8. Во время посѣщенія Училища ночью тѣми же американцами и англичанами было сказано такъ: „мы, американцы, поможемъ вамъ и не успокоимся до тѣхъ поръ пока вы не будете у себя на Родинѣ въ Россіи!“

Всѣ эти оцѣнки Училища очень характерны и вполне подтверждаютъ то, что молодцы Александровцы не посрамили своихъ старшихъ б, тѣвевъ, старыхъ Александровцевъ въ самыя тяжёлые дни жизни Россіи! . . .

А. Курбатовъ

№ 20. Александровское Военное Училище въ 1921 году.



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 20.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Августъ 1929 г.

Александровское генерала Алексѣева Военное Училище. Производство въ офицеры въ Галлиполи 29 Юня 1921 года.

(Воспоминаніе молодого Александровца)

„... Не сомнѣваюсь, что они окажутся образцовыми офицерами и приложатъ всѣ свои силы на восстановленіе будущей Россійской Арміи, освобожденной отъ краснаго ига Родины...“ Такъ заканчивается телеграмма главнокомандующаго, въ которой онъ поздравляетъ съ производствомъ въ офицера. Слова эти проникнуты искреннимъ чувствомъ любви къ Россіи и они, до глубины души, тронули каждого изъ насъ! Всѣ мы поминали и сознавали, что на насъ возлагается обязанность болѣе отвѣтственная и болѣе трудная, чѣмъ на юнкера, и что нашу службу ожидаетъ Родина, та далекая, истерзанная, съ которой мы связаны и къ которой каждую минуту летятъ наши мысли... Въ такую тяжелую годину мы одѣваемъ офицерскіе погонны, но и здѣсь духъ нашъ бодръ и здѣсь, въ захалуствомъ городишкѣ Галлиполи, молодой Александровецъ, честно и вѣрно исполняетъ долгъ свой передъ Родиной! Можно сказать, что всѣ традиции стараго Александровца были соблюдены постольку — поскольку это было возможно... Раюо утромъ въ этотъ знаменательный для насъ день каждый изъ насъ, насколько позволяли средства, опрятно одѣлся; выстроились в строиними рядами двинулись на парадъ. Въ послѣдній разъ мы находились въ строго юнкерами, вмѣстѣ съ остающимися еще въ Училищѣ Александровцами. На парадъ собрались всѣ Военныя Училища, а изъ лагеря прибыли наряды частей, такъ какъ этотъ праздникъ былъ не только нашъ, производимыхъ въ офицеры, но и обще-воинскій, день ангела нашего дорогого главнокомандующаго.

Послѣ торжественнаго молебствія Командиръ Корпуса Генераль Кутеповъ поздравлялъ съ праздникомъ всѣ части войскъ, послѣ чего провозгласилъ здравицу въ честь главнокомандующаго. Громкое русское „ура“ пронеслось по всему городу! Да, дѣйствительно это было русское „ура“, которое было, есть и будетъ...

Передъ этимъ „ура“ трепетали враги нашей Родины!...

Послѣ здравицы были вызваны впередъ всѣ производимые въ офицеры юнкера Военныхъ училищъ и начальникъ штаба генераль Штейфонъ прочелъ приказъ Главнокомандующаго о нашемъ производствѣ, а затѣмъ генераль Кутеповъ произнесъ рѣчь, въ которой поздравилъ насъ съ производствомъ и провозгласилъ „ура“ за молодыхъ офицеровъ. Здѣсь-же былъ розданъ каждому производимому приказъ о производствѣ и портреты главнокомандующаго съ его подписью. Подлинный текстъ приказа: „Галлиполи Генералу Кутепову. Поздравляю юнкеровъ Александровскаго генерала Алексѣева, генерала Корнилова Военныхъ училищъ и Сергѣевского артиллерійскаго училища съ производствомъ въ первый офицерскій чинъ. Зная доблестную службу ихъ въ тяжелую годину, не сомнѣваюсь, что они окажутся образцовыми офицерами и приложатъ всѣ свои силы на восстановление будущей Россійской Арміи, освобожденной отъ краснаго ига Родины.“

¹²/₂₉ Юня 1921 года. Яхта „Лукулъ“.

Генераль Врангель.

Послѣ церемоніальнаго марша всѣ части отправились домой; на площадкѣ училища нашъ Начальникъ Училища поздравилъ насъ съ производствомъ, а затѣмъ всѣ мы пошли въ свои помѣщенія переодѣться, т. е. снимать юнкерскіе и одѣвать офицерскіе погонны.

Въ день производства былъ обѣдъ, на который были приглашены генераль Кутеповъ, старый генераль Карцевъ, генераль Штейфонъ, командиры пѣхотныхъ полковъ — генералы Зенкевичъ, Пышня, Туркулъ и Скоблинъ, а также американскій майоръ Деви-сонъ. Этимъ было подчернуто то, что Александровцы проводятъ въ жизнь завѣтъ главнокомандующаго — „въ единеніи сила“. Въ 1 ч. 30 м. пріѣхалъ генераль Кутеповъ и

всѣ сѣли за столъ. Начальникъ училища, какъ хозяинъ, первымъ произнесъ рѣчь о создателѣ нашего училища генералѣ Алексѣевѣ, память о которомъ почтили вставаніемъ и пѣніемъ: „Алексѣева память святую

Хранятъ юнкера всѣ въ сердцахъ,

Спасемъ мы Россію родину

Иль ляжемъ въ кровавыхъ бояхъ!“

Послѣ этого сказалъ слово генералъ Кутеповъ, а за нимъ полились рѣчкой одна рѣчь за другой... Казалось обѣду не будетъ конца, но такъ какъ конецъ бывалъ всему, то и обѣдъ закончился около 5 ч. вечера. Генералу Кутепову устроили овацію, вынесли его на рукахъ до автомобиля, а начальниці Училища проводили съ музыкой его дома и, быстро подхвативъ на руки, внесли въ квартиру. Такъ кончился долго жданный день... Всю жизнь будетъ онъ намъ памятенъ и, Богъ дастъ, по возвращеніи в Родину, мы будемъ въ состояніи его отмѣтить!

Александровецъ выпуска 1921 Подпоручикъ Коваленко.

Училищный праздникъ 23 Апрѣля 1921 года въ Галлиполи.

23 Апрѣля 1921 года Училище праздновало свой Училищный праздникъ, праздникъ Александровцевъ. На этомъ праздникѣ были соединены слѣдующія торжества: пожалованіе серебряныхъ трубъ за Тамань, врученіе пожалованныхъ георгіевскихъ крестовъ и медалей, а также торжество переименованія училища въ Александровское Военное Училище.

Присутствовали на праздникѣ начальствующія лица съ генераломъ Кутеповымъ въ главѣ, старые Александровцы, которыхъ въ Галлиполи было до 500 человекъ, и иностранные гости.

Послѣ церковнаго парада состоялся обѣдъ въ Греческомъ клубѣ для всего училища и для всѣхъ гостей, а вечеромъ былъ концертъ и спектакль въ корпусномъ городскомъ театрѣ, построенномъ самими Александровцами ко дню своего праздника. Праздникъ прошелъ безъ „темныхъ мѣстъ“ и бѣлый Александровскій погонъ не былъ запаканъ никѣмъ... Александровцы показали этимъ, что праздникъ „не разгуль“, а скрупулезный и соединяющій элементъ, необходимый и генералу, и офицеру, и юнкеру и солдатъ.

Надо отмѣтить и о свершившемся въ Галлиполи фактѣ появленія Александровскіе погона съ вѣзземъ Государа Императора Александра II, послѣ котораго и другіе Военныя училища послѣдовали доброму примѣру Александровцевъ, помѣстивъ на своихъ погонахъ вензеля своихъ Шефовъ.

Меню обѣда 25 Апрѣля 1921 года.

- 1) Московскій Александровскій боршъ съ пирогомъ
- 2) Котлеты воспоминаніе о французскомъ пайкѣ.
- 3) Кофе со сладкимъ пирогомъ „à la Севастіашки“
- 4) Фрукты — турецкія и вино — греческое.

Порядокъ празднованія училищнаго праздника.

22 Апрѣля 1921 года (5 Маія), наканунѣ праздника, въ гарнизонной церкви въ 11 часовъ будетъ отслужена вечерня съ поминаніемъ о Державныхъ Основателѣхъ Училища Императорѣ Николаѣ I, о Державныхъ Шефахъ Императорахъ Александрѣ II, Александрѣ III, Николаѣ II, о наслѣдникѣ Цесаревичѣ Алексѣѣ Николаевичѣ, о генералѣ Алексѣевѣ и обо всѣхъ Александровцахъ убитыхъ и умершихъ съ 1830 г. по 1921 годъ.

23 Апрѣля (6 Май), въ день праздника, на футбольной площадѣ, послѣ литургіи въ 11 часовъ будетъ произведенъ церковный парадъ съ освященіемъ пожалованныхъ серебряныхъ трубъ. По встрѣчѣ Командира Корпуса генерала Кутепова, выходъ духовенства къ поставленному для молебствія аналою, при чемъ оркестръ играетъ „Коль-Славену“.

Сигналъ на молитву, слово Епископа Антонія и молебеніе съ чиномъ освященія трубъ. По окончаніи молебствія окрепленіе фронта святой водой и сигналъ „отбой“. Врученіе Епископомъ трубъ Командиру корпуса и передача ихъ Начальнику Училища, который передаетъ трубы колѣнопреклоненнымъ трубачамъ. Постановка трубачей на мѣсто впереди фронта баталіона съ отдачей чести баталіономъ. Обратное шествіе духовенства послѣ чего вызовъ награждаемыхъ георгіевскими крестами и медалями и раздача наградъ при чемъ, при обратномъ входженіи награждаемыхъ въ строй, баталіонъ отдаетъ честь Здравниці Командира корпуса. Церемониальный маршъ Александровской колонной и второе прохожденіе баталіона по отдѣленіямъ. Слѣдованіе домой. Переходъ приглашенныхъ лицъ въ помѣщеніе для обѣда. Сигналъ „на молитву“, молитва и обѣдъ съ юнкерами и солдатами училища. За обѣдомъ почтеніе памяти Шефовъ, здравнца за Россію, за главнокомандующаго; за Русскую Армію, за Командира Корпуса, за Александровцевъ и за всѣ части войскъ, находящіяся въ Галлиполи. По окончаніи обѣда — молитва по сигналу труба. Вечеромъ, въ 18 часовъ, концертъ, спектакль и танцы въ Корпусномъ театрѣ и въ Греческомъ клубѣ.

А. Курбатовъ.



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

21.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Сентябрь 1929 г.

ОСТАВЛЕНІЕ ГАЛЛИПОЛИ 15 НОЯБРЯ 1921 г.

1. Приѣздъ Главнокомандующаго въ Галлиполи.

Въ февралѣ 1921 года въ Галлиполи приѣзжалъ главнокомандующій генералъ Ангелъ. Правда — это былъ второй приѣздъ генерала Врангеля, но Декабрскій — первый приѣздъ не былъ обставленъ торжественностью, а во 2-ой — была соблюдена нѣко-кая парадность. Командиръ Корпуса генералъ Кутеповъ приказалъ выставить на приса-дѣ, противъ французскаго синегальскаго караула, нашъ почетный караулъ отъ Алек-сандровскаго Военнаго Училища съ хоромъ музыки Сергѣевского Артиллерійскаго Учи-ща. Не смотря на наше сравнительно убогое обмундированіе и снаряженіе, караулъ Керовъ былъ такой, что можно было любоваться имъ! Видно было, что русскаго сол-дата не затмишь ничѣмъ.... Чувствовали это и русскіе, и иностранцы, а послѣднихъ въ Галлиполи было достаточно много. Легко было стоять, въ ожиданіи Главнокоманду-ющаго, и начальству, которое тоже поминало, что караулъ Александровецъ „не ударитъ объ грязь“. Мощь, сила, красота и лихость сквозила во всемъ, а чисто русскій глѣтъ на привѣтствіе Главнокомандующаго — „здравія желаемъ Ваше Высокопревосхо-дительство“ прозвучалъ какъ-то особенно звонко и мощно на набережной и понесся по всему городу Галлиполи! Крѣпкая нога, отчетливый поворотъ головы въ сторону главно-командующаго и новый раскатъ громаго „радыстраться Ваше Высокопревосходительство“ довали одно за другимъ при прохожденіи караула церемоніальнымъ маршемъ!...

Послѣ этого приѣзда Главнокомандующаго въ Галлиполи стали ходить слухи о возможномъ переѣздѣ Арміи въ Славянскія Государства.

2. Весной 1921 года въ Галлиполи.

13 Марта 1921 года французы объявили о прекращеніи питанія русскимъ въ Галлиполи, о непризнаніи Русской Арміи и о желательности ея распяленія. Проще гово-ря — было предложено не слушаться своихъ начальниковъ и разъѣзжаться „по всему миру“, при чемъ рекомендовался переѣздъ въ Бразилію и даже въ Совѣтскую Россію (С.С.Р.). На эту „Уточку“, — иначе нельзя было назвать это предложеніе, — Александровцы сиривали твердо т. е. никто не пошелъ записываться въ списокъ отъѣзжающихъ. Одновременно произошелъ слѣдующій кутьѣзъ: французскія объявленія о распяленіи были клеены по городу и часть ихъ была выкрадена юнкерами — Александровцами, не смотря на охрану черными часовыми; взамѣнъ объявленій была помѣщена юнкерами на самомъ центромъ мѣстѣ города слѣдующая надпись: „мы, русскіе, будемъ повиноваться только главнокомандующему и своему начальству“; черные часовые, не замѣтивъ под-линныя объявленія, ревностно оберегали эту надпись, которую читали и офицеры, и сол-даты, прибывающіе нинъ лагеря въ городъ. И только смѣхъ русскыхъ, стоящихъ передъ писью, обратилъ вниманіе французовъ на текстъ надписи; французы закрыли платкомъ надпись и даже сняли объявленія въ городѣ. Но было уже поздно, такъ какъ дѣло было улажено и вышедшій вечеромъ приказъ по корпусу былъ встрѣченъ очень сочувственно нами русскимъ и въ городѣ, и въ лагерѣ. Жаль, что фамиліи юнкеровъ, сдѣлавшихъ такое малое, но важное по послѣдствіямъ дѣло — остались невьясненными.... Всѣ проис-шедшее ясно говорило, что близится время разставанія съ Галлиполи!...

3. Послѣдніе дни пребыванія въ Галлиполи.

Послѣ торжественнаго открытія памятника на кладбищѣ въ Галлиполи, послѣ еще красиваго конца всего „Галлиполійскаго сиднія“, начался переѣздъ Русской Арміи въ Сербію и Болгарію. Передъ отъѣздомъ изъ Галлиполи Александровскаго Военнаго

Училища, въ послѣднемъ произошла крупная перемѣна: ушелъ Начальникъ Училища генераль-маіоръ Курбатовъ, вмѣсто котораго вступилъ въ эту должность Генеральнаго-Штаба Генераль-Маіоръ Буровъ. Произошло это благодаря болѣзненному явленію, какимъ надо считать уходъ на работы къ англичанамъ нѣсколькихъ юнкеровъ Училища; хотя эти юнкера скоро и вернулись, по дознаніе установило массовой сговоръ и самовольный уходъ на работы изъ Училища Согласно приказу по 1-ому Армейскому корпусу за № 304 отъ 28 Октября 1921 года, слача и пріемъ Александровскаго училища состоялся 1-аго Ноября на футбольной площадкѣ въ городѣ Галлиполи. Какъ при самой сдачѣ, такъ и во всемъ дальнѣйшемъ, ясно сказалось, что весь составъ Училища, и офицеры, и юнкера, и солдаты, съ тяжелымъ чувствомъ разставались со своимъ Начальникомъ и человѣкомъ, который почти три года неустанно работалъ на благо родного училища, Русской Арміи а значитъ — и Россіи! . .

Послѣ этой перемѣны въ училищѣ, Александровцы не долго оставались въ Галлиполи и уже 14 Ноября 1921 года грузились на пароходъ „Акѣ-Денись“ для переѣзда въ Болгарію. Это былъ 3 Эшелонъ, отправляемый изъ Галлиполи, такъ какъ раньше отбыли въ Сербію двумя ашелонами кавалерійскія части съ Николаевскимъ Кавалерійскимъ Училищемъ. 15 Ноября, рано утромъ, было отслужено напутственное молебствіе, послѣ котораго началась посадка съ пристани, построенной французами у площади Комендантскаго Управленія. Съ Александровцами грузились — Корниловское Военное Училище и части Гвардейскаго отряда. Послѣ погрузки груза, погрузились юнкера съ офицерами при чемъ маленькій пароходъ и нѣсколько шаландъ перевозили на пароходъ „Акѣ-Денись“ партію за партіей.

Въ 4 часа дня погрузка была закончена и генераль Кутеповъ объѣзжалъ на лодкѣ пароходъ, прощаясь съ отъѣзжающими. Въ 6 часовъ вечера „Акѣ Денись“ снялся съ якоря и двинулся въ путь, держа курсъ на Константинополь Крики „ура“ юнкеровъ были еще долго слышны въ уже засыпающемъ городѣ Галлиполи.

Такъ кончилось годичное сидѣніе Александровцевъ въ Галлиполи! . . .

Ѣхало Училище теперь не такъ, какъ было при двухъ эвакуаціяхъ — изъ Новороссійска и изъ Крыма: и размѣщеніе на пароходѣ, и довольствіе было организовано значительно ранѣе, при чемъ семья и часть офицеровъ Училища ѣхали даже въ каютахъ. 16-аго Ноября-утромъ „Акѣ-Денись“ былъ уже въ Константинополь, гдѣ на пароходъ пріѣзжалъ Главнокомандующій генераль Врангель, который обходилъ ряды юнкеровъ, построенныхъ на полубѣ, и благодарилъ за службу, а также информировалъ начальство о новѣхъ мѣстахъ стоянокъ.

Въ тотъ же день вечеромъ „Акѣ Денись“ двинулся далѣе въ Черное Море, направляясь въ болгарскій портовый городъ Варну. 17-аго Ноября Александровцы были уже въ Варнѣ, гдѣ были встрѣчены представителемъ русской Варненской колоніи генераломъ Смердовымъ — старимъ Александровцемъ. Послѣ выполнения карантинныхъ формальностей было приступлено къ разгрузкѣ парохода. Въ Варнѣ пришлось прожить болѣе недѣли при чемъ юнкера размѣстились въ старой крѣпости въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города слѣдованіе туда, благодаря снѣжной бури, останется памятнымъ „кочевникамъ“. Не смотря на всѣ неудобства. Александровцы устроили концертъ въ самомъ городѣ, а также пѣли за обѣдней въ Варненской Николаевской церкви.

Въ началѣ Декабря Александровцы переѣхали по желѣзной дорогѣ въ г. Ямболъ, гдѣ и размѣстились вмѣстѣ съ Атаманскимъ Военнымъ Училищемъ въ войсковыхъ казармахъ — на берегу рѣки Тунджи, впадающей въ рѣку Марицу.

А. Курбатовъ.

№ 22 Октябрь. Александровское Военное Училище въ Болгаріи.



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 22.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Октябрь 1929 г.

Александровское Военное Училище въ Болгаріи.

Съ 9 Декабря 1921 года до 29 Юня 1923 года, т. е. до конца своей учебно-воспитательной дѣятельности, Александровское Военное Училище находилось въ Болгаріи—сначала въ г. Ямболъ, а затѣмъ въ г. Свищовѣ на Дунаѣ (Ситово). Въ Ямболѣ Училище размѣщалось широко и даже семья офицеровъ имѣли или отдѣльныя комнаты, или кабинки, сдѣланныя изъ камышевыхъ матовъ. Въ то время въ Училищѣ было три роты: бывшая 3-я, 4-я, 5-я; кромѣ того отдѣльную группу составляли юнкера „дополнети“, проходившіе общеобразовательныя науки и ждавшіе производства въ офицеры съ отпра-вленіемъ по частямъ. На оборудованіе помѣщений были отпущены деньги, при чемъ каждый юнкеръ получилъ досчатую кровать, что было уже большимъ „комфортомъ“.

Весь Декабрь прошелъ въ устройствѣ помѣщений и только съ новаго—1922 года начались занятія по программѣ Военныхъ Училищъ; кромѣ того наладилось и преподаваніе Обще-образовательныхъ предметовъ для юнкеровъ неокончившихъ средне-учебныхъ еavedеній. Всѣ программы были отлично разработаны инспекторомъ классовъ Полковникомъ Чернявскимъ, что дало возможность пополнить свои знанія русской учащейся молодежи.

Съ болгарами установились очень хорошія отношенія, а съ 4-мъ Запасн. болгарскимъ кавалерійскимъ полкомъ и съ Атаманскимъ Военнымъ Училищемъ установилась искренняя дружба. 31 Января 1922 года, день 3-ей годовщины возсозданія училища, было торжественно отпраздновано; парадъ принималъ бывший Александровецъ генералъ Жновъ (вып. 1986 года), а присутствовалъ на немъ бывший Начальникъ Училища генералъ Курбатовъ. Послѣдній могъ убѣдиться въ томъ, что Александровцы всё также дружно держатъ другъ-друга и твердо помнятъ о своей Родинѣ-Россіи. Послѣ молебствія и парада состоялся общій обѣдъ въ украинскомъ помѣщеніи казармъ. Вечеромъ состоялся концертъ и танцы въ уютномъ Болгарскомъ Офицерскомъ Собраніи. На слѣдующій день Александровцы чествовали ужиномъ бывшаго Начальника Училища и поднесли ему очень ешлый адресъ, свидѣтельствующій о дружной работѣ Александровцевъ въ послѣдніе три года. 5-аго Февраля Училище посѣтилъ Командиръ Корпуса генералъ Кутеповъ. Съ самымъ строевой смотръ, такъ и обходъ помѣщій Училища, сошли хорошо. Это былъ послѣдній смотръ, на которомъ юнкера были съ винтовками, такъ какъ вскорѣ было приказано спрятать оружіе въ ящики. То было время постепеннаго уничтоженія всей чисто оенной организациі Русской Арміи въ Болгаріи. Съ болью въ сердцахъ перенесли и эту невзгуду, Александровцы, покорившись требованіямъ властей.

10 Марта Училище было перемѣщено въ г. Свищовѣ (Ситово) на Дунай. Трo-ательно было прощаніе съ Атаманцами, которые остались въ Ямболѣ; послѣдніе поднес-ли Александровцамъ братину. Прибывъ 12 Марта въ Свищовъ, Училище въ 9-ый разъ за три года принялось за оборудованіе помѣщій въ мѣстныхъ казармахъ. Самое раз-мѣщеніе юнкеровъ было уже болѣе тѣснымъ, но это не помѣшало продолжать прерван-ныя занятія. И тутъ, въ Свищовѣ, у Александровцевъ установились отличныя отно-шенія съ болгарами и съ болгарскими воинскими частями. 23 ой Апрѣля, въ день Учи-щнаго праздника, въ Свищовѣ приѣзжалъ Командиръ Корпуса генералъ Кутеповъ съ своимъ Начальникомъ Штаба генераломъ Штейфонъ, бывшимъ преподавателемъ А. В. У. въ Москвѣ; также на праздникъ былъ и бывший Начальникъ Училища.

Въ хорошемъ помѣщеніи городского театра состоялся концертъ, спектакль и танцы, которые прошли отлично благодаря радушію Александровцевъ и распорядитель-ности Начальника Училища генерала Бурова.

24 Мая состоялось производство юнкеровъ 3 и 4 роты; это было 4-ое произ-

водство въ Русской Арміи, послѣ котораго въ Училищѣ осталось только 150 юнкеровъ бывшей 5-ой роты. Самое производство прошло тихо и скромно благодаря высылкѣ въ Болгарію начальствующихъ лицъ Русской Арміи: вмѣсто уѣхавшаго Генерала Кутепова Корпусъ принялъ генераль Витковскій, а вмѣсто начальника Училища генерала Бурова вступилъ въ эту должность помощникъ инспектора классовъ Полковникъ Фоминовъ. Послѣ этого производства училище перенеслось въ другое помѣщеніе — въ старыя турецкія казармы, расположенныя въ центрѣ города; тамъ былъ и Корниловскій Артиллерійскій Дивизионъ, съ которымъ быстро наладились отличныя отношенія. Въ этихъ полу-развалинахъ Училище встрѣтило новый 1923 годъ, а также праздновало 4-ую годовщину во создания училища.

Въ дальнѣйшемъ — послѣдовало улучшеніе отношеній Болгарскихъ властей Русской Арміи, но за-то ухудшилось матеріальное благополучіе Арміи; пришлось прибѣгнуть къ организациі „волннхъ работъ“, на которыя отпустить и офицеровъ, и юнкеровъ и солдатъ. Въ Военныхъ Училищахъ было приказано закончить всѣ занятія къ 1-ому 29 ому Іюня и произвести послѣднихъ юнкеровъ въ офицеры, оставивъ ихъ въ прикомандированіи къ Училищу и отпустить на работы. Усиленные классныя занятія шли послѣднихъ дней функціонированія училища; среди этихъ занятій были отпразднованы пятилѣтіе возсозданія Училища и Училищный праздникъ 23 Апрѣля. Снова Училище гостилъ бывшій начальникъ его прѣхавшій съ рѣки Марицы на рѣку Дунайъ. 93 ая годовщина А. В. У. была отпразднована только молитвой въ храмѣ — безъ обычнаго парада; во время обѣда впервые, послѣ шестилѣтняго забвенія, былъ единодушно пропѣтъ русскій національный гимнь. Обычнаго концерта не было, а былъ танцевальный вечеръ въ городскомъ курзалѣ, на которомъ Александровцы веселились въ кругу русскихъ и болгарскихъ гостей.

Послѣ Училищнаго праздника занятія продолжались до 1-го Іюня, когда было производство юнкеровъ старшаго класса; 29 аго Іюня, было послѣднее производство юнкеровъ: это были 5 и 6 выпуски въ офицеры изъ училища.

Оба послѣдніе выпуска остались числиться въ Училищѣ, но были отпущены на работы, съ условіемъ, что по первому призыву всѣ должны встать въ ряды Русской Арміи. Послѣ этихъ выпусковъ въ училищѣ осталась только „ячейка“ Александровцевъ, въ которой были: Начальникъ училища и девять человекъ изъ начальствующихъ лицъ. Цѣль этой ячейки было сохраненіе „базы“ или гнѣзда, куда бы могли возвращаться большіе Александровцы. Къ 23 Апрѣля 1924 года вернулся въ Училище Начальникъ его генералъ Буровъ. Приблизительно въ это-же время случилось важное и отрадное событіе — во главленіе Русской Арміи Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ. Далѣе послѣдовало сокращеніе „ячейки“ до пяти человекъ. Ввиду того, что въ Свищовѣ трудно бы отыскать какуюлибо работу, большинство Александровцевъ уѣхало изъ этого города. Въ Софій, на Перникѣ, въ Русе, Никополѣ собрались цѣлыя группы Александровцевъ. Частіи бывшихъ юнкеровъ уѣхала продолжать свое образованіе въ Чехо-Словакію и въ другія государства Европы. Нѣкоторые изъ Александровцевъ поступили въ Русскія гимназіи Болгаріи, чтобы получить аттестаты зрѣлости. Къ началу 1925 году послѣ Свищова не осталось изъ Александровцевъ почти никого. Въ дальнѣйшемъ послѣдовало сокращеніе „ячейки“ до трехъ человекъ — Начальникъ Училища, Завѣдующій Хозяйствомъ и Адъютантъ. Еще далѣе — послѣдовало совершенное уничтоженіе „ячейки“, съ оставленіемъ только главы училища — его Начальника. Въ концѣ Апрѣля 1925 года состоялся переѣздъ Начальника Училища генерала Бурова съ группой Александровцевъ во Францію въ г. Кнѣтанжъ. Тамъ вся эта группа Александровцевъ, съ Начальникомъ училища, послушала заводы въ качествѣ простыхъ рабочихъ.

Въ Болгаріи центромъ Александровцевъ сталъ Перникъ со своими каменноугольными минами; во главѣ Перниковской группы сталъ генераль Любимовъ, который остался старшимъ Александровцемъ во всей Болгаріи. Въ Парижѣ и въ Софій образовали довольно большія группы Александровцевъ, но большинство ихъ разсѣялось по всему міру. Въ то же время появились въ разныхъ государствахъ Европы „объединенія“ старшихъ молодыхъ Александровцевъ. Цѣль всѣхъ этихъ группъ и объединеній — общая работа для воскрешенія и возсозданія Родины. Россіи... Къ этой-же цѣли стремится и листокъ „Александровцевъ“ воть-уже 3-ій годъ!..

А. Курбатовъ.

23. Обзоръ „Александровца“ за 1928 и 1929 годъ.



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 23.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Ноябрь 1929 г.

Стихотвореніе Александровца выпуска 1890 года. : 23 Апріля 1926 года въ Парижѣ.

Пусть Александровцевъ семья
Сошлась у огонька чужого,
Но вѣрьте, милые друзья,
Что дома встрѣтимся мы снова!

Орлы всѣхъ славныхъ армій бѣлыхъ
Съ Любовью чтутъ въ своихъ рядахъ
Васъ, юнкеровъ прямыхъ и смѣлыхъ,
Не знающихъ, что значить страхъ.

Пускай въ училище родное
Забрался нынѣ „красный иксъ“,
Оно возстанетъ, какъ фениксъ,
Когда минуетъ время злое...

Покой усопшимъ юнкерамъ,
Почетъ на полѣ брани павшимъ,
Привѣтъ живыхъ живымъ друзьямъ,
Отечеству не измѣнявшимъ.

Погонь нашъ бѣлый, вензель красный
И золотые голуны, —
Гсрдятся ими не напрасно
Твои, училище, сыны

За стѣны бѣлыми пьемъ,
На Знаменкѣ родного зданья,
За службу и проказы въ немъ,
За молодья упованья!

Прочти всѣ книги боевыя
И всѣ архивы перерой,
Повсюду имена родныя,
Всякъ Александровецъ герой!

Пусть Александровцевъ семья
Сошлась средь племени чужого,
Но вѣрьте, добрые друзья,
Въ Москвѣ увидимся мы снова!

Кому не памятна пора,
Когда въ Москвѣ съ большевиками
И днемъ, и ночью дрались львами
И гибли наши юнкера.

(Послѣ каждаго стихка припѣвъ: „наливай, братъ, надивай...“)

А. Купринъ.

Отзывъ объ „Александровецѣ“ генерала Абрамова, Александровца выпуска 1889 года.

„Память о родномъ училищѣ никогда не изгладится въ сердцахъ его питомцевъ, и нынѣ остается только искренно благодарить Васъ за издание „Александровца“, связующаго старыхъ и молодыхъ Александровцевъ въ одномъ святомъ чувствѣ — любви къ Родинѣ и къ Именси славнаго нашего Александровскаго Военнаго училища“.

Ф. Абрамовъ.

Обзоръ листка „Александровецъ“ за 1928 и 1929 года.

1929 годъ приближается къ своему концу и незамѣтно подкрадывается 1930 годъ, годъ Столѣтія Александровскаго Военнаго училища... Въ предверіи наступающаго года хотѣлось-бы сдѣлать сводку того, что на страницахъ листка „Александровецъ“ проводилось для достиженія цѣли объединенія старыхъ и молодыхъ Александровцевъ, 12 номеровъ, вышедшихъ въ 1928 году. намъ говорили о старомъ Александровскомъ Военномъ Училищѣ, въ бытность его на Знаменкѣ въ Бѣлокаменной-Москвѣ. На сколько позволялъ размѣръ самаго листка, въ этихъ двѣнадцати нумерахъ была кратко воспроизведена жизнь родного училища съ его основанія до конца 1918 года. Славныя страницы прошлаго училища, картины выдающихся эпизодовъ изъ его жизни всгавали одна за другой на столб-

цахъ „Александровца“: онѣ будили у Александровцевъ воспоминанія о давно прошедшемъ и хорошемъ прошломъ... А прошлое было дѣйствительно хорошимъ и Александровцы достойнымъ образомъ оплатили дорогому имъ училищу, сдѣлавшись честными и полезными членами Государства Россійскаго. Изъ нихъ вышло не малое число доблестныхъ героевъ войны и честныхъ труженниковъ мира. Невольно напрашивается пожеланіе, чтобы и будущее Александровскаго Военнаго училища не уступало его славному прошедшему, чтобы изъ него всегдъ выходили войны, въ полномъ смыслѣ слова не щадящіе жизни своего до послѣдней капли крови и славящіеся своею честностью, готовою на всякія жертвы и правдивостью, ничѣмъ непоступающею ради личныхъ интересовъ! (изъ слова Законоучителя училища протоіерея Добронравова, произнесеннаго и въ день пятидесятилѣтія училища).

10 послѣдующихъ нумеровъ, вышедшихъ въ 1929 году, намъ говорили о возсзданіи родногo Училища въ концѣ 1918 года, о его тяжелой жизни въ періодъ Русскаго Нихолѣтія до настоящихъ дней. И въ этихъ нумерахъ картины изъ недавно пережитаго училищемъ прошлаго одна за другой вставали передъ нами...

Невольно хочется задать вопросъ: уронили-ли молодые Александровцы честь и славу стараго Александровскаго Военнаго училища? Сами факты изъ жизни молодыхъ Александровцевъ, за періодъ времени съ возсзданія училища до нашихъ дней, говорятъ намъ, что молодое Александровское Военное училище не пострадало старихъ Александровцевъ. На празднованіи пятидесятилѣтняго юбилея училища Пресвященный Трифонъ благословилъ училище иконою Св. Николая и пожелалъ, чтобы Великій Чудотворецъ былъ всегдашнимъ его защитникомъ, помогающъ какъ начальствующимъ, такъ и учащимся въ училищѣ лицамъ. Пресвященный остановился на нѣкоторыхъ фактахъ изъ жизни Св. Николая, изобразивъ Его, какъ мужественнаго безбоязненнаго защитника вѣры, и какъ человѣка преисполненнаго побѣждать даже стихію и злобу человѣческую!

Это благословеніе видимо было и на молодомъ возсзданномъ Александровскомъ Военномъ училищѣ... А его руководители и питомцы, слѣдуя примѣру ихъ дѣдовъ, отцовъ, глубоко хранили въ своихъ сердцахъ и свято блюли завѣты честной службы, вѣрою и правдою, любя дорогую Родину!.. Двѣ серебряныя трубы съ Николаевскими лестами, полученныя училищемъ, свидѣлствуютъ о славныхъ страницахъ жизни Александровскаго Военнаго училища въ послѣднее время!..

Переходя въ область предстоящаго впереди, хотѣлось-бы дополнить листокъ „Александровецъ“ еще нѣсколькими нумерами, изъ которыхъ и старыя и молодыя Александровцы могли-бы почерпнуть свѣдѣнія объ исторіи самаго зданія Александровскаго Военнаго училища, находящагося въ Москвѣ на Знаменкѣ, а также могли бы познакомиться съ тѣмъ, какъ праздновался, пятидесятилѣтній юбилей Александровскаго Военнаго училища 6 Декабря 1901 года.

Любезно представленная для этой цѣли старымъ Александровцемъ Генераломъ Смердовымъ книжка — „Педагогическій Сборникъ“ Гл. Упр. Военно Учебныхъ Заведеній за Январь 1902 года — можетъ на страницахъ листка „Александровецъ“ дать картину торжества, происходившаго въ училищѣ въ 1901 году.

Нужно добавить, что этотъ юбилей былъ, собственно говоря, Александровскаго Военнаго Училища, основаннаго въ 1863 году, и Александринскаго Сиротскаго Корпуса, основаннаго 6 Декабря 1851 года. Старшинство училища съ 1830 года и утверждение Высочайшимъ приказомъ нагруднаго знака училища, съ датами „1830, 1851, 1863“, было уже въ Царствованіи Императора Николая II, какъ это сказано въ листкѣ № № 1 и 7. До этого утвержденія нагруднаго знака у Александровцевъ былъ только жетонъ, носимый на цѣпочкѣ, изображавшій два перекрашенныхъ знамени — Александровскаго и Александринскаго съ соотвѣствующими датами — 1851, 1863*.

Вступая въ 3ій годъ изданія листка „Александровецъ“, можно опредѣленно сказать, что цѣль изданія остается та-же, и что въ 1930 году будетъ печататься имѣющийся въ достаточномъ количествѣ матеріалъ по исторіи Александровскаго Военнаго училища.

Параллельно съ выпускомъ листка „Александровецъ“, былъ составленъ „Историческій Альбомъ А. В. У.“, съ нѣсколькими сотнями фотографій, рисунковъ и пр., относящихся къ жизни училища. Альбомъ этотъ продолжаетъ пополняться и въ настоящее время; онъ находится у редактора листка „Александровецъ“ (Варна, Бульваръ Фердинандъ, № 23).

А. Курбатовъ.

№ 24. Историческое прошлое зданія А. В. У.



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 24.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Декабрь 1929 г.

Историческое прошлое зданія А. В. У.

Въ Москвѣ на Знаменкѣ, близъ Арбатскихъ вѳрѳтъ, находится зданіе Александровскаго Военнаго Училища. Историческое прошлое его — бывшій въѳкремлевскій дворець Цара Іоанна Грознаго. Въ этотъ дворець удалялся царь въ дни опрични и въ періодъ своего раскаянія по содѣянному имъ.

Далѣе, когда Москва разрослась, когда уже не было бѳра (лѣса) за Боровицкими вѳрѳтами, и обнажилась рѣка Неглинка, протекавшая тамъ, гдѣ теперь разбитъ Александровскій скверъ, этотъ дворець сталъ принадлежать графу Апраксину. Помѣщаемый ниже разказъ относится къ этому послѣднему періоду и можетъ служить нѣкоторымъ указаніемъ для историческаго прошлаго зданія Александровскаго Военнаго Училища

Изъ святочнаго разказа П. Симанскаго бывшаго преподавателя
А. В. У. въ 1898 году.

Я служилъ тогда въ Москвѣ въ Александровскомъ Военномъ Училищѣ... Однажды, на Рождествѣ, придя въ дежурную комнату училища, я узналъ отъ офицеровъ, что рота, помѣщеніе когорой выходитъ окнами на Знаменскій переулокъ, какъ разъ противъ имѣющейся здѣсь церкви, очень встревожена бывшимъ ночью появленіемъ таинственнаго призрака. За столомъ, стоящимъ не въ рѳтнѳй спальнѣ, а въ примыкавшей къ ней довольно большой комнатѣ, гдѣ производились нѣкоторыя изъ строевыхъ занятій и по вечерамъ сходились для бесѣды и чтенія юнкера, сидѣлъ углубившійся въ чтеніе переводнаго романа Золя дневальный этой роты. Изъ сосѣдней спальни доносился легкій храпъ уже уснувшихъ товарищей; вправо отъ сидѣвшаго темнѣлся узкій корридоръ, шедшій въ классъ; стоящая на столѣ небольшая керосиновая лампочка плохо освѣщала комнату и углы послѣдней тонули въ непроницаемомъ мракѣ; въ вѣзановѣшанная ничѣмъ окна смотрѣла мрачная, тихая, тоже заснувшая улица. Около 12 часовъ ночи, дневальный отодвинулъ отъ себя полуразорванную книжку, потянулся, хотѣлъ зѣвнуть и застылъ въ нѣмомъ ужасѣ: изъ простѣнка, выходившаго въ переулокъ, показалась фигура какого-то, небольшого роста, старика и неслышною походкой, не торопясь, обходя столъ, за которымъ сидѣлъ читавшій направилась въ классный корридоръ. Совсѣмъ оцѣпенѣвшій отъ страха юнкеръ не могъ ни крикнуть, ни шевельнуться и, весь сотрясаясь холодкомъ, пробѣгавшимъ по тѣлу, не отдавая себѣ отчета, спитъ онъ самъ или нѣтъ, слѣдилъ, какъ таинственный старикъ съ выцвѣтшими глазами, со строгимъ лицомъ и въ невиданномъ имъ, юнкеромъ, костюмѣ, тихо, не торопясь, проходилъ мимо. Только когда онъ исчезъ пѣ корридорѣ и изъ царившей тамъ тѣмы послѣдній разъ мелькнули бѣлая складки его одѣянія, юнкеръ опомнился и бросился къ дежурному юнкеру. Шумный разговоръ, поднятый ими, разбудилъ еще нѣсколькихъ юношей, и всѣ они, еле проснувшіеся отчасти напуганные, отчасти заинтересованные, но всѣ ни на минуту неусумнившіеся въ происшедшемъ, дрожа отъ ночного холода или отъ невольнаго страха, подъ наброшенными на себя одѣялами, тѣснымъ кружкомъ сошлись у того же стола и лампы, выйдя обратнаго ухода таинственнаго посѣтителя. Старикъ обануль ихъ и назадъ не вернулся.

На слѣдующій день, ночная тревога стала извѣстна ротнымъ офицерамъ, и они отнеслись настолько недоверчиво ко всему имъ разказанному, что это недоверіе общность и почти всей ротѣ. Днемъ еще кое-какіе разговоры о случившемся происходили. Но къ вечеру, подъ влияніемъ нинихъ впечатлѣній дня, всѣ было забыто, и только очерденный дневальный на эту ночь таилъ въ себѣ смутную тревогу и уговорилъ товарища по

ночному дежурствѣ, сидѣть около него хотя-бы до 12 часовъ ночи. Какъ разъ за пять минутъ до, обычного часа, когда по общему правилу любуя появляться привидѣній, къ свѣду дневальному подошелъ и не спавшій на этотъ разъ дежурный: всѣ втроемъ уже безъ книгъ, изрѣдко шепотомъ обмѣниваясь малозначущими фразами, устѣми знакомыхъ людей, но почему-то никто не рѣшался съѣсть съ той стороны, мимо которой едва незадолго до, долженъ былъ пройти незнакомецъ, чтобы вступить въ корридоръ. Тамъ Померѣвъ приближенія рокового часа нервы разыгрались, внимание обострилось, знакомый холодокъ пробѣжалъ по тѣту, мертвая тишина вокругъ дѣйствовала особенно удручающе. Хотѣлось не трусить и въ то-же время какой-то неясный страхъ закрадывался въ душу. Ровно въ 12 часовъ изъ того-же простѣнка показался тотъ-же старикъ. На этотъ разъ, увидя юнкеровъ, онъ на минуту приостановился, посмотрѣлъ на нихъ своими озябыми глазами, видимо что-то соображая, и пошелъ, какъ то особенно торопясь и промѣкнувъ въ корридоръ. Дежурный не растерялся, вскочилъ и бросился за нимъ. Но въ корридорѣ никого не было...

Сдѣланный на слѣдующій день самимъ дежурнымъ докладъ уже былъ встрѣченъ офицерами роты съ большимъ вниманіемъ, и въ сущности ему повѣрили, но было вѣстно сознаться въ этомъ. Тѣмъ не мѣнѣе разговоры въ дежурной комнатѣ Училища начались, и въ нихъ постепенно начали принимать участіе и другія лица, и офицеры, случайно оказавшіеся здѣсь преподаватели. Какъ разъ въ разгаръ этихъ разговоровъ подошелъ и я. И вѣдь какіе странные люди! говорилъ про юнкеровъ въ эту минуту адъютантъ училища В. Н. Соколовъ, желавшій, по видимому, показать, что онъ уже переросъ то время, когда еще вѣрятъ въ возможность привидѣній, — „утверждаютъ, что старикъ вышелъ изъ простѣнка; ну могъ-бы выйти изъ окна, изъ какой нибудь двери, и вдругъ изъ уличнаго простѣнка! А вы знаете, что было прежде въ этомъ простѣнкѣ? спросилъ я. Нѣтъ, не знаю!.. Такъ я вамъ долженъ сказать, что въ 20 годахъ XIX столѣтія, когда домъ училища еще принадлежалъ извѣстному по всей Москвѣ графу Апраксину, въ простѣнкѣ на томъ самомъ мѣстѣ, откуда выходилъ въ эти двѣ ночи старикъ, была дверь выходящая на крытую галерею, соединяющую домъ съ церковью св. Знаменія. Впоследствии, со смертью графа и съ переходомъ его дома въ инныя руки, галерея была уничтожена, а дверь задѣлана. Присутствующіе насторожились. — Такъ что же? — обратился одинъ изъ нихъ ко мнѣ, — вы какъ будто вѣрите, что дѣйствительно всё это правда? „Да — вѣрю“, отвѣтилъ я, — „но почему вѣрю я скажу потомъ, а теперь поясню только то, что я знаю кто былъ этотъ напугавшій юнкеровъ старикъ“. Разказалъ имъ, что у графа былъ товарищъ по извѣстному въ Москвѣ и до сихъ поръ незабытому Архаровскому полку, оставшемуся у всѣхъ въ памяти по именованію „архаровецъ“, которымъ обозначаютъ въ наши дни грубаго и невоспитаннаго офицера; товарищъ дожилъ до преклоннаго возраста и былъ связанъ съ Апраксинамъ своею тѣсною, неразрывною дружбою. Оба друга поклялись, что тотъ изъ нихъ, кто умретъ раньше, долженъ непременно заранѣе предупредить оставшагося въ живыхъ, когда для послѣдняго наступитъ смертный часъ. Товарищъ Апраксина умеръ раньше и его отпѣвали въ церкви св. Знаменія, бывшей домовою церковью графа. Прошло много лѣтъ, вотъ однажды, когда графъ занималъ усебя въ кабинетѣ, въ одномъ изъ внешнихъ классовъ, выходившемъ въ корридоръ, изъ двери галереи, соединявшей церковь съ домомъ, какъ разъ оттуда, гдѣ теперь простѣнокъ, вышелъ его старый товарищъ и, торопясь, прошелъ къ графу въ его кабинетъ предупредить своего друга о близкой кончинѣ. О чемъ они говорили, намъ неизвѣстно, но извѣстно одно, что сейчасъ-же послѣ его ухода Апраксинъ началъ дѣлать всѣ предсмертныя распоряженія, приобщился св. Таинствъ, конечно всѣхъ близкихъ и знакомыхъ, но аккуратно скончался въ тотъ самый день, о которомъ ему, по его же словамъ, сообщилъ посѣтившій пріятель „Какъ и вамъ господа!“ заключилъ я свой разказъ, выслушанный всѣми съ рѣдкимъ вниманіемъ, — „такъ и юнкерамъ, это событіе осталось совершенно неизвѣстнымъ, а между тѣмъ, бышіе на дѣлѣ юнкера вѣдь опредѣленно указываютъ на то, что старикъ вышелъ изъ простѣнка, гдѣ была прежде дверь, и пошелъ ни куда нибудь, а именно въ корридоръ куда входилъ кабинетъ графа. И вотъ, оставляя въ сторонѣ вопросъ вѣрю я или нѣтъ въ привидѣнія, я могу сказать только одно, что я вѣрю въ показанія юнкеровъ“.

На слѣдующую ночь, уже не три юнкера, а довольно большая компанія, въ томъ числѣ и нѣсколько офицеровъ, сидѣли въ той же ротной комнатѣ, поджидая появленія старца. Но на этотъ разъ, ни въ послѣдующіе дни, онъ уже не появлялся. Или потому, что въ своей могильной тишинѣ онъ отвѣкъ отъ многолюдства, которое засталъ въ Училищѣ или же потому, что успѣлъ выполнить свою новую какую-то таинственную миссію, былъ можетъ, сводившаяся къ тому, чтобы лишній разъ напомнить гордому своими познаніями человѣчеству, что есть міръ, ему человѣчеству, еще неизвѣстный и имъ неразгаданный, міръ непонятныхъ явленій и странныхъ для большинства загробныхъ привидѣній“.

А Курбатовъ



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 25 и 26.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Январь и Февраль 1930 г.

Съ Новымъ Годомъ!

Къ столѣтню Александровскаго Военнаго Училища

Вотъ и 1930 годъ, годъ столѣтняго юбилея Александровскаго Военнаго Училища!

День празднованія этого важнаго событія для всѣхъ Александровцевъ, и старыхъ, и молодыхъ, не за горами! Глядишь на бѣлый нагрудный знакъ Училища и читаешь надпись, идущую вокругъ пеликана, кормящаго своихъ птенцовъ: „Александровское Военное Училище 1830 1851 — 1863 г. г. Это даты изъ жизни роднаго гнѣзда и къ нимъ можно лишь прибавить 1919 годъ — годъ возсозданія Училища.

За всѣ 100 лѣтъ, пережитые Училищемъ, день училищнаго праздника — 23 Апрѣля ни разу не былъ забытъ Александровцами, о чемъ свидѣтельствуетъ сама Исторія Училища. кратко изложенная на страницахъ листка „Александровецъ“. И дѣйствительно — 23 Апрѣля праздновалось въ Москвѣ въ Училищѣ, на Знаменкѣ, ежегодно до 1918 года включительно, а затѣмъ послѣдовали праздники въ Кисловодскѣ въ 1919 году, въ Симферополѣ — въ 1920 году, въ Галлиполи въ 1921 году и, наконецъ, въ Болгаріи въ настоящихъ дняхъ.

За эти сто лѣтъ Александровское Военное Училище нѣсколько разъ мѣняло свое названіе какъ въ началѣ своего существованія, такъ и въ концѣ: Сиротскій Корпусъ, Александринскій Сиротскій Корпусъ, Александровское Военное Училище, 3-е Военное Александровское Училище, снова — Александровское Военное Училище, Офицерскіе подготовительные курсы Кавказской Добровольческой Арміи, Ейскіе Ускоренные Курсы для подготовки офицеровъ пѣхоты, Пѣхотная генерала М. Д. Алексѣева юнкерская школа, Военное генерала Алексѣева Училище и, наконецъ, Александровское генерала Алексѣева Военное Училище. Эта цѣлая цѣпь военно учебныхъ заведеній говорить уже о всей исторіи Александровскаго Военнаго Училища за 100 лѣтъ его существованія. Тотъ-же листокъ „Александровецъ“ даетъ довольно яркую картину жизни роднаго гнѣзда и празднованія 23 Апрѣля Училищнаго праздника. Въ предназначенныхъ къ выпуску № № 27 и 28 листка Александровецъ будетъ полное описаніе этого, какъ праздновался пятидесятилѣтній юбилей А. В. У. (собственно говоря при измѣненіи старшинства Училища съ 1851 года — 1830 годъ, этотъ юбилей надо считать 75-лѣтіемъ Училища). Праздновалось пятидесятилѣтіе Училища, съ Высочайшаго соизволенія, 6-ого Декабря 1901 года, въ день основанія Александринскаго Кадетскаго Корпуса. Въ настоящее время навольно является вопросъ какой мѣсяцъ и день надо считать юбилейными при празднованіи Столѣтія? Подъ рукой теперь нѣтъ никакихъ историческихъ документовъ, отвѣчающихъ на этотъ вопросъ, а потому лучше остановиться на томъ, что Высочайше утверждено въ 1901 году при празднованіи пятидесятилѣтія Училища. Это необходимо рѣшить теперь-же, чтобы не шло дробленіе на группы при самомъ празднованіи столѣтія.

А таковыхъ группъ Александровцевъ нѣсколько: главная группа, и старыхъ, и молодыхъ Александровцевъ находится въ Парижѣ, а „ячейка“ Училища — въ Болгаріи въ Перникѣ со старымъ Александровцемъ генераломъ Любимовымъ во главѣ. Самъ Начальникъ Училища генералъ Буровъ находится во Франціи въ г. Кюотанжѣ, гдѣ осталось очень мало Александровцевъ; эта Кюотанжская группа навольно тянется къ Парижу, гдѣ есть Александровское объединеніе во главѣ со старымъ Александровцемъ, бывшимъ Харьковскимъ Губернаторомъ Е. А. Богдановичемъ; тамъ же, въ Парижѣ, есть и училищная группа Александровцевъ, во главѣ которой стоитъ Александровецъ Полков. Петровъ.

Большая группа Александровцевъ находится въ Болгаріи, въ Софіи, гдѣ живутъ болгарскій Александровецъ, предсѣдатель III отдѣла Р. О. В. Союза генералъ Ф. Ф. Абрамовъ гдѣ находится отъ „ячейки“ Училища Командиръ баталіона юнкеровъ Полковникъ Хандъ — тоже старый Александровецъ. Есть еще небольшая группа Александровцевъ въ

Болгаринъ въ г. Варнѣ, въ которую входятъ бывшій Александровскаго Военнаго Училища генералъ Курбатовъ и старинный Александровецъ генералъ Смердовъ — бывшій командиръ роты Его Величества и члѣнъ основатель и хранитель Училищнаго Историческаго музея. Эта послѣдняя группа, такъ же какъ и Перниковская, будетъ вполне солидарна съ Софійской группой во всемъ, что касается празднованія юбилея Училища. Больше организованы хъ группы Александровцевъ нѣтъ, а есть только разбросанные по всему свѣту Александровцы стараго и созданнаго Училища.

Такимъ образомъ вопросъ, — гдѣ будетъ центръ празднованія Столѣтня Училища, рѣшается легко: въ Парижѣ и въ Софїи.

Какъ будетъ организовано празднованіе самимъ Училищемъ, т. е. его „ячейкой“, зависитъ отъ главы Училища, его Начальника Ген. Штаба Генерала-Майора Бурова, находящагося въ подчиненіи председателю Р. О. В. Союза.

Что касается Парижской группы Александровцевъ, то она, какъ имѣющая въ своемъ составѣ многихъ старыхъ Александровцевъ, найдетъ сама способы достойнымъ образомъ отмѣнить день Столѣтня Училища.

Тожѣ можно сказать и про Александровцевъ, находящихся въ Софїи — въ Болгарїи; они могутъ отмѣнить юбилейный день Училища хотя-бы возложеніемъ вѣнка изъ бѣлыхъ цвѣтковъ къ подножію памятника Императора Александра II — Освободителя!.. Этотъ вѣнокъ будетъ лучшей данью Тому, чей вѣзель носили Александровцы съ 1851 года. Да и Перничане Александровцы, находясь недалеко отъ Софїи, могутъ присоединиться къ Софійской группѣ, что дасть большую мощностъ всему торжеству. Что касается Варненской группы, то она достаточно сильна, чтобы надлежащимъ образомъ отмѣнить день столѣтня родного Училища. Въ Варнѣ же издается листокъ „Александровецъ“, который можетъ дать свой юбилейный № и тѣмъ увѣковѣчить память о празднованїи Столѣтняго юбилея Александровскаго Военнаго Училища.

Надо думать, что Александровцы всѣхъ группъ предварительно и заблаговременно выработаютъ программу празднованія юбилея Училища, считаясь съ мѣстными условїями своей жизни въ томъ или другомъ Государствѣ и городѣ.

Призывъ Александровцевъ на собранїе ихъ долженъ быть первымъ шагомъ въ настоящее время. А затѣмъ, обмѣнявшись своими рѣшенїями, можно составить планъ того чѣмъ можно отмѣнить день Столѣтня Александровскаго гнѣзда. Если нѣтъ у насъ теперь Пеллава, кормящаго своихъ дѣтей, то всё же остался крѣпкіе и сильные птенцы Александровскаго Военнаго Училища, вѣрные своей Родинѣ Россїи!

А Курбатовъ

Письмо стараго Александровца.

Въ этомъ году предстоитъ 100 лѣтній юбилей нашего родного Училища, гдѣ мы съ тобой прослужили много лѣтъ и провели наши лучшіе годы жизни! Однако, что-то не слышно о приготовленїяхъ къ этому дню . . .

Какъ основатель нашего Историческаго Музея, я чувствую себя обязаннымъ что-то предпринять. Въ старое время я, какъ хранитель музея Училища, пошелъ бы съ докладомъ къ Начальнику Училища и получилъ-бы отъ него исчерпывающія данныя. Теперь же я думаю, что поступлю правильно если этимъ письмомъ скажу Тебѣ, какъ бывшему Начальнику Александровскаго Военнаго Училища, что ты обязанъ взять въ свои руки инициативу празднованія Столѣтняго юбилея Училища.

Ты долженъ объединить всѣхъ насъ, Александровцевъ, и старыхъ, и молодыхъ, для достойнаго празднованія юбилея Училища, конечно-считаясь съ тѣмъ, что сдѣлаетъ сама „ячейка“ Училища и снесся съ крупными объединенїями Александровцевъ.

Установи, прежде всего, день празднованія юбилея одинаковый для всѣхъ насъ Александровцевъ, чтобы мы не разошлись въ этомъ вопросѣ. Времени мало уже, необходимо дѣйствовать рѣшительно!.. Вѣрь, что всѣ мы Александровцы, тебѣ поможемъ во всемъ!

Бывшій юнкеръ и командиръ Царевой роты Александровскаго Военнаго Училища **В. Смердовъ**

Отвѣтъ „старому Александровцу“.

На письмо „староа Александровца“ и моего сослуживца по Александровскому Военному Училищу я отвѣчу коротко:

Съ великой радостью возьму на себя трудъ объединенія всѣхъ Александровцевъ — Варня, и старыхъ, и молодыхъ, въ дѣлѣ празднованія столѣтня родного для насъ гнѣзда!

Богъ поможетъ мнѣ въ работѣ — достойнымъ образомъ отмѣнить этотъ историческій день. Начинаю съ того, что твердо устанавливаю самый день празднованія — 19-аго Декабря (6 Декабря по ст. стилю) сего 1930 года.

Этотъ день болѣе отвѣчаетъ историческому прошлому А. В. Училища, такъ какъ пятидесятилѣтне Училища праздновалось, съ Высочайшаго соизволенія, именно въ этотъ день.

О такомъ рѣшенїи я и оповѣщаю всѣхъ Александровцевъ черезъ листокъ „Александровецъ“. Въ дальѣйшемъ, снесаясь съ болѣе крупными группами Александровцевъ и съ „ячейкой“ А. В. Училища, я постараюсь сдѣлать всё возможное, чтобы отмѣнить день столѣтня родного для насъ гнѣзда.

А. Курбатовъ



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 27.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Мартъ 1930 г.

Празднованіе 50-лѣтняго юбилея А. В. училища. (изъ Педг Сборника Гл. Упр. В. Уч. Зав. Январь 1902 г.)

Александровское Военное Училище, основанное въ 1803 году по волѣ Императора Александра II, имѣетъ преемственную связь съ упраздненнымъ въ томъ же году Александринскимъ Сиротскимъ Кад. Корпусомъ, такъ какъ Училище, помѣстившись въ зданіи Корпуса; получило отъ него знамя, кадетъ послѣдняго выпуска изъ старшаго общаго класса и изъ 1-аго спеціального, нѣкоторыхъ преподавателей, бібліотеку, учебныя пособия спеціальныхъ классовъ и всю хозяйственную-матеріальную часть. Въ свою очередь Александринскій Сиротскій Кадетскій Корпусъ ведетъ свое начало отъ Сиротскихъ Военно-Учебныхъ Заведеній, основанныхъ въ 1830 году Императоромъ Николаемъ I. Такимъ образомъ естественно связывается исторія этихъ Военно-Учебныхъ Заведеній и 6-го Декабря 1901 года, по истеченіи 50-ти лѣтъ, со дня открытія Александринскаго Кадетскаго Корпуса, А. В. Училище, съ Высочайшаго соизволенія, праздновало полувѣковое существованіе этихъ двухъ военно-учебныхъ заведеній.

5-аго Декабря, наканунѣ юбилейнаго дня, въ церкви училища была отслужена заупокойная литургія и панихида по Божѣ почившимъ Императорѣ Николаѣ I основателѣ Александринскаго Кад. Корпуса, по Августѣйшемъ Основателѣ Училища и 1 Державномъ Шефѣ — Императорѣ Александрѣ II, по Императорѣ Александрѣ III 2 Державномъ шефѣ училища. Богослуженіе совершалъ Законоучитель священникъ Добронравовъ, пѣли юнкера. Церковь была изящно убрана тропическими растеніями; черныя мраморныя доски съ фамиліями павшихъ на полѣ брани были убраны вѣнками, сплетеными юнкерами.

Въ 10 часовъ утра, къ началу литургіи прибылъ Главный Начальникъ Военно-Учебныхъ Заведеній Великій Князь Константинъ Константиновичъ. Въ церкви училища находились: Вр. Ком. войсками Округа генераль-адъютантъ Даниловъ, Командиръ Гренадерскаго Корпуса генераль отъ инфантеріи Малаховъ, Московскій Комендантъ генераль отъ артилл. Унковскій, всѣ директора Моск. Кад. Корпусовъ, Полковникъ Герцыкъ — депутатъ отъ Павловскаго Военнаго училища и много бывшихъ Александринцевъ и Александровцевъ, въ числѣ которыхъ былъ фельдфебель 1-аго выпуска изъ Корпуса генераль-лейтенантъ Артамоновъ и первый знаменщикъ Корпуса Полковникъ Алексѣевъ, принявшій Александринское знамя изъ рукъ Императора Александра II. По провозглашеніи вѣчной памяти Императорамъ, была провозглашена вѣчная память бывшимъ интотцамъ Корпуса и Училища, павшимъ въ бояхъ, а также всѣмъ почившимъ воспитанникамъ и служившимъ въ Корпусѣ и въ Училищѣ. По окончаніи богослуженія, въ корридорѣ 4 роты были выстроены вновь производимые фельдфебеля и портупей-юнкера; Его Высочество прослѣдовалъ къ юнкерскому завтраку, во время котораго обходилъ столы юнкеровъ, милостиво бесѣдуя съ юнкерами и въ концѣ завтрака отбылъ изъ Училища.

Въ 6 часовъ вечера была отслужена въ Церкви Училища всенощная, къ началу которой прибылъ Вел. Князь Константинъ Константиновичъ и многіе Александровцы. Послѣ всенощной Его Высочество прослѣдовалъ въ помѣщеніе 2 ой роты, гдѣ изволили пить юнкерскій чай, бесѣдуя съ окружающими Его юнкерами. Изъ 2 роты Его Высочество посѣтилъ лазаретъ, милостиво разспрашивалъ больныхъ юнкеровъ о ходѣ ихъ болѣзни, обошелъ временное помѣщеніе юнкеровъ роты Его Величества въ классахъ, юнкерскую читальню, осмотрѣлъ работы юнкеровъ по украшенію помѣщеній и въ 8¼ ч. отбылъ изъ училища.

6-аго Декабря въ 9¼ час. утра баталіонъ юнкеровъ построился въ сборномъ залѣ и принялъ 2 знамени — Александринскаго корпуса и Александровскаго Военнаго

Училища. По отнесеніи знаменъ въ церковь, юнкера вошли въ нее. Богослуженіе совершалъ преосвящ. Трифонъ, епископъ Дмитревскій, въ сослуженіи съ законоучителемъ Училища и священниками всѣхъ Московскихъ Военно-Учебныхъ заведеній. Въ 10 ч. утра къ началу литургіи, прибыла Вел. Княгиня Елисавета Константиновна, а въ 11½ ч., въ началу молебствія, прибыла Вел. Княгиня Елисавета Маврикіевна. При входѣ въ училище супруга Инспектора Класовъ А. Ф. Петрова поднесла букетъ цвѣтовъ и представила Высочеству всѣхъ дамъ училища. Въ церкви училища находились кромѣ лицъ, бывшихъ наканѣ, бывший Главный Нач. В. Уч. Заведеній генераль отъ инфантеріи Махотинъ, вѣдѣющій генерал-губернатора гофмейстеръ Булыгинъ, командиръ 17 корпуса генералъ Бильдерлингъ, Моск. Городской голова кн. Голицынъ, всѣ начальники Моск. Военно-Уч. Заведеній и много высшихъ представителей военнаго и гражданскаго вѣдомства г. Москвы. Бывшихъ Александринцевъ и Александровцевъ собралось свыше 300 человекъ. За частными стихомъ законоучитель училища произнесъ слово, въ которомъ сказалъ, что учившіеся въ А. В. У. сохранили благодарную о немъ память и отмѣтили причину этого («Алекс.» № 23). По окончаніи молебна произнесъ слово преосвященный Трифонъ, который благословилъ училище иконой св. Николая («Алекс.» № 23). Послѣ богослуженія батальонъ построился для церковнаго парада въ сборномъ залѣ, имѣя впереди знамена, на лѣвомъ флангѣ — юнкеровъ въ прежнихъ формахъ; здѣсь же, въ сборномъ залѣ, собрались всѣ прибывшіе питомцы. Великій Князь обошелъ фронтъ, поздравилъ юнкеровъ съ праздникомъ и провозгласилъ здравицу за драгоценное здравіе обожаемаго Монарха, покрытую звуками гимна и несмолкаемымъ «ура»; также Великій князь провозгласилъ здравицу за Государыню Императрицу, и за Наслѣдника Цесаревича Михаила Александровича. Затѣмъ Начальникъ училища генераль Лаймингъ провозгласилъ здравицу за Великаго Князя Сергѣя Александровича, за Великаго Князя Константина Константиновича, за Великую Княгиню Елисавету Маврикіевну, за Великаго Князя Михаила Николаевича и за военнаго министра. Послѣ этого юнкера прошли церемониальнымъ маршемъ, причемъ съзади юнкеровъ шли бывшіе Александринцы и Александровцы. По окончаніи парада Ихъ Высочества снялись въ общей группѣ съ присутствующими, послѣ чего они прослѣдовали въ сборный залъ, гдѣ состоялся актъ. Инспекторъ классовъ генераль-майоръ Петровъ прочелъ краткій историческій очеркъ корпуса и училища. По окончаніи чтенія, Начальникъ училища прочелъ слѣдующія три телеграммы, — отъ Военнаго Министра: «На всенеподданныйше доложенной телеграммы Вашей отъ 4 Декабра съ выраженіемъ вѣроподданническихъ чувствъ чиновъ и воспитанниковъ Училища Государь Императоръ изволилъ начертать: „прочелъ съ удовольствіемъ“. Отъ Государыни Императрицы Маріи Феодоровны: „Глубоко тронута выраженными мнѣ чувствами, сердечно благодарю всѣхъ служащихъ юнкеровъ А. В. У., поздравляю ихъ съ 50-лѣтнимъ юбилеемъ и отъ души желаю училищу дальнѣйшаго процвѣтанія“. Марія. Отъ Великаго Князя Сергѣя Александровича: „Поздравляю училище съ его 50-лѣтнемъ существованіи. Пошли Господь Училищу впредь комплектовать нашу армию достойнѣйшими офицерами“. Сергѣй. Затѣмъ началось чтеніе адресовъ: отъ Павловскаго и Московскаго Военныхъ училищъ, отъ трехъ Московскихъ Кадетскихъ Корпусовъ, отъ Константиновскаго Межевого института. Отъ Начальника Академіи Генеральнаго Штаба, отъ многихъ училищъ, корпусовъ и гимназій были получены привѣтственныя телеграммы. Кромѣ того были получены телеграммы отъ бывшаго 1-го Начальника училища инж. — генерала Б. А. Шванебаха, бывшаго Начальника училища генерала отъ инф. Самохвалова, бывшаго воспитанника Приам. генерала-губернатора генерала отъ инф. Гродекова, Нач. Главнаго Штаба генерала Сахарова, Нач. Гл. Управ. Кавказской арміи генерала Щербова — Нефедовича, помощника Главн. Нач. В. Уч. Зав. генерала Кононовича-Горбацаго, генералъ-лейтенантовъ: Усаковского, Фролова, Скугаревскаго, Демонтовича, Протопопова, Сахарова, Бѣлявскаго, Левашева, Усова, Глазова, и отъ многихъ другихъ; всѣхъ телеграммъ — 84 съ 828 подписями. Начальникъ училища всеиреданныйше привѣтствовалъ отъ лица училища Ихъ Императорскихъ Высочествъ, осчастливившихъ училище присутствіемъ на юбилейныхъ торжествахъ. Поблагодаривъ затѣмъ депутацию всѣхъ собравшихся на праздникъ гостей, генераль лейтенантъ Лаймингъ обратился съ чувственнымъ словомъ къ бывшимъ Александринцамъ и Александровцамъ, а въ заключеніе — къ юнкерамъ, выразивъ за нихъ увѣренность, что и они, будутъ также глубоко хранить въ своихъ сердцахъ и также свято блюсти и исполнять завѣты честной службы вѣроу и правдоу, за обожаемаго Царя и дорожную Родину.

Его Императорское Высочество провозгласилъ здравицу за Государя Императора, принятую съ восторженнымъ «ура» и пѣніемъ гимна всѣми собравшимся въ залѣ.

(Продолженіе въ слѣдующемъ №)

А. Курбатовъ.



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 28.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Апрѣль 1930 г.

Празднованіе 50-лѣтняго юбилея А. В. училища.

(продълженіе № 27)

Послѣ акта состоялся обѣдъ въ юнкерской столовой. Его Высочество изволилъ ѣсть за столомъ юнкеровъ 4 роты, Ея Высочество — роты Его Величества.

Столовая была убрана тропическими растеніями и гирляндами зелени. Передъ каждымъ приборомъ находились изящныя меню и программа музыки съ рельефнымъ изображеніемъ жетона училищан юнкерскаго погона. Молитва до и послѣ обѣда была спѣта всѣми присутствующими Сидѣли по выпускамъ; всѣхъ собравшихся было около 300 человекъ. Во время обѣда Великій Князь провозгласилъ за Государя — Державнаго Шефа училища тостъ, встрѣченный восторженнымъ, долго несмолкаемымъ ура и гимномъ. Послѣ обѣда, въ 4½ ч. дня, Ихъ Высочества отбыли изъ училища. Весь остатокъ дня 6 Декабря и 7-аго утромъ юнкера продолжали заниматься украшеніемъ училища къ предстоящему балу.

7. Декабря Великій Князь изволилъ прибыть въ училище въ 8¼ ч. утра. Продолжавъ въ слобовую, Его Высочество поздоровался съ юнкерами, обходилъ ихъ столы и милостиво бесѣдовалъ съ юнкерами. Послѣ чая Его Высочество приказалъ построить баталіонъ въ сборномъ залѣ и объявилъ высокорадостную Высочайшую телеграмму, полученную Его Высочествомъ вечеромъ 6 Декабря въ отвѣтъ на посланную Государю Императору телеграмму: „Искренно благодарю Александровское Военное Училище за поздравленіе, увѣренъ, чтъ молодое поколѣніе Александровцевъ будетъ служить всегда и вездѣ по доблестному примѣру его предковъ“. Николай.

Всподданнѣйшая телеграмма Великаго Князя была такая; „Александровское Военное училище, празднуетъ полулѣтнюю годовщину созданія Александринскаго Сиротскаго Кадетскаго Корпуса, совпадающую съ днемъ тезоименитства своего Державнаго Шефа, просить Меня повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданническое поздравленіе. Невыразимо осчастливленное великою Монаршею милостію, училище одушевлено завѣтнымъ желаніемъ всегда пополнять ряды русской арміи вѣрными слугами Престола и Отечества, готовыми по примѣру бывшихъ Александровцевъ, нелицемѣрно служить до послѣдней капли крови Вашему Императорскому Величеству. Генераль-адъютантъ Константинъ“.

Начальникъ училища провозгласилъ здравицу за обожаемаго шефа училища, покрытую восторженнымъ и радостнымъ „ура“ молодежи, осчастливленной високомилостивою телеграммой обожаемаго монарха. Изъ сборнаго зала Его Высочество изволилъ обходить помѣщенія училища, осматривая приготовленія юнкеровъ къ балу и около 10 ч. утра отбылъ изъ училища, восторженно провожаемый глубокоблагодарной молодежью

6 Декабря была получена слѣдующая телеграмма отъ Великаго Князя Михаила Николаевича: „Искреннее спасибо Александровскому Военному училищу, питомцамъ онаго и Александринскаго Кадетскаго Корпуса за любезный привѣтъ. Всѣхъ васъ сердечно поздравляю съ сегодняшнимъ юбилеемъ съ пожеланіемъ воспитанникамъ Военнаго училища и въ будущемъ поддержать добрую славу, заслуженную ихъ старшими товарищами“. Михаилъ. Отъ военнаго министра: „Поздравляю всѣхъ чиновъ и воспитанниковъ А В У. съ полулѣтнимъ юбилеемъ. Сердечно благодарю какъ ихъ, и такъ и бывшихъ питомцевъ училища за привѣтъ и пожеланія“. Куропаткинъ“.

Юбилейное торжество закончилось баломъ, даннымъ училищемъ 7 декабря. Къ 10 ч. вечера начался съѣздъ. На убранныхъ тропическими растеніями и гирляндами зелени лѣстницахъ прибывающихъ вслрѣчали офицеры и юнкера, подносящіе всѣмъ дамамъ бутоньерки цвѣтовъ въ портъ-букетахъ въ видѣ штыковъ и тесаковъ съ темляками и изящныя „карне де баль“, украшенныя вензелемъ и погонамъ училища. Обширное

помѣщеніе училища, залито электрическимъ свѣтомъ, роскошно убранный тропическими растениями, гирляндами зелени, производило эффектное впечатлѣніе. Особенное вниманіе обращало залу 4 роты, превращенное въ зимній садъ съ фонтаномъ среди зелени, оцѣненной гирляндами разноцвѣтныхъ электрическихъ лампочекъ; надъ входомъ въ сборную залу ярко горѣлъ вензель Ихъ Величества. Въ зимнемъ саду были устроены кіоски прохладительныхъ напитковъ и для продажи альбомовъ, открытокъ — писемъ съ видами училища — въ пользу общества вспомоществованія бывшимъ Александровцамъ.

Съ большимъ вкусомъ было убрано помѣщеніе роты Его Величества: зала была украшена гирляндами зелени, лавровыми и пальмовыми деревьями и оружіемъ; надъ отъ входа помѣщался бюстъ Государя, среди тропическихъ растений; короны, вензель сударя. Государяни, Императора Николая I, Александра II, Александра III были сдѣланы оружія; рядомъ съ заломъ роты Его Величества была устроена уютная гостинная. Въ этой ротѣ былъ устроенъ открытый буфетъ съ чаемъ, конфетами, фруктами, прохладительными напитками и мороженымъ; здѣсь-же была устроена уютная гостинная-палатка Ея Высочества. Въ 9½ ч. вечера на балъ прибылъ Великій Князь съ Великой Княгиней Августѣйшею. Гости были встрѣчены всѣмъ составомъ училища съ Начальникомъ училища во главѣ, супруга Инспектора классовъ поднесла Ея Высочеству букетъ изъ розъ и хидей. Подъ звуки Преображенскаго марша Ихъ Высочества направились въ сборную залу, гдѣ Шт.-Капитанъ Смердовъ, распорядитель танцевъ имѣлъ счастье поднести Высочеству программу танцевъ въ видѣ бѣлаго атласнаго вѣера, вставленнаго въ тесанъ на одной сторонѣ вѣера было росписаніе танцевъ, на другой — фотографія Августѣйцы Семьи Великой Княгини; юнкеръ Шутихинъ удостоился поднести художественную программу бала. Балъ открылся вальсомъ „Подъ выстрѣлами“. Великая Княгиня изъ любви любовалась оживленными группами танцующихъ, Великій князь обходилъ залы, бесѣдовалъ съ юнкерами и съ присутствующими.

Послѣ нѣсколькихъ танцевъ Ея Высочество прослѣдовала въ зимній садъ къ кіоску Общества вспомоществованія бывшимъ Александровцамъ, гдѣ Шт.-Капитанъ Смердовъ удостоился поднести альбомъ съ видами училища.

Кадриль Ея Высочество изволила танцевать съ фельдфебелемъ роты Его Величества Рафаловичемъ. Въ 11½ часовъ Ея Высочество отбыла изъ училища, а Великій Князь оставался до 4 часовъ утра.

Въ числѣ почетныхъ гостей находились: Членъ Госуд. Совѣта Генераль отъ Ин. Махотинъ, Вр. Ком. войсками Моск. Окр. Генераль-Адъютантъ Даниловъ, Моск. Командантъ Генераль Унковскій. Командиры Корпусовъ-Гранадерскаго генераль Малыховъ. 17-аго — генераль Бильдерлингъ, Московскій Губернаторъ Гофмейстеръ Булыгинъ, Губернскій предводитель дворянства князь Трубецкой и многіе другіе.

Масса бывшихъ Александровцевъ съѣхались со всѣхъ концовъ Россіи вспомнить свое родное училище и провести вечеръ въ товарищеской средѣ.

Танцы проходили съ необыкновеннымъ оживленіемъ, рѣдко приходится видѣть такое живое, захватывающее веселье, съ которымъ танцевала молодежь, чему способствовала оригинальная программа танцевъ.

Балъ окончился въ 4 ч. утра, а разъѣздъ продолжался до 5 часовъ. На другой день служебный и преподавательскій персоналъ собрался на Курскій вокзалъ, чтобы проводить Августѣйшихъ гостей въ Кіевъ — на юбилейныя торжества Кіевского Кадетскаго Корпуса.

Ко дню юбилея, старѣйшій изъ бывшихъ кадетъ Александринскаго Кадетскаго Корпуса, Штатный преподаватель А. В. У., Полковникъ Евгений Михайловичъ Пржевальскій былъ произведенъ Высочайшимъ приказомъ въ Генераль-Маіора съ оставленіемъ въ спискахъ училища.

Редакція листка „Александровецъ“ поздравляетъ всѣхъ Александровцевъ съ Училищнымъ праздникомъ 23 Апрѣля! (6 Мая по нов. ст.)

А. Курбатовъ.

№ 29 Май. „Въ предверіи столѣтія А. В. У.“



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 29

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Май 1930 г.

„Въ преддверіи празднованія 100 лѣтія А. В. У.“

6 Мая, или 23 Апрѣля по старому стилю, Александровцы праздновали свой Училищный праздникъ въ столѣтнюю годовщину существованія родного для нихъ гнѣзда. Черезъ 6 мѣсяцевъ, 6 декабря с. г. предстоитъ празднованіе дня самаго столѣтія Александровскаго Военнаго училища. Этотъ срокъ, кажушіяся большимъ, не такъ ужъ великъ для всѣхъ работъ, могущихъ достойнымъ образомъ отмѣтить юбилей училища. Необходимыя предварительныя собранія Александровцевъ, въ главныхъ центрахъ нахождения Александровцевъ, уже составились въ самый день училищнаго праздника и теперь начинается подготовка къ празднованію юбилея.

Вотъ почему этотъ № 29 листка „Александровецъ“ посвящается какъ-бы „преддверію“ юбилея и служить для выясненія разныхъ назрѣвшихъ вопросовъ. Многіе, преимущественно старые Александровцы, спрашиваютъ: „существуетъ-ли нынѣ Александровское Военное училище и, если существуетъ, то гдѣ оно находится? Этотъ вопросъ не праздный, а достойный выясненія...“ Въ число частей I Армейскаго Корпуса, входящихъ въ составъ Русскаго Обще Воинскаго Союза, входитъ и Александровское Военное Училище, которое въ настоящее время не функционируетъ, но числится въ своихъ рядахъ какъ есь служебный кадровый составъ, такъ и Александровцевъ послѣднихъ выпусковъ. Иначе говоря — Александровское Военное Училище существуетъ, но его составъ находится на работахъ въ разныхъ государствахъ всего міра. Признавая фактъ существованія училища, надо сказать и о томъ, гдѣ находится „ячейка“ училища, дающая всѣ декреты и информатіи своимъ подвѣдомственнымъ чинамъ. Въ настоящее время „ячейку“ представляетъ Начальникъ Училища ген. штаба Генераль-Маіоръ Петръ Никитовичъ Бузовъ; онъ находится во Франціи въ г. Кнютанжъ (адресъ: Франція, Кнютанжъ, улица Республики 13). Зная гдѣ находится „центр“ всего училища, надо знать и то, гдѣ будетъ Начальникъ Училища въ день юбилея 6 декабря? Можетъ быть, въ силу малочисленности Александровской группы въ Кнютанжѣ, онъ присоединится въ день юбилея къ самой большой группѣ Александровцевъ, находящейся въ Парижѣ? Это желательно выяснитьъ теперь-же хотя-бы для того, чтобы знать куда отправить свое поздравленіе училищу въ день юбилея? Теперь „въ модѣ“ возлагать вѣнки „неизвѣстному солдату“, но Александровское Военное училище существуетъ и оно не „неизвѣстный солдатъ“, а вполне предѣленное русское военно учебное заведеніе, которое не функционируетъ, но ждетъ своего радостнаго момента, когда оно снова откроетъ свои двери для русской молодежи. Вотъ почему и надо знать точно Александровцамъ — гдѣ будетъ „центръ А В У“ въ день юбилея? Редакція листка „Александровецъ“ беретъ на себя трудъ выясненія этого вопроса для помѣщенія въ листкѣ съ цѣлью оповѣщенія объ этомъ всѣхъ Александровцевъ.

Перехода къ дальнѣйшимъ вопросамъ о празднованіи юбилея, надо сказать и о томъ, что уже сдѣлано въ мѣстахъ нахождения главныхъ Александровскихъ группъ.

Въ газетѣ „Возрожденіе“ было помѣщено объявленіе о сборѣ Александровцевъ въ Парижѣ для рѣшенія юбилейныхъ вопросовъ; это собраніе Александровцевъ выбрало юбилейную комиссію подъ председательствомъ Е. Богдановича и намѣтило, въ общихъ чертахъ, порядокъ празднованія юбилея.

Софійская группа Александровцевъ (объединеніе) уже открыла подписку на вѣнокъ доску, предположенную къ возложенію у подножія памятника Императора Александра II въ Софіи. Этотъ вѣнокъ будетъ сдѣланъ ввидѣ мѣдной доски съ дубовыми и лавровыми вѣтками, съ надписью на доскѣ „Александровцы своему Шефу“, со знакомъ училища и съ Галлиполійскимъ крестомъ на схематическомъ обозначеніи мѣстъ и пути, гдѣ было за сто лѣтъ Александровское Военное училище. Сама доска должна изображать

развитую Россію: на другой сторонѣ доски быть вырѣзаны фамилии Александровцевъ, которые соорудили вѣнокъ-доску. Этотъ вѣнокъ долженъ быть перенесенъ въ Россію. Ея воссозданіи. Работу по изготовленіи доски брать на себя бывший юнкеръ Александровскаго Военнаго училища Капитанъ Зененко, уже работавшій при сооруженіи вѣнка нашему главнокомандующему Генералу Врангелю. Александровцевъ, прочитавшій эти строки, пусть подумаетъ о томъ, желаетъ-ли онъ быть участникомъ сооруженія вѣнка? Если-то всѣкая маленькая присылка денегъ на вѣнокъ будетъ принята съ благодарностію. Деньги можно высылать на имя Льва Николаевича Хамина, живущаго въ Болгаріи, Софійи, улица Каблешкова 9. Перниковская группа Александровцевъ рѣшила присоединиться къ Софійской группѣ въ день юбилея; Александровцевъ Перничанинъ В. Я. Ломовъ, фотографъ-любитель, уже приступилъ къ перенесиманію цѣлой серіи снимковъ жизни Александровскаго Военнаго училища, чтобы къ юбилею дать возможность Александровцамъ приобрести открытки за самую дешевую цѣну. (Въ послѣдующихъ №№ листка „Александровцевъ“ будетъ помѣщенъ списокъ этихъ открытокъ съ указаніемъ цѣны).

Варненская группа Александровцевъ предполагаетъ ко дню юбилея выпустить 1) юбилейный № листка „Александровцевъ“ со знакомъ училища и съ жетономъ, шимъ до утвержденія нагруднаго знака Высочайшимъ приказомъ; 2) отдѣльныя карты — открытки съ видомъ зданія А. В. У. въ Москвѣ на Знаменкѣ и съ историческими снимками Александровцевъ; 3) Историческую таблицу-памятку Александровцевъ съ фотографіями Державнаго основателя училища Императора Николая I, всѣхъ Державныхъ Шефовъ училища, Наслѣдника Цесаревича, числящагося въ спискахъ училища, Великаго Князя Николая Николаевича и всѣхъ Главнокомандующихъ Добровольческой и Русской Арміи, при которыхъ существовало А. В. У.; 4) юбилейную группу Александровцевъ-Варненцевъ на художественномъ паспарту. Всѣ вышесказанное уже выполняется Александровцами Варненцами; въ листкѣ „Александровцевъ“ также будетъ помѣщена цѣна каждого изъ этихъ четырехъ трудовъ (не больше 15—20 лева т. е. около 3 фр. франковъ).

Можетъ быть кто-либо изъ Александровцевъ тоже задумаетъ сдѣлать къ юбилею что-либо? Просьба къ нему, сообщить объ этомъ въ листокъ „Александровцевъ“ для помѣщенія всѣхъ Александровцевъ — однокашниковъ.

Въ Парижѣ, какъ въ центрѣ Русской эмиграціи, находится много Александровцевъ, и старыхъ, и молодыхъ; среди нихъ есть и писатели, и художники, и поэты, и педагоги, и историки и музыканты, — можетъ-быть они что-либо сдѣлаютъ для увѣковѣченія памяти празнованія столѣтняго юбилея Александровскаго Военнаго училища? И литва въ церкви, и торжественный актъ, и товарищескій обѣдъ или завтракъ, и даже бранчъ — служить одной цѣли — единенія Александровцевъ въ день юбилея Роднаго гнѣзда. всѣ это „проходяще“, а потому надо подумать и о томъ, что останется послѣ юбилея для увѣковѣченія его и что получить въ свое время, новое поколѣніе Александровцевъ въ родномъ своемъ зданіи на Знаменкѣ въ Москвѣ?!

А. Курбатовъ.

№ 30. Июнь. „Кульмскій крестъ Александровцевъ“.



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 30.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Іюнь 1930 г.

„КУЛЬМСКІЙ КРЕСТЪ“ АЛЕКСАНДРОВЦА.

(воспоминаніе А. К.)

Помню хорошо картину изъ далекаго прошлаго, которая, не смотря на давность, осталась у меня въ памяти... Красносельскій лагерь, бивакъ маневрирующаго отряда около Таицкаго водопровода; 11 часовъ ночи; при тускломъ свѣтѣ походныхъ фонарей, поставленныхъ на длинный столъ, наскоро устроенный изъ досокъ и ящиковъ, кончаютъ жизнь офицеры Лейбъ-Гвардіи Гренадерскаго полка; полкъ на разсвѣтѣ долженъ наступать на противника, — Лейбъ-Гвардіи Московскій полкъ, — занимающаго позиціи у Кавалахтскихъ высотъ; въ центрѣ офицерской группы командиръ полка генералъ Л., нѣсколько генераловъ посредниковъ съ бѣлыми повязками на рукавахъ и полковой анекдотистъ, весельчакъ Штабсъ-Капитанъ К. Одинъ изъ анекдотовъ, разсказанныхъ въ эту ночь, я хорошо запомнилъ, какъ рисующій военный бытъ того времени: этотъ анекдотъ юсившій названіе „Кульмскій крестъ“, состоялъ въ слѣдующемъ:

На одномъ изъ разводовъ въ Высочайшемъ присутствіи въ самомъ началѣ царствованія Императора Александра II, Государь, проѣзжая мимо одного изъ полковъ, замѣтилъ старика солдата съ Кульмскимъ Крестомъ на груди, что было уже рѣдкостью для того времени Императоръ, обратясь къ Военному Министру, вѣдавшему верхомъ сзади, сказалъ, слегка картавя. — „Что это тамъ“, и показалъ рукой въ направленіи — гдѣ былъ Кульмскій герой. Военный Министръ, думая, что Государь замѣтилъ какой-либо непорядокъ въ одеждѣ или въ снаряженіи, въ повышенномъ тонѣ обратился съ тѣмъ-же вопросомъ къ Командиру полка, указывая рукой въ томъ-же направленіи; Командиръ полка, встревоженный замѣчаніемъ, подѣхалъ къ Командиру баталіона, рѣзко крикнувъ, — „нѣтъ порядку у васъ въ баталіонѣ“, — и указалъ въ ту-же сторону. Въ свою очередь командиръ баталіона прищорилъ коня и налетѣлъ на Командира роты, указывая въ томъ-же направленіи: „что за безобразіе у Васъ въ ротѣ“? Командиръ роты въ нѣсколько прыжковъ очутился около фельдфебеля роты — старика, увѣшаннаго медалями и крестами, указавъ ему рукой на четвертый взводъ роты и прошипѣлъ: „я тебя, старика и . . . а уволю со службы, за то-что плохо осматривалъ людей роты передъ смотромъ“. Получивъ такой разность, фельдфебель кинулся со всѣхъ ногъ въ указанномъ ротнымъ командиромъ направленіи, подскочилъ къ солдату съ Кульмскимъ крестомъ и ударилъ его такъ, что тотъ не удержался на ногахъ и, упавъ на землю, разбилъ себѣ носъ. Въ это время разводъ былъ законченъ и, при явкѣ ординарцевъ, Государь вспомнилъ о замѣченномъ имъ солдатѣ съ Кульмскимъ крестомъ и пожелалъ его видѣть. Немедленно „по инстанціемъ“, пошло приказаніе о высылкѣ къ Государю этого старика-солдата, но онъ былъ въ такомъ видѣ, что его пришлось вести подъ руки и дорогой очищая грязь и кровь съ мундира и брюкъ. „Спасибо Тебѣ за службу“, — сказалъ Императоръ, когда передъ нимъ очутился Кульмскій герой, и подаль ему золотую монету. „Радъ стараться, Ваше Императорское Величество“, отвѣтилъ награжденный слабымъ еще голосомъ, но съ сияющими отъ радости глазами. . . . Всѣ начальство стоявшее тутъ, было смущено происшедшимъ и готово было „провалиться сквозь землю“! . . .

И часто, въ жизни человѣка или собранныхъ въ группу людей, бываетъ нѣчто подобное . . .

Александровское Военное училище не было исключеніемъ изъ этого „закона жизни“ и пережило свой „Кульмскій крестъ“, когда оно лишилось, правда на время, царской милости и Царскихъ Шефскимъ вензелей!

Объ этомъ печальномъ событіи въ жизни А В У, я и хочу разсказать правдиво, не утаивая даже мелкихъ подробностей.

Въ одинъ изъ учебныхъ дней, по окончаніи обѣда въ столовомъ залѣ, рота Его Величества шла къ себѣ въ помѣщеніе по классному корридору и тутъ наткнулась на

слѣдующее происшествіе: классный служитель, который обязанъ былъ находиться безпечно въ классномъ корридорѣ въ часъ обѣда юнкеровъ, самовольно ушелъ въ юнкерскую столовую, чтобы попользоваться остатками отъ обѣда для своей семьи; командиръ баталіона юнкеровъ, строгій и требовательный начальникъ, проходилъ тѣмъ же корридоромъ къ себѣ домой и замѣтилъ отсутствіе служителя; дождавшись возвращенія служителя, онъ накинулся на него, грозя увольненіемъ со службы; служитель началъ оправдываться и даже отрицать свой уходъ, хотя у него въ рукахъ была полная салфетка съ остатками хлѣба и котлетъ; явная ложь взбѣсила командира баталіона и онъ же ударилъ этого и ударилъ служителя такъ, что у того потекла кровь изъ носа. Эту сцену увидѣли юнкера Роты Его Величества и отнеслись сочувственно къ служителю, при чемъ кто-то изъ нихъ, въ знакъ неодобренія поступка командира баталіона, произнесъ звукъ „ццц...“ Командиръ баталіона, услышавъ цыканіе, приказалъ фельдфебелю роты основить роту и разсесть юнкеровъ, указавъ имъ на то, что они не умѣютъ уважать строгости и что стыдно должно-быть тому, кто прячется за спину другихъ дѣлая неподобающіе юнкеру проступки. Этимъ разносомъ весь инцидентъ былъ исчерпанъ, но служитель въ тотъ же день былъ уволенъ со службы въ училищѣ и юнкера собрали ему около 100 рубле денегъ на семью его, оставшеюся безъ куска хлѣба; это послѣднее внесло нѣкоторую нпріязнь между юнкерами и командиромъ баталіона.

Вечеромъ, послѣ вечерней молитвы и переклички, офицеръ роты Его Величества, который былъ въ этотъ день дежурнымъ офицеромъ по училищу, съелъ нужнымъ разъяснить юнкерамъ всю недопустимость выраженія одобренія и неодобренія своему начальнику — особенно изъ строя; въ своей рѣчи онъ назвалъ этотъ проступокъ „мальчишескимъ“. Это послѣднее слово вызвало „цыканіе“ изъ за колонады помѣщенія роты и дежурный офицеръ, думая, что неодобреніе идетъ изъ строя, объявилъ юнкерамъ, что стыдно оскорблять человѣка, прячась за спину другихъ и что лучше это сдѣлать открыто какъ подобаеть болѣе порядочному человѣку. Въ дежурной комнатѣ объ этомъ новомъ происшествіи было доложено дежурнымъ офицеромъ командиру баталіона, который рѣшилъ пресѣчь въ корнѣ „травлю офицеровъ“; во время этого совѣщанія командира баталіона съ дежурнымъ офицеромъ, на лѣстницѣ, ведущей въ Швейцарскую училища послышался шумъ и какъ будто новое „цыканіе“. Тогда командиръ баталіона приказалъ дежурному офицеру идти по нижнему корридору къ лазарету, чтобы выйти въ тѣль цыкающимъ юнкерамъ, а самъ пошелъ прямо по лѣстницѣ въ помѣщенія роты. Этотъ маневръ былъ замѣченъ юнкерами и они во время разбѣжались, при чемъ кто-то потушилъ ночную лампу, освѣщавшую корридоръ около лѣстницы. Неудача разсердила командира баталіона и онъ отправился къ Начальнику училища съ докладомъ обо всемъ случившемся. Въ это время фельдфебель роты Его Величества, чтобы снятъ всякую тѣнь подозрѣнія объ участіи своихъ юнкеровъ въ послѣднемъ безпорядкѣ, построилъ роту и вызвалъ въ роту командира роты. Было выяснено, что „цыканіе“ въ ротѣ послѣ переклички не было дѣломъ юнкеровъ Роты Его Величества, а что цыкалъ юнкеръ 3 роты В., который зашелъ въ сосѣднюю роту послѣ переклички въ 3 ротѣ кончившейся раньше; Этотъ юнкеръ, находясь за колонадой роты Его величества, слышалъ слово „мальчишки“ и рѣшилъ „цыкнуть“ въ знакъ своего неодобренія.

Въ это время въ Роту Его Величества пришелъ вмѣстѣ съ командиромъ баталіона Начальникъ училища, который обратился къ юнкерамъ со строгимъ выговоромъ и предложилъ сознаться виновникамъ безпорядка; кромѣ того всю роту, до признанія виновниковъ онъ оставилъ безъ отпуска.

Этимъ, казалось, все инцидентъ былъ исчерпанъ, но судьба рѣшила иначе и надъ училищемъ разразилась дѣлая „буря“....

(продолженіе въ № 31)

А Курбатовъ.

№ 31. Іюль. „Кульмскій Крестъ Александровца“.



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 31.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Юль 1930 г.

„КУЛЬМСКІЙ КРЕСТЪ“ АЛЕКСАНДРОВЦА.

(продолженіе № 30).

А въ дальнѣйшемъ произошли слѣдующія событія: одновременно съ описаннымъ выше безпорядкомъ въ А. В. Училищѣ, въ Москвѣ начались волненія среди студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній и объ этомъ было донесено Министру Внутреннихъ Дѣлъ Московскимъ Жандармскимъ Управленіемъ. На докладѣ Государю Императору Николаю II, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ упомянулъ и о какомъ то безпорядкѣ въ А. В. Училищѣ; Государь былъ удивленъ, что въ Училищѣ, гдѣ онъ состоитъ Шефомъ, произошли безпорядки и пожелалъ узнать отъ Военнаго Министра подробности о нихъ. Въ то время произошло треніе между Военнымъ Министромъ и Главнымъ Управленіемъ Военно-учебныхъ Заведеній, во главѣ котораго былъ поставленъ Великій Князь Константинъ Константиновичъ, имѣвшій права личного доклада Государю помимо Военнаго Министра. На просьбу Военнаго Министра, Главное Управленіе В. Уч. Завед. не могло дать отвѣтъ, а только знать объ этомъ Великому Князю Константину Константиновичу, который былъ въ это время въ объѣздѣ Военно-Учебныхъ Заведеній Юга Россіи. Великій Князь сейчасъ-же перервалъ свою поѣздку и направился въ Москву. Прямо изъ вагона, рано утромъ, Великій Князь прибылъ въ Александровское Военное училище; встрѣченный рапортомъ дежурнаго офицера, Великій Князь приказалъ немедленно построить весь Баталіонъ юнкеровъ въ сборномъ залѣ; это приказаніе было исполнено и Великій Князь вошелъ въ залъ. Онъ обратился къ юнкерамъ съ порицаніемъ ихъ поведенія, при чемъ умышленно не поздравился съ ними. Во время рѣчи Великаго Князя въ залъ прибыло всё строевое начальство юнкеровъ, за исключеніемъ Начальника училища, который въ то время былъ сильно боленъ. Окончивъ свою рѣчь, Великій Князь приказалъ вести юнкеровъ къ утреннему чаю и въ классы, а также собрать въ фундаментальной библіотекѣ училища дисциплинарный комитетъ. На этомъ комитетѣ былъ поставленъ вопросъ о безпорядкѣ въ училищѣ, при чемъ онъ разбирался въ плоскости травли офицеровъ училища своими же юнкерами; всё происшедшее въ Училищѣ не могло быть ясно обрисовано, такъ какъ въ отсутствіи Командира Баталіона никто не хотѣлъ детально останавливаться на причинахъ удовольствія юнкеровъ, выяснился только фактъ дачи названій своимъ офицерамъ и преподавателямъ (а гдѣ этого не было?) и случаи громкаго произношенія прозвищъ въ присутствіи ихъ. Этимъ комитетъ и былъ законченъ Великій Князь въ тотъ-же день выѣхалъ въ С. Петербургъ, а въ училищѣ стали съ нетерпѣніемъ ожидать того, что будетъ. Черезъ нѣсколько недѣль пришла грозная бумага съ очень грустными приказаніями: Начальникъ училища увольняется отъ службы съ производствомъ въ Генералы отъ Артиллеріи, назначенъ новый начальникъ училища съ инструкціей увольненія отъ службы въ Училищѣ, всѣхъ офицеровъ негодныхъ, по его мнѣнію, для службы въ училищѣ, всѣ фельдфебеля и поручики-юнкера лишаются своихъ званій за то, что не имѣли хорошаго вліянія на своихъ товарищей, выпускъ въ Гвардію въ этомъ году изъ Александровскаго Военнаго Училища отлагается и, самое главное, съ роты Его Величества снимаются шефскіе вензеля Государя Николая II... Иначе говоря, училище, правда — на время, лишается шефства!..

Приказъ этотъ былъ выполненъ и скоро Училище выступило въ лагерь на Ходынское поле съ новымъ начальникомъ училища генераломъ Л. Черезъ мѣсяць, когда закондись съѣмки и начались лагерная строевая занятія, въ училище неожиданно изъ С. Петербурга пріѣхалъ Военный Министръ генералъ К. Онъ тоже пріѣхалъ рано утромъ; юнкера были на стрѣльбѣ и въ лагерномъ расположеніи училища находились только дежурные юнкера, знаменный караулъ и дежурный офицеръ Военный министръ, узнавъ, что баталіонъ на стрѣльбѣ, отправился на заднюю линію лагеря училища, гдѣ были навѣсы для чистки винтовокъ; тутъ Военный министръ смотрѣлъ, какъ юнкера, возвращающіеся

со стрѣлбы, чистять винтовки и въ какомъ онѣ состояніи. Отвѣты юнкерово на вопросъ Военнаго Министра были удовлетворительные, а потому онѣ пошелъ обходить юнкерскіе бараки, кухню, лазаретъ, даже отхожія мѣста, какъ бы ища неурядка. Въ это время верхомъ со стрѣлбы приехалъ Начальникъ Училища, который лихо соскочилъ съ лошади и подошелъ съ рапортомъ къ Военному Министру; Военный Министръ выслушалъ рапортъ и сказалъ: „мало быть самому малодцомъ, но надо чтобы и подчиненные были такими-же...“ Послѣ этого Военный Министръ приказалъ построить баталіонъ для смотра полевой гимнастики, при чемъ потребовалъ, чтобы всѣмъ младшіе офицеры шли впередъ юнкеровъ на всѣ гимнастическіе снаряды. И гимнастика сошла благополучно, не смотря на то, что черезъ большой заборъ пришлось перебрасывать плохихъ гимнастовъ и нѣсколькихъ офицеровъ; Капитана М., маленького и толстаго офицера 4 роты (звали его „пухъ“ юнкера буквально перекинули черезъ заборъ. По окончаніи гимнастики баталіонъ построенъ въ резервную колонну и сталъ ожидать дальнѣйшихъ приказаній. Прошло 5, 10 минутъ, баталіонъ стоялъ смирно, а Военный Министръ ходилъ съ Начальникомъ училища гдѣ то въ тылу баталіона и не отдавалъ никакихъ приказаній. Нѣсколько любопытныхъ юнкеровъ стали слегка поворачивать головы въ сторону, гдѣ былъ Военный Министръ, что послѣдній сейчасъ же замѣтилъ и обратился къ юнкерамъ съ разномомъ „нѣтъ дисциплины въ строю“ — кричалъ онъ, „командиръ Баталіона не научилъ юнкеровъ этому!...“ Затѣмъ послѣдовало приказаніе вести юнкеровъ на обѣдъ, а въ 3 ч. дня баталіону прибыть на заднее поле къ Московскому Военному училищу для строевого смотра. Въ 2¼ ч. для баталіонъ съ музыкой, называемой „песками“, прибылъ къ указанному мѣсту, а ровно въ 3 часа дня начался смотръ. И тутъ всё шло довольно гладко до тѣхъ поръ, пока баталіонный командиръ не завелъ баталіонъ въ мѣсто, гдѣ были препятствія полевой гимнастики Московскаго Военнаго Училища; не смотря на полное стараніе юнкеровъ, стройность движеніе баталіона, въ резервной колоннѣ, нѣсколько нарушилась и баталіонный командиръ, чтобы поправить дѣло, скомандовалъ „кругомъ“, часть юнкеровъ, которая была во рву и за высокимъ брустверомъ, не разобрала послѣднюю команду, приневъ ее за „бѣгомъ“, — роты нѣсколько разошлись въ разныя стороны.

Тогда Военный Министръ приказалъ остановить баталіонъ и обратился съ полными разномомъ къ баталіонному командиру; юнкеровъ Военный Министръ не поблагодарилъ и не прощаясь съ ними, приказалъ вести домой.

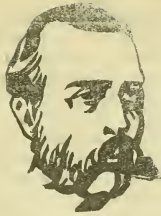
Военный Министръ уѣхалъ въ С. Петербургъ, а Александровцы грустные и озадаченные вернулись къ себѣ въ лагерь, чтобы продолжать лагерную жизнь. Начальникъ училища объявилъ въ приказѣ, что всѣмъ надо приложить всѣ силы къ тому, чтобы заслужить прощеніе за „всѣ грѣхи прошлаго времени“. Въ концѣ лагеря изъ училища ушло нѣсколько офицеровъ и командиръ баталіона получилъ крѣпостной баталіонъ, что для командира баталіона Военнаго Училища было не особенно лестно. Старшій классъ юнкеровъ былъ произведенъ въ офицеры и ушелъ изъ училища съ именемъ „опальнаго выпуска“.

6-аго Декабря этого-же года послѣдовало возвращеніе Царскихъ вензелей Александровскому Военному училищу и „опала“ съ училища была снята....

Невольно является вопросъ — дошла ли истина происшедшаго въ училищѣ безпорядка до Высшаго Начальства? Увѣренно можно сказать, что Великій Князь Константинъ Константиновичъ, стоявшій всегда близко къ юнкерамъ и кадетамъ, эту истину Кулмскаго Креста Александровцевъ узналъ въ то-же лѣто. Онъ и былъ ходатаемъ передъ Царемъ о прощеніи содѣяннаго юнкерами-Александровцами. А содѣянное это не имѣло ровно никакой политической окраски, какъ думалось въ тѣ времена!..

А. Курбатовъ.

№ 32 Августъ „Родное Училище“. Д. Ходневъ.



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 32.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Августъ 1930 г.

„РОДНОЕ УЧИЛИЩЕ“

(воспоминаніе Александровца Д. Ходнева.)

Годы пребыванія моего въ Александровскомъ Военномъ Училищѣ совпали съ годами Русско-Японской войны. Я пробылъ въ училищѣ съ осени 1904 г. до весны 1906 года. До сихъ поръ памятно мнѣ это чудесное время и навсегда сохранятся въ душѣ моей лучшія воспоминанія о родномъ и любимомъ гнѣздѣ.

А. В. У. мнѣ родное двойнѣ: въ его стѣнахъ, въ 1886 году, я родился, въ немъ же получилъ и свое военное воспитаніе и образованіе. Еще маленькимъ мальчикомъ бѣгалъ я, подъ присмотромъ старой няни, по „пескамъ Сахары“, — училищному плацу — играя въ „юнкеровъ“ съ сыновьями курсовыхъ офицеровъ, моими друзьями дѣтства — Шурой и Мишей Дудышкиными, Сережей Гурьевымъ и др. Помню, мы очень тогда почему-то боялись Инспектора классовъ, стараго и высокаго генерала Фонъ-Бооль, и очень любили протоіерея о. Иваноовна-Платонова. Мой отецъ, гв. Капитанъ Иванъ Дмитріевичъ Ходневъ, былъ тогда курсовымъ офицеромъ Государевой роты, а потомъ Командиромъ 3-ей роты. Много позже служилъ въ Училищѣ, командуя 2-ой ротой, и мой дядя Михаилъ Дмитріевичъ Ходневъ. Въ училищѣ, въ старшемъ курсѣ, я имѣлъ честь носить Знамя, будучи знаменщикомъ, старшимъ портупей юнкеромъ и командиромъ 1-го взвода роты Его Величества. До сихъ поръ помню себя несущимъ знамя, въ предшествіи училищнаго адъютанта, стройнаго офицера Л. Гв. Волянского полка, Штабсъ-капитана Смердова.

Начальниками училища, въ мое время, были ген. штаба генералы-лейтенанты П. П. Яковлевъ и Е. А. Ферсманъ; баталіоннымъ командиромъ былъ полковникъ Омелянотичъ; ротами командовали: Государевой — Л. Гв. Кексгольмского полка капитанъ Никитинъ, 2-ой — Л. Гв. Гренадерскаго полка капитанъ Курбатовъ, 3-ий — Л. Гв. Финляндскаго полка капитанъ Рымашевскій и 4-ой — Л. Гв. Литовскаго полка капитанъ Войцеховскій.

Жили мы всѣ, юнкера, необычайно дружно и весело, но службу несли исправно и учились прилежно. Къ этому принуждало насъ и тогдашнее исключительное время — японская война, требовавшая усиленныхъ занятій, и смутные годы, заставлявшие нести наряды по караульной и охранной службѣ. Курсъ проходилъ „ускоренный“; „Зубрить“ приходилось много и основательно. Частенько, до поздней ночи, горѣли у коекъ, подъ зелеными абажурами, свѣчи, готовившихся къ очередной репетиціи или къ экзамену... Какъ красивъ былъ колонный залъ-дортуаръ Царевой роты! Вотъ-передъ глазами мои — койка моего друга, фельдфебеля Ильина, а вотъ и моя — на флангѣ 1-аго взвода... Ясно вижу я своего ротнаго командира, капитана С. С. Никитана, всегда особенно подтянутаго и „тоннаго“ Кексгольца, — курсовыхъ офицеровъ — добродушнаго и милого „дядю Колю“, Астраханскаго Гренадера Шт. капитана Н. В. Лаврова, съ его пушистыми бакенбардами (такъ и слышу его голосъ: „бателка-а-а, — па-а-ру!“) и строгаго, но справедливаго и оставившаго по себѣ хорошую память, — Роменца, капитана В. И. Тимченко...

Вечерне досуги коротали мы въ училищной чайной, о памятнаго всѣмъ юнкерамъ того времени Усачева, — распивая чай съ филипповскими пирожками и уничтожая горячія сосиски...

Особенно хорошо жилось въ гренадерскомъ лагерѣ на Ходынкѣ! Вставали рано, уходили на съѣмки, купались въ „аквариумѣ“ производили строевныя и тактическія занятія, проходили курсъ срѣлбы, несли и наряды. Охотники по ночамъ уходили на занятія развѣдной, подъ руководствомъ Лейбъ-Эриванца-Гренадера Поручика Свистунъ-Ждановича и Туркестанскаго стрѣлка поручика Болотова.

Частенько веселились и танцевали въ лагерномъ собраніи „Кукушки“. Зимой 1905 г. пережили и смутное время первой революціи, октябрьскихъ свободъ и декабрьскаго возстанія, подавленнаго доблестными Семеновцами, Капорцами и Ла-

дожцама. Помню и ужасную смерть, растерзанного бомбой Каляева, Великого Князя Сергея Александровича; праху его ходили мы поклоняться въ Кремль . . .

24-аго Марта 1906 года, въ ясный и теплый весенний день, состоялось наше производство въ офицеры по Высочайшему Государя-Императора повелѣнію . . .

Можно-ли забыть этотъ день?! Впервые одѣгъ тотъ гвардейскій офицерскій мундиръ, который сталъ роднымъ на всю жизнь, къ которому подготовило родное училище Молебень у Иверской Божьей Матери, ужинъ въ „Прагѣ“ . . . Послѣдній училищный парадъ, послѣдній разъ слышится родной маршъ, послѣдній взглядъ на бѣлое зданіе „Пеликаномъ“, на милую Знаменку . . . Прощай училище, прощай Москва!! . . .

Прошло почти четверть вѣка со времени тѣхъ чудесныхъ дней . . . Годы мирной службы. Война. Революція. Гражданска междоусобица. Далекая чужбина . . .

Училище дало намъ очень много цѣннаго и полезнаго. Всѣ это мы стараемся бережно нести до самой могилы, охраняя чистоту нашего училищнаго бѣлоснѣжнаго погона съ вензелемъ Царя Освободителя Императора Александра II.

Д. Ходневъ.



Высочайше утвержденный знакъ Александровскаго Военнаго Училища 1909 году.

О празднованіи столѣтія А. В. У. въ Парижѣ.

Какъ и слѣдовало ожидать, группа Александровцевъ города Кинотанжъ присоединилась къ Парижской группѣ Александровцевъ. Для всѣхъ подготовительныхъ работъ къ юбилею въ Парижѣ выбрана особая коммисія подъ предсѣдательствомъ стараго Александровца, бывшаго Харьковскаго Губернатора. Е. Богдановича.

Начальникъ училища генераль Буровъ, вмѣстѣ съ предсѣдателемъ этой коммисіи, выработили программу празднованія юбилея въ Парижѣ, при чемъ перенесли самый день празднованія съ 6-аго (19-аго) Декабря на Воскресеніе 8-аго Декабря (21) этого года. (смотри „Возрожденіе № 1887“).

Юбилейная работа Софійской группы Александровцевъ.

Сборъ на „вѣнокъ-доску“ къ памятнику 1 го Державнаго Шефа А. В. Училища Императора Александра II идетъ успѣшно Александровцы широко откликнулись на призывъ своихъ однокашниковъ, находящихся въ Софії.

Юбилейная работа Варненской группы Александровцевъ.

Уже закончена „Таблица — памятка Александровца“ и съ нее сдѣланы фотографическія снимки. Стоимость снимка 15 лева

Также сдѣланъ снимокъ и съ группы Александровцевъ Варненцевъ; стоимость фотогра. снимка 15 лева.

Юбилейная работа Перниковской группы Александровцевъ.

Сдѣланы переснимки изъ жизни Александровскаго Военнаго училища ввидѣ открытокъ; каждая открытка 5 лева.

Юбилейное объединеніе Александровцевъ въ Брюссель.

Въ Бельгій — Александровцы Брюсселя образовали объединеніе, которое обмѣнялось братскимъ привѣтомъ съ объединеніемъ Парижанъ-Александровцевъ.

А. Курбатовъ.



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 33.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Сентябрь 1930 г.

Примѣръ любви къ своему родному гнѣзду.

(изъ воспоминаній Александровца В. Н. Смердова)

Въ 3 ротѣ Александровскаго Военнаго Училища въ 1902-3 году былъ юнкеръ Георгій Матвѣевичъ Широкинскій. Это былъ очень живой, симпатичный юноша, отлично учившейся и примѣрно дисциплинированный; въ старшемъ классѣ онъ былъ произведенъ въ старшіе портупей-юнкера. Въ концѣ года Широкинскій лишился послѣдняго званія и права выпуска въ Гвардію не за личные проступки, а за поведеніе юнкеровъ его звѣзда (въ то время портупей-юнкера и фельдфебеля училищъ еще не имѣли дисциплинарной власти надъ своими товарищами юнкерами). Казалось бы всё это должно было озлобить юнкера Широкинскаго, но въ дѣйствительности этого не произошло и ничто не поколебало любви юнкера Широкинскаго къ своему родному гнѣзду, что ярко сказалось въ слѣдующемъ тяжеломъ, но славномъ эпизодѣ.

Въ бою подъ Ляояномъ въ Русско-Японскую войну Подпоручикъ Широкинскій командовалъ ротой и былъ смертельно раненъ; окруженный солдатами своей роты, на вопросъ о его послѣднемъ желаніи, умирающій уже Широкинскій сказалъ: „когда кто-либо изъ васъ будетъ въ Москвѣ, то пусть передастъ моему родному Александровскому Военному Училищу глубокой привѣтъ“... И съ этими словами Подпоручикъ Широкинскій умеръ... Солдаты исполнили его просьбу и передали училищу послѣднее „прости“ доблестнаго Александровца.

Когда обо всемъ этомъ было донесено училищемъ Августѣйшему Главному Начальнику Военно Учебныхъ Заведеній Великому Князю Константину Константиновичу, то послѣдній изволилъ наложить слѣдующую резолюцію: „это гордость для училища“. Портретъ Широкинскаго былъ повѣшенъ во помѣщеніи 3 роты училища, а рапортъ съ надписью Великаго Князя, вмѣстѣ со стихами одного изъ товарищей Широкинскаго, посвященными ему, былъ помѣщенъ въ музей Александровскаго Военнаго Училища.

Вѣчная память Широкинскому, доблестному Александровцу такъ сильно любившему свое родное гнѣздо!



Жетонъ Александровскаго Военнаго Училища, бывшій въ училищѣ до Высочайшаго утвержденія старшинства училища съ 1830 г. и до утвержденія Нагруднаго Александровскаго знака въ 1909 году.

Подвигъ Александровца въ Великую Войну 1914-18.

„Подвиговъ нашихъ молва
Сказкой казарменной стала....“

(изъ письма Александровца М. Ярославцева)

Штабс-Капитанъ А. Ярославцевъ, по окончаніи Александровскаго Военнаго Училища 1-аго Декабря, 1914 года, былъ выпущенъ офицеромъ въ 76 пѣх. Запасный батальонъ, а затѣмъ ^{переведенъ} въ Октябрѣ слѣдующаго года, въ 68 Лейбъ пѣх. Бородинскій Императора Александра III полкъ. Въ то время этотъ полкъ находился на позиціи въ окопахъ у г. Иллуята и Ярославцевъ былъ назначенъ Командиромъ 1-ой роты и съ этою ротою принималъ дѣятельное участіе въ укрѣпленіи и въ оборонѣ позиціи

Въ двадцатые числаъ Декабря 1916 года нѣмцы неожиданно овладѣли островомъ Глаудонъ на рѣкѣ Двинѣ Командующій 5-ой Арміей Генералъ Драгамировъ приказалъ во что-бы то нистало вернуть островъ, для чего былъ составленъ отрядъ изъ находившихся въ томъ районѣ 8-ой и 14-ой Кавалерійской дивизіи и передвинутыхъ изъ-подъ Иллукаста 66 пѣх. Бутырскаго и 68 Лейбъ л. Бородинскаго полковъ. Вмѣстѣ съ тяжелыми батареями, весь этотъ отрядъ вошелъ въ подчиненіе генералу Толпыго.

23 Декабря, послѣ артиллерійской подготовки. Бутырцы атаковали нѣмцевъ на островѣ, но неудачно, такъ какъ нѣмцы успѣли хорошо укрѣпить островъ, подвели резервы и артиллерійскимъ огнемъ разбили ледъ на рѣкѣ. Черезъ нѣсколько дней сильный морозъ снова сковалъ льдомъ Двину и на 26 Декабря была назначена атака островъ Лейбъ-Бородинцами.

Въ 10¹/₂ часовъ утра наша артиллерія открыла огонь по острову и по противоположному берегу рѣки, а въ 11 ч. утра — первая и третья роты полка, подъ общимъ командованіемъ Поручика Ярославцева, бросились черезъ заготовленные проходы изъ окоповъ на ледъ. Нѣмцы тотчасъ же сосредоточили по атакующимъ огонь нѣсколькихъ батарей и изъ состава двухъ ротъ сразу-же убило убитыми и ранеными до трети бойцовъ наши остальные роты, расположенныя вдоль всего берега, содѣйствовали атакѣ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ. Ледъ отъ снарядовъ сталъ трескаться и много солдатъ потонуло но это не остановило храбрецовъ, которые добѣжали до острова, забросали нѣмцевъ ручными гранатами и съ Поручикомъ Ярославцевымъ ворвались въ укрѣпленіе; Въ короткой штыковой схваткѣ нѣмцы были опрокинуты, часть ихъ была перебита, а часть захвачена въ плѣнъ, Поручикъ Ярославцевъ немедленно по захватѣ острова укрѣпился на немъ и всѣ усилія нѣмцевъ вернуть островъ не привели ни къ чему; Въ ночь обѣ роты были смѣнены свѣжими частями. На островѣ Глаудонъ было захвачено пять пулеметовъ, нѣсколько бомбометовъ, много винтовокъ, патроновъ и другихъ трофеевъ, а солдаты подѣлили между собой рождественскія посылки, полученныя нѣмцами изъ Германіи къ празднику. Черезъ два дня Лейбъ-Бородинцы были возвращены на свою позицію у г. Иллукаста. За взятіе острова Глаудонъ поручикъ Ярославцевъ получилъ орденъ св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4 степени и былъ произведенъ въ Штабс-Капитаны. Объ этомъ славномъ боѣ было доложено Государю Императору, описаніе сраженія появилось въ газетахъ, а по рукамъ чиновъ V Арміи ходило слѣдующее стихотвореніе, написанное Подполк. артилл. Т., начинавшесся такъ:

„Есть островъ на Двинскомъ теченіи,
Тотъ островъ зовется Глаудонъ,
На-немъ, двадцать шестого, въ сраженіи
Урокъ былъ противнику данъ...“

Слава Александровцу — герою! . . .

А. Курбатовъ.

№ 34. Первые дни въ Александровскомъ Военномъ Училищѣ.



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 34.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Октябрь 1930 г.

1-ые дни въ Александровскомъ Военномъ Училищѣ въ 1888 году.

(изъ воспоминаніи Александровца І. Э. Агаркова).

Утромъ 29 Августа 1888 года группа кадетъ, окончившихъ Орловскій Бахтина Кадетскій Корпусъ, въ сопровожденіи ротнаго командира этого Корпуса Подполковника Максимовича, прибыла съ пассажирскимъ поѣздомъ въ Москву.

Тутъ, на Курскомъ вокзалѣ, всѣ кадеты, назначенные въ Александровское Военное Училище (тогда — 3 Военное Алекс Училище), высадились изъ поѣзда и на извозчикахъ отправились въ училище на Знаменку. Двое изъ кадетъ должны были захватить въ парикмахерскую для приведения себя въ „форменный“ видъ, т. е. остричь длинная волосы и сбрить неразрѣшаемая въ то время кадетамъ усы. Путь съ вокзала жел. дороги до Знаменки оказался мало интереснымъ, да и намъ было не до глазѣнія по сторонамъ, а всѣ наши мысли сосредоточились на училищѣ — куда мы ѣхали.

По прибытіи въ Училище, мы, оставивъ свои вещи въ швейцарской, были введены въ комнату-дежурнаго офицера, откуда были отправлены въ ротныя помѣщенія съ дежурными по ротамъ юнкерами. Спустя короткій промежутокъ времени мы были построены въ сборномъ залѣ училища, куда собрались командиръ баталіона училища, ротные командиры и курсовые офицеры младшихъ курсовъ (официальное названіе — „классовъ“, но въ то время вошло въ обыкновеніе названіе „курсовъ“).

Послѣ недолгаго ожиданія въ залъ вошелъ Начальникъ Училища Генераль Анчутинъ, который поздоровался съ нами и приступилъ къ распредѣленію насъ по ротамъ. Всѣхъ Орловцевъ, которыхъ въ Александровское Военное Училище попало до 35 человекъ, Начальникъ Училища распредѣлил такъ: первые четыре — въ 1-ую роту, вторые — въ 2-ую роту, слѣдующіе — 3-ую, потомъ — въ 4-ую, снова въ 1-ую и у. д. Я попалъ во 2-ую роту, т. е. по сторой наменклатурѣ, оставшейся отъ болѣе раннихъ временъ, когда это была не 2-ая, а 4-ая рота, въ которую отбирались по преимуществу борода тые юнкера (при Императорѣ Александрѣ II юнкерамъ разрѣшалось носить бороду, что при Императорѣ Александрѣ III было отмѣнено. Сейчас-же послѣ разбивки и по прибытіи въ роту, мы были отведены въ находящейся (этакимъ выше ротный цейхгаузъ, гдѣ молодцеватый каптенармусъ унт.-офицеръ Кострюлинъ принялъ отъ насъ наше кадетское обмундированіе и выдалъ намъ юнкерское бѣлье и обмундированіе; мой № бѣлья и обмундированія былъ 23. У этого же каптенармуса я, какъ и многие мои товарищи, купилъ колодки для высокихъ сапогъ, имѣвшихъ почти у всѣхъ юнкеровъ („собственные лаковые“). Такимъ образомъ свершилось наше переобмундированіе въ юнкерскій вицъмундиръ съ длинными брюками и короткими сапогами. Наша новая бытовая обстановка мало чѣмъ отличалась отъ того, къ чему мы привыкли въ корпусѣ, а потому наши переживания нельзя сравнить съ самочувствіемъ новобранца, вступившаго впервые въ казарму. Понравилось намъ право, какого мы не имѣли въ Корпусѣ, въ свободное время гулять на плацу и въ садикѣ училища; также была разница въ томъ, что мы могли свободно находиться въ помѣщеніяхъ почти всего училища и отъ насъ ротныя спальни не закрывались, какъ это дѣлалось въ Корпусѣ; отдыхъ послѣ обѣда, лежа на кровати, со снятыми сапогами, тоже былъ пріятной новинкой для насъ. Въ 4 часа дня, тѣмъ-же порядкомъ, какъ и въ Корпусѣ, мы были отведены строемъ по ротн, въ столовую на обѣдъ, гдѣ соблюдался совершенно тотъ-же церемоніаль въ отношеніи сигналовъ, молитвъ и раздачи блюдъ. Но обѣдъ былъ лучше Корпуснаго, хотя и въ Корпусѣ кормили не плохо, по тутъ былъ въ полномъ смыслѣ слова отличный обѣдъ; день былъ постный и на второе блюдо дали осетрину, а на третье — московскія коврижки съ чаемъ. Продовольствіемъ завѣдывалъ юнкеръ-артельщикъ со счетчикомъ отъ очередной роты подъ наблюденіемъ командира роты. (1-ой) На денное продовольствіе юнкера въ нормальные дни были от-

пускъ 25 коп., а въ дни лагеря, съёмокъ, маневровъ добавлялось $\frac{1}{10}$ коп. на человѣка.

Послѣ обѣденное время и остатокъ дня 29 Августа прошелъ какъ-то незаметно, а послѣвечерного чая, молитвы и переключки большинство изъ насъ — Орловцевъ легло спать, чтобы отдохнуть послѣ вѣды по желѣзной дороги.

30 Августа — второй день пребыванія въ Училищѣ — Царскій день, тезоименитствъ Императора Александра III Державнаго Шефа училища. Парада не было, такъ какъ юнкера старшаго класса еще не вернулись изъ отпуска и на лицо ихъ было, ничтожное количество, а новые юнкера только прибывали. Въ 10 ч. утра насъ строемъ, въ парадномъ формѣ, водили въ церковь училища; пѣлъ хоръ Знаменскаго, такъ какъ юнкерскій хоръ не былъ еще организованъ. Послѣ обѣда на квадратномъ училищномъ плацу, называемомъ „сахарой“, игралъ отличный училищный оркестръ. Помню я что играли: Увертю изъ Руслана и Людмила. Вальсъ Глинки. Тереодоръ и Андалуза, Попури изъ Риголетто 2-ая Венгерская рапсодія Листа и модный въ то время, вальсъ Дунайскія волны. Оркестръ А. В. У. былъ лучшимъ въ Москвѣ и въ немъ было много музыкантовъ, кончившихъ консерваторію; инструменты были самыя разнообразныя — габон, фаготы, англійскіе рожки, басъ-кларнеты и саксофоны. Въ продолженіи двухъ лѣтъ мы часто могли наслаждаться игрой этого оркестра; находившагося въ опытныхъ рукахъ капельмейстера Крейнбринга. И 30 Августа продолжали прибывать молодые юнкера, — прибыли Тифлиса, Полтавы, Воронежцы, Кіевляне, Оренбуржцы, Нижегородцы, Симбирцы, Псковичи и 2 кадета 1-аго Петербургскаго Корпуса, Прибывали изъ отпуска и юнкера старшаго класса, которымъ училище было уже хорошо знакомо. Начальство наше, командиръ моей роты Капитанъ Ключенко и нашъ курсовой офицеръ Шт.-Капитанъ Добронравовъ, а также курсовой офицеръ старшаго класса Капитанъ Страдовскій довольно часто посѣщали роту, но не до кучали насъ нравоученіями; Шт.-Капитанъ Добронравовъ съ перваго-же дня выдалъ намъ нѣсколько экземпляровъ книжки — „Инструкція для юнкеровъ 3 Военнаго Александровскаго училища; эта инструкція была и полезной и интересной, такъ какъ охватывала рѣшительно всѣ стороны быта юнкеровъ, а также содержала много полезныхъ совѣтовъ для первыхъ шаговъ въ офицерскомъ званіи.

31 Августа всѣ вновь прибывшіе были выстроены по ротамъ въ сборномъ залѣ и начальникъ училища лично произвелъ переключку, служившую, очевидно, повѣркою списковъ; каждый, услышавшій свою фамилію, долженъ былъ отвѣчать: „я, — такой-то роты“. Окончивши переключку, Начальникъ училища сказалъ краткую рѣчь, изъ которой помню одну только фразу: „вамъ здѣсь будетъ хорошо, такъ какъ хорошему человѣку вездѣ хорошо“. Въ тотъ-же день быстро организованъ внутренней порядокъ въ ротѣ, благодаря опытности ротнаго командира и курсовыхъ офицеровъ. По внутреннему управленію младшій курсъ нашей роты образовалъ 3 и 4 взвода, раздѣляя каждый на 2 отдѣленія. Я оказался въ 1 отдѣленіи 3-аго взвода; взводнымъ моимъ былъ юнкеръ Осбергъ, отдѣленнымъ — юнкеръ Тайцъ; сосѣдями моими по кровати оказались юнкеръ Блюмъ изъ 2 Московск. Кад. Корпуса и юнкеръ Потто изъ Оренб.-Неплюевск. Кад. Корп. 1 Сентября послѣ молебствія въ церкви передъ началомъ занятій и послѣ выдачи книгъ, начались какъ классныя, такъ и строевыя занятія. Какъ старшій классъ, такъ и младшій, раздѣлялись каждый на 6 классныхъ отдѣленій — приблизительно по 35 человѣкъ въ каждомъ 1, 2, 3 и 4 роты образовали 1, 2, 3 и 4 отдѣленія, а 5 и 6 отдѣленія были сборными; я попалъ въ 6-ое отдѣленіе — всѣхъ же юнкеровъ въ училищѣ было 407. На 3 дня былъ произведенъ медицинскій осмотръ, — очевидно во исполненіи статьи закона, требующей, чтобы каждый, поступающій на военную службу, былъ освидѣтельствованъ врачами. Во время этого осмотра командиръ баталіона Полковникъ Артабалеvскій, узнавъ изъ курсовыхъ списковъ, что я играю на флейтѣ и на контрабасѣ, зачислилъ меня въ струнный и духовой юнкерскіе оркестры.

Съ перваго-же дня всѣхъ вновьприбывшихъ, до присяги, которая была въ двадцатыхъ числахъ Сентября, именовали „прикомандированными воспитаниками кадетскихъ корпусовъ“, а послѣ присяги — мы стали именоваться юнкерами младшаго класса; на „неофициальномъ“ юнкерскомъ языкѣ мы, въ теченіи всего пребыванія на младшемъ курсѣ именовались „фароонами“, въ отличіе отъ „оберъ офицеровъ“ — юнкеровъ старшаго класса.

И только послѣ присяги, мы стали юнкерами рядового званія Александровскаго Военнаго училища.

Замѣтка стараго Александровца В. Смердова.

Въ № 33 Александровца, въ воспоминаніяхъ о. Г. М. Широкинскомъ, не помѣщено о томъ, что я, какъ курсовой офицеръ этого юнкера, считалъ своимъ долгомъ не забыть о его горячей любви къ родному училищу въ назиданіе нашей русской молодежи.

Генералъ Смердовъ

А. Курбатовъ.



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 35.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Ноябрь 1930 г.



„6 Декабря 1930 г.“

СТОЛЪТІЕ

АЛЕКСАНДРОВСКАГО ВОЕННАГО УЧИЛИЩА.



1830 — 1851 — 1863 — 1919 — 1930 г. г.

Листокъ „Александровецъ“ въ день Столѣтія родного для него Александровскаго Военнаго Училища и въ день своего скромнаго трехлѣтняго существованія, приноситъ всѣмъ Александровцамъ его горячій привѣтъ, сердечное поздравленіе и наилучшія пожеланія вмѣстѣ съ поздравленіемъ бывшаго Начальника А. В. Училища Генерала-Маіора Курбатова.



1. Знамя А. В. У. (1930 г.)
2. Здание А. В. У. въ Москвѣ.
3. 1-ый Державный Шефъ А. В. У. Императоръ Александръ II.
4. 2-й Державный Шефъ А. В. У. Императоръ Александръ III.
5. Державный Основатель А. В. У. Императоръ Николай I.
6. Историческія формы А. В. У. за 100 л.
7. Историческія формы А. В. У. за 50 л.
8. Нагрудный знакъ А. В. У.
9. Жетонъ А. В. У.
10. Верховный Главкомандующій Великаго Князь Николай Николаевичъ.
11. Основатель Добровольческой Арміи генералъ Алексѣевъ.
12. Серебряныя трубы, полученныя А. В. У.
13. Галлиполійскій знакъ.
14. Главкомандующій Добровольческой Арміей генералъ Деникинъ.
15. Главкомандующій Русской Арміей генералъ Врангель.
16. Предсѣдатель Р. О. В. С. генералъ Кутеповъ.

Поздравленіе Училищу.

**„Ура“ — Училищу родному
И тѣмъ, кто славу ему далъ!
„Ура“ и юнкеру лихому
И тѣмъ, кто вновь его собралъ!**

А. К.

Декабрь № 36. Празднованіе столѣтія А. В. У.

А Курбатовъ.



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 36.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Декабрь 1930 г.

Столѣтній юбилей Александровскаго Военнаго Училища.

(Изъ письма старѣйшаго по выпуску изъ А. В. У. юнкера-Александровца дѣйств. ст. совѣтн. М. Раковского).

Нашъ юбилей всего меня повернулъ лицомъ къ далекому прошлому, а въ данную минуту я весь полонъ воспоминаніями. Дунаю, что и многимъ Александровцамъ небезъинтересно было-бы вмѣстѣ со мной оглянуться далеко назадъ и посмотрѣть, какъ вытѣдѣла наша воспитательница-мать 60 лѣтъ тому назадъ. Но я не въ правѣ злоупотреблять вниманіемъ многолюднаго (вѣроятно) юбилейнаго собранія, а потому всѣ дальнѣйшія строки передаю на полное Ваше усмотрѣніе.

Въ 1871 году я изъ Кіевской Военной Гимназіи перешелъ въ Александровское Военное Училище. Въ 1873 г. я былъ выпущенъ подпоручикомъ въ 5-ый Гренадерскій Евскій полкъ. Съ полкомъ я отбылъ всю турецкую кампанію 1877-78 г. г. Вскорѣ послѣ войны я вынужденъ былъ по болѣзни оставить военную службу. Черезъ годъ я оправился и поступилъ на службу въ министерство юстиціи, гдѣ прослужилъ безъ перерыва 33 года. Гражданская служба ничуть не ослабила моихъ огромныхъ симпатій ко всему военному. Даже теперь, въ изгнаніи, я улавливаю въ зарубежныхъ газетахъ каждую строчку о русскихъ военныхъ организаціяхъ за границей. Но довольно о себѣ... Перехожу къ воспоминаніямъ объ Александровскомъ Военномъ Училищѣ.

Всю жизнь училища свѣтлымъ лучомъ пронизывала какая-то безпредѣльная любовь къ нашему Державному Шефу Императору Александру II. Въ этомъ отношеніи, какъ-то не было ни старшихъ, ни младшихъ, ни худшихъ, ни лучшихъ, всѣ были равны. До глубокой старости я не могу забыть счастливыхъ настроеній, вызываемыхъ въ насъ Высочайшимъ смотромъ. При мнѣ ихъ было два. Эти событія никакого страха и ни малѣйшаго смущенія никому не внушали. Напротивъ, всѣ наши офицеры и поголовно всѣ юнкера готовились къ нимъ, какъ къ величайшему празднику. Выражалось это необычайнымъ оживленіемъ, читалось по нашимъ глазамъ, по краскамъ на молодыхъ лицахъ. Мы впередъ знали, вѣрнѣе — надѣялись, что Государь подаритъ насъ Своимъ милостивымъ словомъ. Мы умомъ рѣшали и сердцемъ чувствовали, что нашъ Государь для всѣхъ отецъ всемилостивѣйшій! А сколько нескончаемыхъ, духъ захватывающихъ разговоровъ было потомъ, послѣ смотровъ; сколько разъ повторялось каждое смешанное нами Царское слово и всѣ съ такимъ подъемомъ, энтузіазмомъ и одушевленіемъ, что казалось, только и есть счастье на свѣтѣ — умереть за своего Государя. Хорошее, чудное было молодое время!...

Самые высокіе идеалы любви, правды и справедливости неразрывно связывались въ душѣ со священной личностью Государя А-ужъ поскольку мы были покорены, очарованы Его вѣщностью: лицемъ, чутъ картавымъ голосомъ, всей Его фигурой и какъ восторженно счастливы мы были видѣть своего Вѣнценоснаго Шефа, все это передать и выразить трудно... Много легче было сознавать и чувствовать... По возрасту я чуть-ли не на краю могилы, вся жизнь осталась уже позади, а я до сихъ поръ храню благодарную память о моихъ воспитателяхъ — патріотахъ въ военныхъ гимназіяхъ и въ военныхъ училищахъ.

Хорошо мнѣ было съ моими чувствами!...

Мое время въ училищѣ кажется мнѣ развѣтомъ этого военно-учебнаго званія, а само училище — привилегированнымъ. Въ ряду нашихъ преподавателей были представители академической Москвы, какъ профессора Ключевскій, Боголюбовъ, Белецкий и др. Несомнѣнно, такой персоналъ нѣтолько способствовалъ общему результату и привлекалъ особое вниманіе слушателей къ читаемымъ предметамъ. На лекціяхъ Ключевского, къ примѣру, вся аудиторія буквально замирала, всѣ глаза впаивались въ профессора, не упускалось ни одно слово. Да и послѣ лекціи впечатлѣнія не терялись. Юнкеры собирались въ маленькія группы, спорили, обсуждали, комментировали, дополняли правяли собственныя записи. Вообще, должно отмѣтить, вопросъ просвѣщенія въ училищѣ поставленъ былъ хорошо.

Была у насъ своя собственная библіотека подъ скромнымъ титуломъ читальни. Въ нашемъ распоряженіи были русскіе классики, лучшая беллетристика. 5 или 6 разъ журналовъ и нѣсколько газетъ. Читальни юнкера очень охотно и читальня въ свободное время была всегда переполнена. А поскольку мы интересовались литературой — свидѣствуетъ о томъ такъ называвшійся „очередной листъ“. Въ то время въ „Русскомъ Еженедѣльникѣ“ печаталась по частямъ „Анна Каренина“ и охотниковъ до нея оказывалось много, что побуждало установить очередь. Въ одной изъ ротъ создавалось нѣчто въ родѣ маленькаго литературнаго кружка; во главѣ стояли два бывшихъ воспитанника 2 М. Военной гимназіи, одинъ Кіевлянинъ и одинъ Полочанинъ. — онъ же поэтъ. Въ рукописномъ изданіи этого кружка, подъ заголовкомъ „Досугъ“, описывались преимущественно выдающіеся моменты училищной жизни. Въ этихъ статейкахъ ничего ѣдкаго, кого нибудь задѣвающаго не было; наше начальство почти не фигурировало, а если и случалось, всегда въ такихъ тонахъ сдержанныхъ и внѣ всякой критики. То что сохранилось въ архивѣ отъ этой литературы производитъ впечатлѣніе простыхъ попытокъ болѣе или менѣе образно переводить свои мысли на бушагу. Стихи попадались совсѣмъ недурные. Нѣкоторые доморощенные поэтъ специализировался на акростахахъ и эпиграмахъ, но случалось, увлекался и темами отвлеченнаго характера. Подпись одного изъ сотрудниковъ „Досуга“ встрѣчалъ впоследствии подъ бойкими статьями „Историческаго Вѣстника“ и „Русскаго Архива“ 80-хъ и 90-хъ годовъ. Кто знаетъ, не были ли наши скромные литераторы преемниками такого крупнаго таланта, какъ. Ал. Ив. Купринъ. Не училищу, конечно, Купринъ обязанъ развитіемъ своихъ дарованій, но всё-таки, въ его лицѣ остается лютное укрѣпленіе на то, что и въ военно-учебныхъ заведеніяхъ истинные задатки творчества и широкаго мышленія не умирали.

Учились мы толково и добросовѣстно. Требования были большія однако. Въ высшемъ разрядѣ при выпускѣ попадало только 80%. Были, разумеется, и совсѣмъ неуспѣшныя, — очень грустно вспомнить о нихъ. Назывались они „декабристами“ потому, въ Декабрѣ, послѣ повѣрочныхъ испытаній, они отчислялись обыкновенно въ окружные юнкерскія училища.

Въ фронтовомъ отношеніи мы тоже, кажется, въ грязь лицомъ никогда не ударялись. Послѣ одного смотра командующій войсками Генераль Адъютантъ А. И. Гильденштраубъ сказалъ Начальнику училища генералу Маіору Шванебаху, что училище всегда на видъ мѣстѣ въ округѣ, что всегда оно выше всякихъ похвалъ. Заслуга эта всецѣло принадлежала баталіонному командиру полковнику Гр. Вас. Крюкову (Полк. Л. Гв. Егерскаго полка въ послѣдствіи корп. командиръ); это былъ умный, живой, сердечный, всѣми любимый, чалычъ; жизнерадостный, всегда веселый. Онъ умѣлъ какъ то особенно заинтересовать юнкеровъ фронтомъ, пріохотить къ нему. Никакія ученія не вызывали въ насъ никакихъ настроеній; Навротивъ роты, вступая въ соревнованіе, сравнивались и прогрессировали. Зимой у насъ шла подготовка къ лѣту а лѣтомъ какъ у всѣхъ, наступала „страдная пора“. Но и зимой бывали общія ученія, смотры и парады въ большомъ числѣ на Моховой.

Всѣ наши офицеры были изъ Гвардіи, всѣ съ академическимъ значкомъ, между прочимъ, два гвардейскіхъ артиллериста и одинъ гвардейскій саперъ. Большинство изъ нихъ преподавало военные предметы или репетировало практическія занятія. Всѣ сохраняли формы своихъ частей. Въ строю и вообще въ служебныхъ отношеніяхъ чувствовалась строгая дисциплина, но это нисколько не мѣшало корректному отношенію офицеровъ къ юнкерамъ. Я никогда не слыхалъ грубаго слова и очень рѣдко — повышеннаго голоса. Былъ у насъ одинъ офицеръ, любимый нами, общительный и очень остроумный, подъ кличкой „Фонтанъ“; къ сожалѣнію, онъ бывалъ часто фамильяренъ съ юнкерами и это послужило поводомъ къ его отчисленію отъ училища.

Жилось въ училищѣ хорошо, весело, беззаботно. Содержались мы, во всѣхъ отношеніяхъ, прекрасно. — полное изобиліе во всемъ. Если вопросъ объ успѣхахъ въ наукѣ былъ въ порядкѣ, то и вся остальная жизнь въ училищѣ протекала и интересовала и быстро.

Изъ всѣхъ нашихъ удовольствій и развлеченій внѣ стѣнъ училища, мы больше всего любили Малый театръ. Затѣмъ-неравнодушии мы были къ нервѣдкимъ приглашеніямъ на балы во всѣ Московскіе Институты. Я, какъ и многіе юнкера, почти всѣ свои личные капиталы расходовалъ на театръ. Мы хорошо были знакомы съ репертуаромъ того времени и „помолодому“ увлекались знаменитостями Московской сцены — какъ живые сейчасъ они въ моей памяти! Институтскія-же знакомства способствовали — порой сильному биенію сердца, а иногда мѣшали даже заниматься дѣломъ. Какъ дороги и эти воспоминанія . . . за ними тоже спряталась золотая пора жизни!..

Я, кажется, никогда не кончилъ бы моихъ воспоминаній; какъ на экранѣ кинематографа встаютъ одна за другой незабываемыя картины! . . . Но я уже не въ силахъ дать олю своей словоохотливости, и глаза, и руки отказываютъ мнѣ въ услугахъ, претендуя на безоглагательный отдыхъ. Но я не успѣлъ еще отдать отчетъ въ нравственномъ — громадномъ авторитетѣ Начальника училища, не успѣлъ отдать должное всему нашему командному персоналу, оставившимъ по себѣ очень хорошую память. О комъ-бы я не вспомнилъ сейчасъ, я вижу въ каждомъ бравомъ офицера и эlegantнаго джентльмена. Военная выправка и на ряду съ ней, выдержка и изящныя манеры не уступали другъ другу. Глядя на своихъ блестящихъ офицеровъ, юнкера учились, перенимали, отставали отъ рѣзкихъ привычекъ и сами становились „молодцами“ въ строю и хорошо воспитанными въ жизни. Недаромъ, можетъ быть, нашъ Начальникъ Училища всегда говорилъ: мой юнкеръ — примѣръ всѣмъ прочимъ“.

Однако довольно . . . Надо кончать . . .

И безъ того мои маленькія замѣтки вышли длиннѣ намѣченнаго . . .

А видна-ли въ нихъ часть моей души? Судить объ этомъ не мнѣ! . . .

Италія Миланъ. Декабрь 1930 г.

М. Раковскій

А. Курбатовъ.

№ 37 Январь 1931 г. Столѣтіе А. В. Училища.



Болгарія. Варна. Курбатову

Поздравляю столѣтіемъ Александровскаго
Военнаго Училища.

Приказомъ отъ 6 Декабря вы зачислены
въ списки училища.

ГЕНЕРАЛЪ МИЛЛЕРЪ

Парижъ 21 Декабря 1930 г.

STATE OF TEXAS



1881

1881



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 37.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Январь 1931 г.

Съ Новымъ Годомъ!

Да благословитъ Господь наступившій 1931 г., да подастъ Онъ намъ великую радость — увидѣть возрожденіе нашей Родины Россіи!

Цѣль листка „Александровецъ“.

Вступая въ 4-й годъ своего существованія, листокъ „Александровецъ“ долженъ сказать — измѣнилась-ли цѣль его изданія, а также — что достигнуто имъ въ теченіи 3-хъ лѣтъ:

1 и 2) Цѣль ознакомленія молодыхъ Александровцевъ съ прошлымъ А. В. У., а также — ознакомленіе старыхъ Александровцевъ съ дѣятельностью Училища послѣ его возсозданіе въ Добр. Арміи, частично достигнута

3) Объединеніе на общихъ національныхъ началахъ всѣхъ Александровцевъ — также можно считать достигнутымъ, что ясно сказалось на празднованіи Столѣтія А.В.У. На этомъ юбилеѣ были и старые и молодые Александровцы, объединенные общей горячей любовью къ своему Столѣтнему гнѣзду; на юбилеѣ-же была подчеркнута великая любовь Александровцевъ къ своей Родинѣ — Россіи. А прошлое родного гнѣзда, въ старое время и въ послѣдніе годы, было дѣйствительно славнымъ и достойнымъ.

Заслуга листка „Александровецъ“ въ этомъ отношеніи состояла въ томъ, что онъ, на своихъ скромныхъ страницахъ „будилъ“ Александровцевъ и имъ напоминалъ о предстоящемъ юбилеѣ родного гнѣзда.

4. Что касается собиранія свѣдѣній объ Александровцахъ, то и это надо считать достигнутымъ, такъ какъ на призывъ откликнулись Александровцы „зарубежія“, начиная съ 1869 года и кончая послѣднихъ выпусковъ 1922 года (т. е. болѣе чѣмъ 50-ти лѣтъ).

Въ память столѣтняго юбилея А. В. У., листокъ „Александровецъ“ въ дальнѣйшемъ будетъ выходить уже на цѣломъ листѣ; средства найдутся на это маленькое расширеніе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ „Александровецъ“ ставитъ впереди единственную „свѣтлую точку“, а именно: жить для Россіи, для Ея возрожденія, чтобы увидѣть и родныя стѣны Александровскаго Военнаго Училища въ Москвѣ на Знаменкѣ

„Безъ хлѣбопековъ, квартирьеровъ,
Я васъ прошу — хоть гдѣ нибудь
Значки разставить жалонеровъ,
Чтобъ шагъ былъ твердъ и вѣренъ путь.“

Редакція.



Празднованіе Столѣтія А. В. У. въ Парижѣ.

(Изъ письма Александровца Ф. А. Иванова)

Празднованіе столѣтняго юбилея А. В. У. въ Парижѣ, въ этомъ главномъ центръ русской эмиграціи и „Р. О. В. С.“, было перенесено на 21 Декабря 1930 года, т. е. 1 Воскресеніе, когда большинство Александровцевъ свободно отъ различныхъ работъ. Само празднованіе было въ очень скромной, но торжественной обстановкѣ.

Въ 4 часа дня 21 Декабря въ помѣщеніи Союза Галлиполійцевъ, въ залѣ, украшенномъ національными флагами и отличнымъ портретомъ Императора Александра I охотно предоставленнымъ Александровцамъ музеемъ Л. Гв. Казаховъ полка, передъ я лоємъ; настоятелемъ походной церкви Галлиполійцевъ протоіереемъ Бирюковымъ былъ отслуженъ молебенъ съ провозглашеніемъ многолѣтія Александровцамъ „по всему міру разсѣяннымъ и вѣчной памяти Державиннымъ основателю и Шефамъ А, В. У., всѣмъ служившимъ, учившимся и учившимъ въ немъ, убиеннымъ, умученнымъ и въ мірѣ скончавшимся“.

Къ началу молебствія собралось всё начальство, много старыхъ Александровцевъ и конечно, вся молодежь возрожденнаго Училища. Среди присутствующихъ лицъ были Генералъ Миллеръ. Вице-адмиралъ Кедровъ, Ген. Шатиловъ, Ген. Гулевичъ, Ген. Репьевъ, Ген. Фокъ, Ген. Ноксъ: ген. Пенца, генераль Буровъ, ген. шт. полковникъ Соколовскій и мн. другихъ. Послѣ молебена, въ этомъ-же залѣ за большимъ столомъ покрытымъ зеленымъ сукномъ, подъ почетнымъ предсѣдательствомъ генерала Миллеръ, было открыто торжественное засѣданіе, посвященное юбилею Училища. Генераль Миллеръ привѣтствовалъ Училище столѣтнимъ юбилеемъ: началъ свою рѣчь съ того, что объявилъ о подписаніи имъ и посланнымъ уже генералу-маіору Курбатову приказа о зачисленіи его въ списки Александровскаго Военнаго Училища, которое, благодаря возсозданію въ Добр. Арміи почти непрерывало своего существованія въ теченіи ста лѣтъ. Закончивъ свою рѣчь, генераль Миллеръ передалъ предсѣдательствованіе старшему Александровцу выпуска 1868—1870 г. генералу Луджевскому, соподвижнику генерала Скобелева и его адъютанту. Генераль Луджевскій, очень дряхлый старичекъ, съ радостью дѣлится своими воспоминаніями объ Училищѣ, главнымъ образомъ о томъ, какъ при немъ проводилась Милютинская программа: дать юнкерамъ Военныхъ Училищъ побольше знаний.

Послѣ предсѣдателя — старика говорилъ Начальникъ Училища генераль-маіоръ Буровъ, который далъ скатый историческій очеркъ возрожденнаго Училища и привѣтствовалъ отъ его имени старыхъ Александровцевъ. Затѣмъ слѣдовало привѣтствіе отъ старыхъ Александровцевъ, сказанное дѣйств. ст. сов. Е. А. Богдановичемъ, въ которомъ было подчеркнуто — „будущее — молодежи“. Далѣе — генераль Репьевъ приноситъ поздравленія отъ Галлиполійцевъ, вспомянувъ генерала Кутепова, основателя О-ва Галлиполійцевъ и напоминая о томъ, что послѣдній во многихъ случаяхъ опирался въ Галлиполи на Военнаго Училища. За генераломъ Репьевымъ говоритъ Полковникъ Соколовскій, который привѣтствуетъ А В У, отъ имени Кіевского Константиновскаго Военнаго Училища. За привѣтомъ Константиновцевъ слѣдуетъ привѣтъ Одесскаго Военнаго Училища. Капитанъ Орѣховъ привѣтствуетъ отъ журнала „Часовой“, генераль Миллеръ — отъ имени Николаевскаго Кавалерійскаго Училища. Е. А. Богдановичъ, указывая на цѣлую пачку полученныхъ имъ привѣтствій, говоритъ, что не въ состояніи ихъ всѣхъ прочесть тутъ на засѣданіи, но всё-же читаетъ поздравленія генерала Курбатова, а также — генерала Смердова изъ Варны.

Далѣе говоритъ очень красиво и торжественно генераль Гулевичъ, старый Александровецъ; въ его рѣчи говорится объ исторіи стараго и возсозданнаго А. В. У., а также объ эпохѣ генерала Самохвалова при которомъ онъ былъ юнкеромъ, и о разумномъ сочетаніи воинской дисциплины съ интеллектуальнымъ развитіемъ и воспитаніемъ, которыми были въ училищѣ.

Генераль Буровъ говоритъ о той необычайной обстановкѣ, которой онъ былъ свидѣтелемъ въ Училищѣ въ Галлиполи какъ преподаватель, а затѣмъ какъ Начальникъ Училища.

Генераль Саранчевъ, старый Александровецъ, дѣлится своими воспоминаніями какъ фельдфебель 4-ой роты.

Генераль Миллеръ резюмируетъ все сказанное и закрываетъ засѣданіе.

Маленькій перерывъ, — накрываютъ столы для чая, которы ставятъ покоемъ; на столахъ чай, фрукты, печенія, вино. Всѣ садятся за столъ. Гв. Полковникъ Гончаровъ стоя, дѣлится своими воспоминаніями о празднованіи 50 лѣтія Училища въ Москвѣ; онъ былъ тогда дежурнымъ по Училищу офицеромъ и ярко помнитъ торжества юбилея. Говоритъ и предсѣдатель Объединенія Александровцевъ въ Парижѣ Е. А. Богдановичъ, а послѣ него старый Александровецъ А. В. Курпринъ. Послѣдній заявляетъ „что всё что онъ могъ онъ сказалъ уже въ своемъ романѣ „Юнкера“, который на дняхъ выйдетъ изъ печати отдѣльной книжкой, вмѣстѣ съ этимъ онъ даетъ картину быта Училища его времени и особенно, дня производства въ офицеры.“

Рѣчи постепенно смолкаютъ и разговоры группами, по выпускамъ, становятся всё болѣе и болѣе оживленными. Такие воспоминанія о прошломъ долго не позволяютъ Александровцамъ покинуть залъ . . .

Они вспоминаютъ минувшіе дни

И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубилсь они . . .

Много теплоты, подъема было въ этомъ скромномъ празднованіи Столѣтія А.В.У.

Въ тотъ же день, вечеромъ, въ ресторанѣ „Метрополь“ группа Александровцевъ кадра Училища, во главѣ съ Начальникомъ Училища генераломъ Буровымъ, устроила товарищескій ужинъ, чѣмъ и былъ законченъ этотъ юбилейный день
Э. Ивановъ



Приказъ

Русскому Обще Воинскому Союзу.

г. Парижъ. № 60.

6/19 Декабря 1930 г.

6/19 сего Декабря Александровское Военное Училище, согласно Высочайше утвержденного старшинства, празднуетъ свой столѣтній юбилей.

Возстановленное въ періодъ вооруженной борьбы на югѣ Россіи. Александровское Военное Училище во многомъ обязано своему первому, по возстановленіи, Начальнику — генералъ-маіору Курбатову, прослужившему въ Училищѣ еще въ мирное время 12 лѣтъ на должности ротнаго командира и преподавателя Топографіи и Топографическаго черченія.

Генералъ-маіоръ Курбатовъ и здѣсь, на чужбинѣ, отдаетъ своему родному Училищу свои силы и время, призывая бывшихъ Александровцевъ къ объединенію и заботясь о сборѣ матеріаловъ по Исторіи Училища, давшаго Россіи столько доблестныхъ офицеровъ.

Генералъ-маіора Курбатова, въ воздаяніе его заслугъ, зачисляю въ списки Александровскаго Военнаго, нынѣ генерала Алексѣева, Училища въ день его столѣтняго юбилея.

П. п. Генералъ Миллеръ

Скрѣпилъ и вѣрно. Генералъ-лейтенантъ Стоговъ

30 Декабря 1930 г.

№ 592

г. Парижъ.

Глубокоуважаемый Алексѣй Александровичъ,

Въ дополненіе къ телеграммѣ отъ 21 Декабря, посылаю Вамъ мой приказъ отъ 6/19 Декабря за № 60, коимъ Вы зачисляетесь въ списки Александровскаго Военнаго, нынѣ генерала Алексѣева, Училища, надъ возсозданіемъ котораго въ тяжелые годы гражданской войны Вы такъ много и такъ плодотворно потрудились.

Сознаніе исполненнаго долга и любовь къ Вамъ Вашихъ воспитанниковъ, во главѣ съ теперешнимъ Начальникомъ Училища — генералъ-маіоромъ Буровымъ, которыя и побудили меня отмѣтить Ваши заслуги — да будутъ Вамъ самыми цѣнными наградами, такъ крашивающими нашу нелегкую жизнь.

Приложеніе: Приказъ № 60.

Искренно уважающей Васъ Е. Миллеръ

На страницахъ листка „Александровецъ“, принося самую сердечную и глубокую благодарность за ту честь, которая оказана мнѣ зачисленіемъ въ ряды славныхъ Александровцевъ, я общаюсь и впредь честно служить своей Родинѣ — Россіи, въ чемъ да поможетъ мнѣ Господь — Богъ! . . .

Алексѣй Курбатовъ

№ 38. Февраль. Празднованіе Столѣтія А. В. У. въ Софій.





„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 38.

ЕЖЕМЯСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Февраль 1931 г.

Празднованіе столѣтія А. В. У. въ Софiи.

Какъ и въ Парижѣ, празднованіе столѣтія Александровскаго Военнаго училища было перенесено въ Софiи на 21 Декабря т. е. на ближайшій воскресный день. Къ этому дню въ столицу Болгаріи пріѣхало „изъ провинціи“ много Александровцевъ: изъ Варны пріѣхали генералы Курбатовъ и Смердовъ, два бывшіе ротные командиры А. В. У.; особенно много пріѣхало Александровцевъ изъ Перника, во главѣ съ генералами Любимовимъ, Карабановимъ, Булюбашъ. Докукинмъ Благодаря тому, что въ Софiи есть Александровцы — болгары, генераламъ Курбатову и Смердову былъ предоставленъ доровой проѣздъ въ Софiю и обратно, а также хорошей номеръ въ Болгарскомъ Военномъ Собраніи; этому способствовали — старій другъ русскимъ генераль Лазаревъ и Начальникъ Гарнизона Софiи генераль Жековъ, а также Маіоръ Н Николаевъ, бывшій Александровецъ. Пріѣзжающихъ почетыхъ гостей на вокзалѣ желѣзной дороги встрѣчали члены распорядительной — юбилейной комиссіи, во главѣ съ предѣдателемъ Софійскаго Александровскаго объединенія Полковникомъ Хаминимъ. Въ самый день празднованія столѣтія А. В. У., въ красивой посольской церкви, въ 11 часовъ утра было отслужено торжественное молебствіе епископомъ Серафимомъ въ сослуженіи священника А. В. У. протоіерея Гончарова и другого русскаго духовенства. Во время богослуженія у алтаря были размѣщены доска-вѣнокъ и вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ, предназначенные для возложенія къ подножію Памятника Императора Александра II въ Софiи.

На молебствіи присутствовали старые и молодые Александровцы, во главѣ съ генераль лейтенантомъ Абрамовимъ — Александровцемъ выпуска 1890 года. Передъ молебствіемъ протоіерей Гончаровъ сказалъ — теплое и душевное слово, въ которомъ подчеркнул честную службу Александровецъ Царю и Родинѣ въ теченіи столѣтій, а также упомянулъ о той любви, которая была, есть и будетъ у Александровцевъ къ своему родному гнѣзду!

По окончаніи молебствія, Александровцы, съ несомыми вѣнками, прослѣдовали по главной улицѣ Софiи къ Памятнику своего 1-аго Державнаго Шефа Императора Александра II. У самага памятника, съ обнаженными головами, Александровцы возложили вѣнки, при чемъ старѣйшій Александровецъ генераль-лейтенантъ Жновъ сказалъ короткое слово; этотъ моментъ торжества былъ запечатлѣнъ фотографическими снимками. Воскресный день, хорошей морозный день способствовали этой части Александровскаго торжества.

Послѣ возложенія вѣнковъ, Александровцы и ихъ гости перешли въ помѣщеніе Посольскаго дома, гдѣ, въ кабинетѣ предѣдателя II отдѣла Р. О. В. С. генерала Абрамова, пробыви до того момента, когда изъ Русскаго Собранія дали знать, что тамъ всё готово для торжественнаго обѣда. Въ Посольскомъ домѣ всѣ собравшіеся разсматривали какъ самый русскій-воинскій музей, такъ и юбилейную доску-вѣнокъ, а также юбилейные альбомы Александровцевъ, привезенные съ собой изъ Варны генераломъ Курбатовомъ. Въ 1 часъ дня, подъ звуки марша, Александровцы вошли въ залъ, разукрашенный цвѣтами, портретами, флагами и другими украшениями, среди которыхъ выдѣлялся отлично исполненный Александровскій нагрудный знакъ большого размѣра. Тутъ-же, на отдѣльномъ столѣ были помѣщены доска-вѣнокъ, возложенный къ Памятнику Императора Александра II; эта доска-вѣнокъ, мастерски выполненный однимъ русскимъ, живущимъ въ Софiи, будетъ помѣщенъ въ музей А. В. У. при возвращеніи училища въ Москву на Знаменку.

Столъ, на 75 кувертовъ стоявший „покоемъ“, былъ накрытъ бѣлоснѣжной скатертью и украшенъ живыми цвѣтами (цикламенъ) подобранными по цвѣту Александровскаго погона и околыша безкозырки т. е. бѣлыми и ярко красными; Среди присутствующихъ были Александровцы разныхъ выпусковъ, начиная съ 1884 года и кончая — послѣд-

нимъ 1923 года. Всѣ присутствующіе разписались на отдѣльных листѣхъ бумаги, что остался слѣдъ празднованія столѣтія А. В. У.; Александровцы были слѣдующихъ выпусковъ: Подпол. К. Гофманъ — 1884, ген.-лейт. Жновъ — 1885, генер.-майоръ Любимовъ 1887 г., ген.-лейт. Абрамовъ и Полковникъ Потто — 1890 г., генер.-майоръ Смердовъ, ген.-майоръ Карабановъ — 1891 г.; дальѣ идуть выпуски съ 1902 года: Генералъ-майоръ Докукинъ и Полковникъ Хаминъ — 1902 г., Капитанъ Федоровъ — 1903 г., Полковникъ Вайсбахъ, майоръ Николаевъ, Ротмистръ Арцабашевъ — 1908 г., Полковникъ кн. Химшевъ — 1909 г., Полковникъ Ген. Штаба Ясевичъ — 1908 г., Капитаны Пославскій и Лавринъ — 1913 г., полковникъ Фишеръ — 1914 г., Капитаны Назаровъ и Потанинъ — 1914 г., Ротмистръ Таранкевичъ — 1915 г., Поручикъ Коцюба и Прапорщ. Кочергина. Часова 1917 и затѣмъ слѣдуютъ выпуски уже возсозданнаго А. В. У., начиная съ 1919 года по 1923 годъ.

Изъ бывшихъ служащихъ въ училищѣ были: бывший Начальникъ А. В. Училища Генералъ-майоръ Курбаговъ, Штатный преподаватель А. В. У. генералъ-майоръ Булюбащъ, Шт. Капитанъ артиллеріи Федосѣевъ, Ген.-Шт. Полковникъ Егоровъ, законоучителіи Протоіерей Гончаровъ, Губ. Секр. Левякинъ и Козырскій. Изъ приглашенныхъ были: Генер.-Лейт. Бредовъ, Генералъ-майоры Черноглазовъ, Бредовъ, Туркулъ, Термень и другіе. Отъ всѣхъ Военныхъ училищъ, возродившихся въ Добръ Арміи, были представители. Въ 1¼ часовъ дня генералъ Абрамовъ занялъ мѣсто посреди стола, а около него сѣли старѣйшіе Александровцы и почѣтныя гости: всѣ Александровцы сѣли по выпускамъ и послѣ пропѣтой молитвы, генералъ Абрамовъ провозгласилъ первый тостъ за Державнаго Хозяина Болгаріи Его Величество Царя Бориса III; громкое и единодушное „ура“ слѣдовало за этимъ тостомъ. Затѣмъ генералъ Абрамовъ передалъ предсѣдательствованіе за обѣдомъ старѣйшему Александровцу Подполковнику Гофману, который, въ свою очередь передалъ предсѣдательствованіе генералу-лейтенанту Жнову.

Меню обѣда было слѣдующее: холодныя и горячія закуски, бульонъ съ пирожками, телятина съ салатомъ, кремъ и кофе.

Во время перваго блюда генералъ Жновъ провозгласилъ тостъ за столѣтній юбилей — за Александровское Военное Училище. Новое „ура“ раздалось въ залѣ Русскаго Собранія!.. Затѣмъ предсѣдатель Объединенія Александровцевъ въ Софіи Полковникъ Хаминъ прочелъ поздравленіе старѣйшаго Александровца. — выпуска 1870 года. М. Раковского, полученное имъ изъ Италіи:

„Привѣтствіе“.

Сто лѣтъ Александровскому Военному Училищу!.. Мало словъ въ этомъ восклицаніи, но какъ много въ немъ волнующихъ мыслей, хорошихъ чувствъ и впечатлѣній! Вѣковой срокъ, срокъ памятный отъ дѣдовъ вплоть до внуковъ!

Однако, и на такихъ дистанціяхъ, всѣ мы близки другъ-другу, всѣмъ одинаково дорога честь и добрая слава роднаго училища... Будемъ надѣяться и будемъ вѣрить, что и въ будущемъ нашъ вѣковой разсидникъ военной доблести и военныхъ знаний останется гордостью русскаго войска, неизмѣннымъ и вѣрнымъ слугою Родины..

Тысячи Александровцевъ сложили головы на войнахъ, убиты въ зстѣнкахъ, озвѣрѣвшими палачами, но столѣтнія традиціи при насъ остались... Мы не отдадимъ ихъ ни за какую цѣну и передадимъ ихъ потомству!.

Столѣтіе училища — это исключительный праздникъ для всѣхъ его питомцевъ... А для меня, а можетъ быть и старѣйшаго сейчасъ Александровца, это еще и минутный возвратъ къ счастью, къ свѣтлымъ радостямъ молодости. Самыя близкіе души воспоминанія отноятся къ незабываемымъ годамъ моего пребыванія въ Училищѣ (1871—1873 г.). Скорблю душой, что немощная старость и убожество въ бѣженствѣ препятствуютъ мнѣ очутиться въ милой семьѣ однокашниковъ въ столь знаменательный день.. Но всѣми мыслями и всѣмъ сердцемъ я съ Вами сегодня — друзья Александровцы! Съ Вами я на торжествѣ, съ Вами-же на молитвѣ у памятника Великому нашему Государю въ Софіи. Мое мѣсто у подножія этой святыни принадлежитъ мнѣ по праву — какъ Александровцу, какъ современнику Великаго Царствованія и какъ ветерану Освободительной Войны!.. Съ этого мѣста я ясно вижу Ваше твердое, совсѣмъ особенное настроеніе, чувствую мозгъ и душу Вашихъ надеждъ и памѣреній на скорое будущее!. Въ такомъ предвѣдѣніи, я заранѣе преклоняю колѣно предъ будущими освободителями горячо любимой Родины! Это первое мое пожеланіе... Затѣмъ желаю фактическаго возрожденія нашему Александровскому Военному Училищу... Сейчасъ оно въ плѣну у варваровъ, но оно воскреснетъ вмѣстѣ съ Родиной и воскреснетъ на пользу будущаго поколѣнія и на прочность неугасаемыхъ традицій..

Заканчиваю свои пожеланія еще однимъ глубоко трогательнымъ... Желаю каждому изъ Васъ всякихъ благополучій а въ первую очередь, желаю Вамъ сохранить свойственный русскому человѣку энтузіазмъ и чарующую способность улыбаться даже при нашихъ невзгодахъ!.. Всѣмъ Александровцамъ „ура“!

Италія, Миланъ, Декабрь 1930 г.

М. Раковскій

Во время объѣда дивлялаго до 5½ ч вечера слѣдовали сначала тосты и поздравленія, а затѣмъ — воспоминанія старыхъ и молодыхъ Александровцевъ. Бывшій Нальчикскій училищскій генералъ Курбатовъ, который былъ въ русской военной формѣ, прѣдставлялъ всѣхъ Александровцевъ, какъ служившій въ училищѣ 12 лѣтъ въ раннее время и какъ возсоздатель его въ Добр. Арміи; онъ яркими эпизодами изъ жизни училища подѣлился своими воспоминаніями, начиная съ времени генерала Шванебаха генералъ Смердовъ прѣдставлялъ Александровцевъ отъ имени „Родного Корпуса“ т. е. отъ объединенной кадетъ Варны, Софій и Перника; также онъ говорилъ о томъ, что вся жизнь и его семьи связана съ Александровскимъ Военнымъ Училищемъ. Генералъ Смердовъ прѣдставлялъ Александровцевъ отъ 1 кад. Корпуса, генералъ Черноглазовъ — отъ Кіевлянъ Константиновцевъ, генералъ Любимовъ — отъ Начальника А. В. У. генералъ Бурава находящагося во Франціи, генералъ Булбашъ — отъ Павловскаго Военнаго училища, Полковникъ Хаминъ — отъ всей Софійской группы Александровцевъ; старѣйшій на объѣдѣ Александровецъ Подполковникъ Гофманъ вспоминалъ времена генерала Моховалова. Большое впечатлѣніе произвело слово сказанное молодымъ Александровцемъ — подпоручикомъ Люлюковскимъ, въ которомъ онъ подчеркнул то, что глядя на старыхъ Александровцевъ, молодые Александровцы на живомъ примѣрѣ видятъ какъ нужно служить своей Родинѣ; онъ кончилъ свою рѣчь напоминаніемъ о томъ, что за всю свою жизнь онъ слышалъ о Россіи и о любви къ ней только въ Александровскомъ Военномъ училищѣ, въ чемъ есть главная заслуга Александровскаго гнѣзда. На эту рѣчь отвѣтилъ старѣйшій Александровецъ: „выслушавъ съ большимъ волненіемъ рѣчь молодого одноклассника, мы, старые Александровцы, можемъ спокойно умирать, зная, что за спасеніе и борьбу за Россію останутся въ крѣпкихъ и вѣрныхъ рукахъ русской національной молодежи“. Рѣчь убитыхъ и умершихъ Александровцевъ почтили вставаніемъ, а генерала Кутепова — минутой глубокаго молчанія. За прѣдсѣдателя Р. О. В. С. генерала Миллеръ и за его помощниковъ, генераловъ Абрамова и Кедрова, былъ провозглашенъ тостъ, пожеланій громкимъ „ура“.

Изъ цѣлой серіи воспоминаній надо отмѣтить слово Баталіоннаго Командира А. У. Полковника Хамина, который былъ съ Александровцами въ Таманской экспедиціи, бывшій А. В. У. серебряныя трубы. Также надо упомянуть и о воспоминаніяхъ генерала Булбашъ, который ярко обрисовалъ дѣятельность бывшаго Начальника училища въ самое тяжелое время Ростовской, Нопороссійской и Крымской эвакуаціи.

Представитель кадра училища въ Болгаріи генералъ Любимовъ прочиталъ много поздравленій къ дню столѣтія училища, кособорно онъ получилъ. Командиръ Дроздовскаго полка генералъ Туркуль, наполнивъ братину 1-го Армейскаго Корпуса со знаками и эмблемами частей этого корпуса, произнесъ тостъ за генерала Абрамова и за всѣхъ Александровцевъ. Воспоминанія Александровца Ротмистра Арцыбашева, переданныя въ комисскомъ тонѣ, вызвали неудержимый смѣхъ.

Рѣчь Александровца Болгарина Майора Николаева, начатая съ благодарности за дружное и дружное „ура“ собравшихся на тостъ за Его Величество Царя Бориса III, была весьма продуманной и напоминавшей о братствѣ Русской и Болгарской Арміи и народовъ. Рѣчи генераловъ Бредова, Терменъ, а также представителей Военныхъ училищъ Кубанскаго и Корниловскаго, говорили о боевомъ братствѣ училищъ.

Около 6 ч. вечера прѣдсѣдательствующій на объѣдѣ сказала послѣднее слово, въ которомъ благодарилъ полковника Хамина и его помощниковъ за хлопоты и труды по устройству юбилейныхъ торжествъ и закрылъ торжественный товарищескій объѣдъ.

Многіе изъ присутствующихъ остались до позднихъ чаеовъ въ Русскомъ собраніи, чтобы продолжать товарищескую бесѣду... Такъ прошелъ день столѣтія А. В. У. Софій!...

Изъ книги въ память 1-аго Кубанскаго похода „Александровцамъ — навѣшимъ въ бояхъ съ большевиками“.

Вамъ, своей Родинѣ жизнь отдавшимъ,
Скромный вѣнокъ незабудокъ сплету,
Спите спокойно въ обителяхъ вашихъ,
Вѣчную память я вамъ пропою!..

Спите вы, смѣлые, спите спокойно,
Родинѣ жизнь не смѣшно подарить!
Бросила мечъ свой толпа зачумленная,
Вы его взяли, чтобъ Русь защитить!..

Вы не щадили ни силы, ни молодость,
Вы наравнѣ лишь съ немногими шли, —
И силу духа и вашу выносливость
Знавшіе васъ отрицать не могли!

Всѣ, кто васъ знаетъ, помолятся съ нами, —
Вспоминать — не разъ ихъ бодрили порой,
Кто же не знаетъ, почувствуетъ сами,
Что заслужили вы вѣчный покой!..

НАДЕЖДА ЗАБОРСКАЯ.

А. Курбатовъ.





„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

39.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Мартъ 1931 г.

Празднованіе столѣтія А. В. У. въ Варнѣ.

4 Января (22 Декабря 1931 г.) русской колоніей г. Варны былъ торжественно отмѣненъ день Столѣтія Александровскаго Военнаго Училища, прекратившаго свое существованіе въ Москвѣ въ Октябрѣ 1917 года и вновь возродившагося въ Добр. Арміи въ атеринодарѣ 31 Января 1919 года.

Въ этотъ юбилейный день Александровцы Варны собрались къ 4 часамъ дня въ залѣ дома Варненской и Преславской Митрополи; этотъ залъ былъ предоставленъ ексаноровцамъ съ благословія Митрополита Симеона, искренняго друга русскихъ, да—же прибыли предсѣдатели и представители русскихъ организаций Варны, во главѣ предсѣдателемъ комитета по дѣламъ русскихъ бѣжанцевъ въ Болгаріи — Варненскаго руга генераломъ Ярославъ Тодорскимъ и съ начальникомъ Варненскаго отдѣла Р. О. С. Полковникомъ Меликовымъ. Среди прибывшихъ былъ почетный предсѣдатель Варн. гд. Союза Инвалидовъ профессоръ Бельмеръ, директоръ „Родного Корпуса“ генералъ Тердовъ, предс. комитета „Фондъ Спасенія Родины“ Н. Л. Проскуринъ, старѣйшій верантъ Освободительной войны Г. Лавриненко, предсѣд. Русскихъ студентовъ Н. Коноричкій, предсѣд. О-ва „Взаимопомощи“ А. Саночкій, предсѣд. отдѣла Галиполійцевъ Полковникъ Павловъ, предсѣд. Родит. Комитета Британо Русской Гимназии В. Рожденскій, предсѣд. союза Украинцевъ инженеръ Крыжановскій, предс. русскихъ рабочихъ фабрики „Лормъ“ А. Краснопѣвцевъ, предс. русскихъ кавал. офицеровъ гв. Полковникъ Потоцкій, предс. общества Педагоговъ Н. Кисличенко, предс. общества сценич. куства „Баянъ“ А. Аммонъ и другіе.

Изъ Александровцевъ Варны были: генералы Курбатовъ и Смердовъ, Полковникъ Таушевъ, Фадѣевъ и Семеновъ, капитанъ Соколовъ, преподаватель училища въ Галиполи Н. Монохинъ и Поручикъ Коноричкій; прислали поздравленіе, какъ немогущіе: Генералъ Терлецкій, Капитанъ Маховъ, Поручикъ Гнѣдосыровъ, Подпоручики Мишинченко и Будѣевъ. Ровно въ 4 часа дня прибылъ Начальникъ Варненскаго Гарнизона Генералъ Соларовъ, который всегда чутно откликается на зовъ русскихъ Варны; съ нимъ прибылъ и предсѣдатель Болгарскихъ ополченцевъ и запасныхъ офицеровъ Варны генералъ Габаровъ, бившій русской воспитанникъ Кіевскаго Юнкерскаго училища всѣ бывшіе, вмѣстѣ съ болгарскимъ епископомъ Андреемъ и съ рускими свѣщенниками митоіереями Слюнинымъ и Поповымъ, прошли въ садъ Митрополи, гдѣ сіялись въ общей группѣ на фонѣ портика и колоннады зданія.

Затѣмъ епископъ Андрей, окончившій Русскую Духовную Академію, въ сослуженіи русскаго духовенства, отслужилъ молебствіе въ уютномъ залѣ Митрополи передъ образомъ Божьей Матери, бывшемъ съ училищемъ и при движеніи къ Москвѣ, и въ Галиполи, и въ Галиполи. Пѣлъ русской хоръ, подъ управленіемъ русскаго — же регента; послѣли за Россію, за Русское Воинство, за Александровское Военное Училище и за всѣхъ русскихъ народъ, находящійся „въ плѣну“ у большевиковъ — коммунистовъ. На многочисленныя — всего были упоменуты Ихъ Величества Царь и Царица Болгаріи, Христілюбивое Русское и Болгарское воинство и всѣ Александровцы Русской Болгарской Арміи, а во время упокойнаго поминовенія — Основатель А. В. У. Императоръ Николай I, Державные Шефы училища Императоръ Александръ II, Александръ III и Николай II, Наслѣдникъ Цесаревичъ Алексѣй Николаевичъ, Великіе Князья Николай Николаевичъ и Константинъ Константиновичъ, а также всѣ Александровцы убитые и умершіе за сто лѣтъ. Послѣ молебствія епископъ Андрей сказалъ краткое прочувственное слово, а затѣмъ всѣ присутствующіе встали мѣста вокругъ портрета Императора Александра II, украшеннаго цвѣтами. Около

портрета всталъ бывшій Начальникъ А. В. У. генераль Курбатовъ, приказомъ по Р. В. С. зачисленный ко дню юбилея въ списки Александровскаго Военнаго Училища.

Генераль Курбатовъ открылъ засѣданіе краткой рѣчью, послѣ которой былъ прочитанъ привѣтъ Александровцамъ стараго Александровца — вып. 1871 г. М. Раковска (смотри листокъ Александровецъ № 38)

Затѣмъ представитель Русской колоніи Варны Генераль Ярославъ — Тодорск прочиталъ и поднесъ адресъ Александровскому Военному Училищу отъ Варненской Русской колоніи :

1830^{6.19}
— XII — 1930

Варненская Русская Колонія привѣтствуетъ Александровское Военное училище со столѣтнею годовщиною его основанія. Тяжелъ и тернистъ былъ пройденный имъ воевой путь, но тѣмъ величавѣе его заслуги предъ своею Родиною, которой оно за это періодъ славнаго существованія дало не мало видныхъ Государственныхъ дѣятелей и много высокиихъ духомъ патріотовъ отдавшихъ на полѣ брани свою жизнь за честь и славу своей матери — Россіи . . .

Въ сегодняшній знаменательный день мы русскіе люди въ бѣженствѣ обрѣтающіеся, горючо желаемъ дорогому нашему юбиляру вскорѣ снова развернуть свое овѣянное вѣковою славою знамя въ стѣнахъ роднаго Училища и по прежнему стать могучимъ разсадникомъ защитниковъ Родины, воспитателемъ національныхъ идеаловъ и будителемъ въ своихъ питомцахъ высокиихъ чувствъ гуманности, безавѣтной храбрости и рцарскаго величія духа! . . .

Варна, Болгарія.

Подписи : Генераль Ярославъ — Тодорскій, Полковникъ Меликовъ — нач. Варненскаго отдѣла Р. В. С., Профессоръ Бельмеръ, настоятель Русскаго Храма Протопрей Слюинъ, Директоръ Британо-Русской Гимназіи В. Черчвордъ, Инженеръ Крижновскій, А. Саноцкій — предсѣдатель общества „Взаимопомощи“, Союза Инвалидовъ Полковникъ Джанѣвъ, Старѣйшій ветеранъ осв. войны Г. Лавриненко, Подполковникъ Афанасьевъ — Атаманъ казач. Барн станицы, Предсѣд. Русскихъ студентовъ Н. Коноржицкй, А. Красовитовъ предс. русс рабочихъ фабрики „Лормъ“, предс. родит. комитета В Родственскій, общества Галиполійцевъ — Гв. Полковникъ Павловъ, предсѣдатель Комитета „Фондъ спасенія Родины“ Н. Проскуринъ.

Этотъ адресъ, исполненный художникомъ Черевиннымъ, былъ украшенъ виницею съ видами Московскаго Кремля зданія Александровскаго Военнаго Училища въ Москвѣ на Знаменкѣ и нагруднаго Александровскаго знака. Кромѣ этого адреса были приложены отдѣльныя поздравленія отъ „Роднаго Корпуса“, отъ Дамскаго комитета „Краснаго Креста“ и отъ Общества любителей сценическаго искусства „Баянъ“. Далѣе — слово принадлежало генералу Смердову, какъ бывшаго ротнаго командиру Царевой роты, и Адъютанту А. В. У.; онъ сообщилъ о томъ, какъ ему удалось, при начальникѣ училища генералѣ Геншта, провести ходатайство о дарованіи старшинства А. В. У. вмѣсто 18 года — съ 1830 года; также онъ сообщилъ нѣкоторые подробности о музеѣ училища, и собранномъ еще при генералѣ Яковлевѣ.

Послѣ генерала Смердова говорилъ Начальникъ гарнизона г. Варны генералъ Соларовъ, который подчеркнул то, что радостно видѣть дружную семью русскихъ людей сохранившихъ любовь къ Родинѣ и свои традиціи — вмѣстѣ съ бодростью, не смотря на невзгоды бѣженства.

Послѣ этой рѣчи, произнесенной на болгарскомъ языкѣ, снова говорилъ генераль Курбатовъ, который сердечно благодарилъ всѣхъ присутствующихъ за оказанное вниманіе къ А. В. У.; не забывъ поблагодарить Митрополита Симеона и епископа Андрея за ихъ любезное предоставленія помѣщеніе въ домѣ Митрополіи, генераль Курбатовъ закрылъ засѣданіе.

Въ 5½ ч. дня всѣ присутствовавшіе разошлись, вынося отрадное впечатлѣніе о томъ, что на празднованіи Столѣтія Александровскаго Военнаго Училища въ Варнѣ были почти всѣ русскіе организациі этого города; такимъ образомъ юбилей А. В. У. сослужилъ службу для единенія русской колоніи. Кромѣ того, и въ молитвѣ, и въ рѣчахъ можно было видѣть единеніе двухъ братскихъ армій — Русской и Болгарской, какъ имѣющія въ своихъ рядахъ Александровцевъ, воспитанныхъ въ духѣ воинской дисциплины для служенія своимъ Государствамъ „не щадя своей жизни до послѣдней капли крови“ . . .

Въ стихотвореніи, написанномъ ко дню юбилея „Михайловцемъ“, ярко выражено это служеніе Александровцевъ въ теченіи ета лѣтъ:

„Александровцамъ“

Хоть не поэтъ я, не пѣвецъ,
Но такъ понятна мнѣ та Ваша радость,
Когда къ ногамъ Царя, отдавшему Россіи жизнь и младость,
Создателю Училища, Вы возлагали скромный свой вѣнецъ,
И въ эти дни, дни тяжкіе, дни лихолѣтъя
Увидѣть удостоился Вы праздникъ свой, день славнаго столѣтја!
Я не пѣвецъ и не поетъ . . .
Не мнѣ же перечестъ заслуги всѣ и преданность Россіи Вашу, —
Исторія оцѣнитъ, всѣмъ расскажетъ — какъ шли Вы умирать за Родину
измученную нашу,
Какъ были вѣрными сынами Ей въ теченіи долгихъ лѣтъ,
И какъ въ торжественный, въ день памятный столѣтја,
Желали всѣмъ мы „Александровцамъ“ заслуженной лишь славы, многолѣтја . . .

Б. Колывановъ.



Празднованіе столѣтја А. В. У. въ Прагѣ.

(Поздравленіе А. Курбатову)

Александровцы-пражене, празднующа сегодня столѣтіе родного училища, шлютъ Вамъ искреннія свои поздравленія и привѣтствуютъ Васъ какъ возродителя Училища. Ваша любовь къ Училищу и Ваша энергія не допустили оборваться вѣковой александровской традиціи и позволили училищу вписать въ свои лѣтописи новыя славныя страницы. За это Вамъ честь и слава и наша глубокая благодарность

Клеопатра Ассѣва.

Генераль Н. Ходоровичъ
Генераль Маіоръ Хорджевскій
Полковникъ Гелела-Швили
Подпоручикъ Максимовичъ
Подпоручикъ Тетеренковъ
Подпоручикъ Щеголовъ
Подпоручикъ Захаровъ (предс. Братиславской группы)
Подпоручикъ Нечаевъ
Подпоручикъ Индѣйкинъ
Подпоручикъ Котковъ
Подпоручикъ Емельяновъ

Празднованіе столѣтја А. В. У. въ Старой Загорѣ.

Попавшіе со Знаменки въ Старую-Загору (Ени-Загра) трое Александровцевъ разныхъ возрастовъ и выпусковъ, — Есаулъ Агарковъ (вып. 1890 г.), Шт. Капитанъ Сосѣдовъ, Подпоручикъ Соловьевъ, — просятъ Васъ, возсоздателя нашего родного училища, принять привѣтъ и поздравленіе въ день столѣтја дорого гнѣзда. (къ 19.XII 1930 г.)

Поздравленіе изъ Брюссель (Белггя)

Многоуважаемый Алексѣй Александровичъ!

Сердечно поздравляю Васъ съ днемъ столѣтняго существованія дорогого Вамъ Александровскаго Военнаго училища, въ жизни коего Вы принимали такое близкое участіе и которое Вамъ удалось возродить здѣсь на чужбинѣ.

Теперь, въ день столѣтја, Вамъ должно быть особенно пріятно сознавать, что Вы сдѣлали не мало для осуществленія сего юбилея и для самой возможности его.

Если Вы этот день будете проводить съ другими Александровцами, то не о кажите передать имъ поздравленіе и лучшіе пожеланіе отъ однокашника, выпуска 1892. Отъ души желаю, чтобы всѣмъ намъ удалось увидѣть, и возможно скорѣе, Александровское Военное училище, во всей его прежней славѣ, въ Москвѣ, на Знаменкѣ.

Крѣпко жму ваму руку.

Искренно уважающій Васъ и преданный

А. Архангельскій

Поздравленіе изъ Данцигъ (Германія).

Въ сегодняшній, знаменательный для каждаго Александровца, день 100-лѣтней годовщины родного училища — прошу всѣхъ дорогихъ однокашниковъ принять мой душевный привѣтъ и горячее подравленіе. Мое пожеланіе это възможно скорѣе дожидаться того радостнаго дня, когда мы всѣ сможемъ собраться единой семьей, въ дорогой сердцу нашему Первопрестольной Матушкѣ — Москвѣ... И пусть такъ же бѣлоснѣженъ будетъ нашъ училищный погонъ, съ вензелемъ Царя Освободителя, омытый кровью тѣхъ, кто въ тажкіе годы войны и смуты были до конца вѣрны его завѣтамъ... Скорблю, что сегодня я въ одиночествѣ провожу день юбилея: въ Данцигѣ, изъ Александровцевъ, одинъ. Позвольте-же мнѣ, мысленно, присоединиться къ Вамъ въ торжествѣ сегодняшняго дня, и съ Вами вмѣстѣ прокричать во славу родного училища громкое „ура“!

Д. Ходневъ

А. Курбатовъ.

№ 40. Апрель. Воспоминанія объ А. В. У. за 60 лѣтъ.



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 40.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Апрѣль 1931 г.

Привѣтъ и поздравленіе съ праздникомъ Александровскаго Военнаго Училища 23 Апрѣля!..

Воспоминанія объ А. В. У. за шестьдесятъ лѣтъ.

Первое мое знакомство съ Александровскимъ Военнымъ Училищемъ относится къ 1870 годамъ, когда я еще маленькимъ мальчикомъ ежемѣсячно бывалъ на Знаменкѣ своего крестнаго отца, инспектора классовъ училища Гвардейской Артиллеріи Полковника Павла Николаевича Юшенова (директоръ Киевской Влад. Военной Гимназіи). Полковникъ Юшеновъ былъ товарищемъ моего отца по 1 Моск. Кадет. Корпусу, гдѣ они оба были фельдфебелями и оба записаны на мраморную доску въ Екатерининскомъ залѣ; къ крестному отцу посылали меня за газетой „Московскія Вѣдомости“ — Катковского Изданія, которую выписывали вмѣстѣ и отецъ мой, и крестный. Въ то время былъ „въ модѣ“ Нѣмецкій языкъ и я долженъ былъ каждый разъ рапортовать: „папа бигетъ нее цейтунгъ“, а что получалъ или конфетку, или нѣсколько копѣекъ на проѣздъ на линейкѣ — съ раснымъ или желтымъ кумачемъ. — съ Арбата въ Лефортово въ 1 Моск. Военную Гимназію, гдѣ мой отецъ былъ тогда помощникомъ Инспектора классовъ (директоръ Псковскаго, а потомъ — 2 Кад. Корпуса). Жилъ Павелъ Николаевичъ въ Училищѣ въ нижнемъ этажѣ, окна квартиры выходили на Знаменку; квартира казалась и большой, и мрачной — благодаря тому, что наружная коллонада зданія отнимала много свѣту, проходившего черезъ небольшую окна нижняго этажа. У крестнаго отца я встрѣчалъ иногда Начальника Училища Генерала Шванебахъ, который на меня произвелъ впечатлѣніе „добаго и хорошаго дяди“. Мой крестный, который былъ огромнаго роста, бралъ меня подъ мои локти и представлялъ генералу Шванебахъ, подымая меня выше своей головы — въ ровень бильхъ кафельныхъ печей его квартиры. Такое „представленіе“ интересовало меня больше, чѣмъ удовольствіе заглянуть на квадратный плацъ училища, гдѣ гуляли юнкера-александровцы, къ которымъ я уже тогда питалъ любовь и уваженіе. Впрочемъ и обратный путь домой въ Лефортово, черезъ Кремль со Святыми воротами или мимо университета съ образомъ св. Татіаны, меня тоже сильно интересовалъ; я всегда набожно крестился, снявъ шапку въ Святыхъ воротахъ и очень негодовалъ по свою няню, если она выбирала обратный путь не черезъ Кремль, а мимо Университета, черезъ Охотный рядъ, Лубянку, мимо Красныхъ воротъ и черезъ Каменный мостъ рѣки Яуза до зданія 1 и 2 Московскихъ Гимназіи у Анненгофской роши.

Не смотря на далекій путь, я любилъ это путешествіе къ Александровцамъ, но иногда горько плакалъ вернувшись домой съ отмороженными ушами или зазябшими ногами и руками. Дальнѣйшія мои воспоминанія объ Училищѣ относятся уже къ тому періоду, когда Начальникомъ Александровцевъ былъ свиты Его Величества Генералъ-майоръ Ламохваловъ и когда мой крестный отецъ былъ въ Киевѣ директоромъ Киевской Военной гимназіи. Я бывалъ въ училищѣ, посѣщая своего друга, сына командира роты Его Величества Гвардейскаго Сапера Капитана Семена Ивановича Страдецкаго (Инсп. кл. Псковскаго Корпуса, директоръ Петровско-Полтавскаго К. К.) Вмѣстѣ съ моимъ пріятелемъ Вишей и съ его отцомъ, я бывалъ въ Училищѣ, съ интересомъ заглядывая всюду — куда можно было проникнуть. Особенно у меня осталось въ памяти посѣщеніе Карцевова, гдѣ отбывали наказанія юнкера-александровцы за разные проступки. Помню одинъ эпизодъ, когда подъ арестомъ былъ юнкеръ высокаго роста, съ бородой и съ Георгиевскимъ Крестомъ, попавшій въ карцеръ за драку. Капитанъ Страдецкій, его ротный командиръ, войде въ карцеръ, былъ сильно пораженъ тѣмъ, что такой серьезный юнкеръ, да

еще Георгіевскій Кавалеръ, посаженъ въ карцеръ; на вопросъ — „за что посажены под арестъ“ — послѣдоваль отвѣтъ: „виновать, Ваше Высокоблагородіе, уподобился звѣрк лютому“... Этого отвѣта еще больше озадачило Капитана Страдецкаго, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и порадовалъ, какъ чистосердечное раскаяніе юнкера; послѣ строгаго внушенія юнкеръ былъ выпущенъ изъ под ареста и отправленъ въ роту. Эти наши „обходы“ училища производились нами съ опасеніемъ того чтобы намъ не встрѣтить Начальника Училища Генерала Самохвалова, который, какъ намъ казатось, могъ посадить и насъ под арестъ за наши прогулки по Училищу безъ его вѣдома..

Уже будучи юнкеромъ 2 Военнаго Константиновскаго училища въ С Петербургѣ я хорошо зналъ своего Начальника Училища генерала Анчутина, который еще при мнѣ ушелъ въ Москву Начальникомъ Александровскаго Военнаго Училища. Это былъ угрюмый, малоразговорчивый и, видимо, болѣзненный человекъ; юнкера его боялись и считали его „темной силой“. Помню какъ онъ, при обходѣ помѣшенія 3 роты, въ которой я былъ юнкеромъ, подоидя къ моему кроватному шкафчику, приказалъ мнѣ отодвинуть его отъ кровати; я быстро исполнилъ приказаніе, но о ужасъ... — подъ шкафикомъ оказались окурки попирисы! Я никогда не курилъ, но долженъ былъ отвѣчать за чистоту около моей кровати: кто подкинулъ мнѣ свои окурки, я не зналъ, да и если бы зналъ, то не сказалъ... Я безмолвно соглялъ и ждалъ „порцію наказанія“... Слава Богу, меня выручилъ дежурный офицеръ, симпатичный и добрый Гвардейскій Стрѣлокъ Капитанъ Александръ Христіановичъ Страдовскій который былъ впослѣдствіи Командиромъ роты и баталіоннымъ командиромъ въ Александровскомъ Военномъ Училищѣ; онъ доложилъ Начальнику училища, что я не курю и что я юнкеръ примѣрнаго поведения и ученія. Гроза миновала и на меня не было наложено даже „одного наряда на службу внѣ очереди“.

Въ 1896 году, во время коронаціи Императора Николая II, я снова попалъ въ Москву, находясь въ составѣ частей Гвардіи, командированныхъ изъ С. Петербурга на коронаціонныя торжества. Еще въ дорогѣ въ Москву, мы узнали печальную новость — о смерти нашего старшаго полковника Лейбъ Гвардіи Гренадерскаго полка А. И. Акоренко; было рѣшено уже въ Москвѣ отслужить панихиду въ одной изъ домовыхъ церквей и въ боръ палъ на церковь Александровскаго Военнаго Училища, считавшуюся, „аристократической церковью Москвы“. На второй день пребывания въ Москвѣ, я, какъ офицеръ Лейбъ Гвардіи Гренадерскаго полка, прибылъ въ Александровское Военное Училище на панихиду.

Меня поразила чистота въ помѣшеніяхъ училища и особенно въ церкви, куда пришелъ и Начальникъ училища Генераль Лейтенантъ Левачевъ, бывшій основатель Донскаго Императора Александра III Кад. Корпуса; я былъ представленъ Начальнику Училища, какъ еще раньше извѣщавшій желаніе быть офицеромъ училища; тогда же я узналъ, что мое прикомандированіе къ училищу состоитъ до 1 Сентября этого года. И дѣйствительно — въ Августѣ мѣсяцѣ въ моемъ полку была получена бумага отъ Военнаго Министра о назначеніи меня въ А. В. У.

Къ началу занятій въ училищѣ я былъ уже въ Москвѣ, гдѣ и пробылъ 12 лѣтъ, находясь всё время во 2-ой ротѣ, сначала младшимъ офицеромъ, а потомъ ротнымъ командиромъ и преподавателемъ Топографическаго Черчаніе. За эти 12 лѣтъ я служилъ въ А. В. У. при четырехъ Начальникахъ училища; при генералахъ Левачевѣ, Лаймингѣ, Яковлевѣ и Ферманѣ Я сроднился съ училищемъ и пережилъ въ немъ „какъ-бы четыре времери года“; и только „тяжелые эполеты“ Полковника этого высокаго въ то время чина, были причиной оставленія родныхъ Александровскихъ стѣнъ.

Въ теченіи этихъ 12 лѣтъ много русской славной молодежи прошло мимо меня; если считать, что ежегодно было выпускаемо изъ училища 200 человекъ, то за эти 12 лѣтъ всего было выпущено 2400 офицеровъ, часть которыхъ и „посейчасъ“ живы и находятся въ эмиграціи внѣ предѣловъ „СССР.“ При начальникѣ училища ген. Левачевѣ я пережилъ тяжелые дни временнаго лишенія училищемъ Царской милости, при генералѣ Лаймингѣ — день 50 ти лѣтія училища и Александринскаго Кад. Корпуса, при генералѣ Яковлевѣ — Русско-Японскую войну и радостный день рожденія Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича, при генералѣ Ферманѣ — смутное время въ Москвѣ въ 1905 году. Съ тяжелымъ чувствомъ я разстался съ А. В. У. въ 1907 году, полюбивъ его всѣмъ своимъ сердцемъ; время моего пребывенія въ училищѣ было лучшими годами моей жизни и службы Царю и Родинѣ! Послѣ моего ухода изъ А. В. У., мнѣ пришлось быть въ училищѣ только одинъ разъ: это было въ 1910 году, когда меня пригласили на лѣтнія съѣмки въ Маѣ мѣсяцѣ. Но въ этотъ разъ я былъ въ училищѣ какъ-бы гостемъ въ лагерѣ Александровцевъ на Ходянкѣ.

За три года моего отсутствія много перемѣнъ произошло въ училищѣ: Начальникомъ училища былъ Генераль-Маіоръ Геништа, бывшій Начальникъ Казанскаго Военнаго училища, Инспекторомъ классовъ — Полковникъ Зилитинкевичъ, съ которымъ я былъ младшимъ офицеромъ училища въ 1896 году, баталіоннымъ командиромъ — Полковникъ Бѣляковъ, ротными командирами — Гв. Шт. Капитаны Смердовъ, Тимченко, Рымашевскій и Дерновъ, адъютантомъ Гв. Шт. Капитанъ Мансурадзе. Да и сама жизнь въ училищѣ нѣсколько измѣнилась, благодаря расширенію зданія училища разными пристройками.

Изъ лагеря я нѣсколько разъ ѣздилъ на Знаменку, чтобы посмотреть на родныхъ

ль-то новымъ — мнѣ неизвѣстнымъ!.. Какъ оказалось, этотъ мой визитъ въ Москву и Александровское Военное училище были послѣдними моимъ „прости прощай“! Полу-
че мою полка подъ Варшавой, а затѣмъ — Великая Война и „безкровная революція“,
ончившааясь большевизмомъ и коммунизмомъ въ Россіи, не давали мнѣ возможность
въ Москвѣ на Знаменкѣ. Но и эти неблагоприятныя условія не погасили во мнѣ ин-
тересъ къ училищу; я зналъ что послѣ генерала Геништа былъ Начальникомъ училища
генералъ Михѣевъ, бывший при мнѣ преподавателемъ военныхъ наукъ. Отъ молодыхъ
офицеровъ, выходившихъ изъ А. В. У. въ мой полкъ, я слышалъ много разказовъ о
жизни въ училищѣ и эти разказы меня очень интересовали. Подъ влияніемъ любви къ
училищу, я невольно приближалъ къ себѣ Александровцевъ. И въ Великую войну въ
1914 году около меня были бывшіе Александровцы: полковой адъютантъ, завѣд. командой
разведки, помощникъ командира нестроевой роты и др. Многие изъ нихъ были убиты и ра-
ны, а къ моему уходу изъ полка, при моемъ назначеніи командиромъ бригады, около
меня оставался только одинъ Александровецъ (въ 1915 г.).

Въ 1916 и 1917 году, въ бытность мою командиромъ бригады и начальникомъ
дивизіи, около меня не было Александровцевъ и только въ серединѣ 1917 года судьба
случайно свела меня со старымъ Александровцемъ генераломъ Любимовымъ, бывшимъ у
меня въ дивизіи командиромъ бригады; съ нимъ я раздѣлялъ всѣ „незгоды“ того вре-
мени, что буквально сроднило меня съ нимъ.

Въ Мартѣ 1918 года, по расформированіи дивизіи, я направился съ Руминскаго
фронта въ Добр. Армію и уже въ Таганрогѣ встрѣтилъ цѣную группу Александровцевъ;
свѣстѣ съ ними я переѣхалъ въ Ростовъ, по очищеніи этого города отъ большевиковъ
и по занятіи его нѣмцами. Уже въ Новочеркасскѣ, гдѣ было много Александровцевъ, ко-
гда мы обратились они съ просьбой собрать ихъ въ одну воинскую часть и только воз-
раженіе изъ Ледяного похода генерала Алексѣева заставило отказаться отъ этой мысли.
Александровцы влились въ ряды Добр. Арміи, въ которой было не мало Александровцевъ-
первопоходниковъ, что засвидѣтельствовано въ книгѣ — „Въ память 1 аго Кубанскаго по-
хода“ въ стихотвореніи — „Александровцамъ погибшимъ въ бояхъ съ большевиками“
Л. Заборской.

(Смотри листокъ „Александровцевъ“ № 39) Это стихотвореніе показываетъ, что
Александровцы-Добровольцы сослужили великую службу Родинѣ и родному училищу, давъ
послѣднему славу еще въ первомъ Кубанскомъ походѣ; Кромѣ того это же указываетъ
на связь стараго А. В. У. съ молодымъ, возсозданнымъ уже въ Добр. Арміи. Эти по-
гибшіе въ бояхъ съ большевиками — Александровцы послужили связующимъ звеномъ ста-
раго и молодого училища. На мою долю выпало подмѣтить этотъ „мостъ-связи“ для воз-
созданія родного Александровскаго гнѣзда.

Не правы тѣ, кто эту связь училища не признаютъ (а есть такіе.), но они за-
ываютъ ту пролитую кровь Александровцевъ, начиная съ 1 аго Кубанскаго похода. Эта
кровь была продолженіемъ крови, пролитой славными Александровцами при защитѣ свя-
того Кремля въ Москвѣ.

И вотъ въ г. Екатеринодарѣ 31 января 1919 года были мною созданы офи-
церскіе повторительные курсы Кав. Добр. Арміи, получившіе впоследствии, послѣ ряда
переобразованій и переименованій, имя родного Александровскаго Военнаго училища. Са-
мый наборъ офицеровъ для учебно-воспитательнаго дѣла въ возсозданномъ Военно-Учеб-
номъ Заведеніи отличался тѣмъ, что большинство подоходящихъ для этого дѣла офицеровъ
были Александровцы.

Послѣ Екатеринодара, освобожденнаго отъ большевиковъ въ 1919 году, жизнь
Александровцевъ связана съ Кисловодскомъ, съ Ейскомъ, съ Чугуевымъ т. е. съ пунк-
тами нахождения А. В. У. при движеніи къ Москвѣ въ родные стѣны на Знаменку: Бо-
гомъ не суждено было попасть Александровцамъ въ „обѣтованную землю“, и они про-
лили свою кровь при отходѣ Добр. Арміи къ Ростову, а затѣмъ къ Новороссійску. Пос-
лѣ оставленія Кавказа и переѣзда въ Крымъ, красивыя страницы изъ жизни А. В. У.
были уже въ Симферополѣ. Тамъ былъ „разцвѣтъ училища“, послѣ перваго производства
ст. Тихорѣцкой и послѣ новаго набора юнкеровъ. Къ этому же періоду относится и
главная эпопея Александровцевъ — Таманская экспедиція и борьба съ зелеными. А даль-
ше — ослѣдовало остановленіе родной земли, Константинополь, Галлиполи и наконецъ Болгарія!..

Я не стану повторять того, что уже изложено въ листкѣ „Александровецъ“ а
приведу только мой приказъ по училищу, отданный въ Галлиполи 20 Сентября 1921 г.
передъ самымъ моимъ оставленіемъ родного А. В. У.

П Р И К А З Ъ

Александровскому Генерала Алексѣева Военному Училища № 267

20 Сентября 1921 года г. Галлиполи.

§ 1.

10 мѣсяцевъ тому назадъ ввѣреное мнѣ училище покинуло Родины и, согласно
приказа Главнокомандующаго Русской Арміи, прибылъ въ Галлиполи, въ предѣлы бывшей

Турцін, гдѣ поступило въ подчиненіе Командира 1-го Армейскаго Корпуса. Въ настоящее время, когда близокъ переѣздъ въ Славянскія государства, считаю нужнымъ обернуть назадъ и взглянуть на пройденный нами путь съ ноября 1920 года по Октябрь 1921. Не смотря на всѣ пережитыя трудности и невзгоды, училище честно и неуклонно исполняло свой долгъ передъ Родиной, Армїей и укора въ этомъ главномъ дѣлѣ Александровцамъ брошено быть не можетъ. Получивъ директиву отъ командира Корпуса въ самомъ началѣ своего пребыванія въ Галлиполи, всѣ чины училища добросовѣстно, не изъ подвоки, провидичи въ жизнь всё то, что требовалъ моментъ. Напоминаю о главныхъ требованіяхъ поставленныхъ въ основу Командиромъ Корпуса, дабы сдѣлать соответствующій выводъ. Вотъ они: отъ Военныхъ училищъ я жду примѣрной службы и этимъ они должны помочь мнѣ въ настоящее время. Нужны теперь не классныя занятія, которыя вести по мѣрѣ возможности, а несеніе каральной службы, дозоровъ и чисто гарнизонной работы. Я требую этого, требую бодрости, даже лихую пѣсню, какъ то видѣлъ на примѣрной службѣ взова Александровскаго Военнаго Училища еще въ самомъ началѣ жизни въ Галлиполи я приказываю на это обратить само серьезное вниманіе. Считаю, что требованія Командира Корпуса выполнялись вполне добросовѣстно и вмѣстѣ съ тѣмъ была не забыта воспитательная и учебная работа. Какъ строевой составъ, такъ и классная часть работали образцово при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ быта, что дало возможность сдѣлать второй выпускъ юнкеровъ и подготовить третій. Неблагодарная тяжелая работа чинновъ хозяйственной части должна быть тоже отмѣчена: дѣлали всё возможное при самой трудной обстановкѣ.

Со стороны церковной и медицинской части была проявлена усиленная работа по укрѣпленію духа и тѣла всего состава училища. Церковь и вѣра Христова не были забыты, а болѣзни унесли только одну жизнь, не смотря на благопріятную обстановку для всякихъ заболѣваній. И канцелярія училища и канцелярія учебной части, подчасъ безъ бумаги и безъ рабочихъ рукъ, усѣшно справлялись со своей работой. Общественная жизнь не была забыта училищемъ.

Церковное и свѣтское ибнїе, помощь по устройству Корпуснаго театра и „устной газеты“, украшеніе и уборка части города не могутъ быть забыты въ этомъ отчетѣ о дѣятельности училища за десять мѣсяцевъ пребыванія въ Галлиполи — вдали отъ Родины.

Все вышеизложенное даетъ мнѣ право благодарить отъ лица службы и дѣла моихъ непосредственныхъ помощниковъ, а также офицеровъ и классныхъ чиновъ училища. Молодцовъ юнкеровъ и солдатъ благодарю за дружную работу и за службу въ Галлиполи.

Желаю всёмъ здоровья и силъ для дальнѣйшей службы. Родинѣ сначала въ Балканскихъ Государствахъ, а далѣе — въ Россіи. Прошу не забывать, что только тотъ, кто вѣритъ въ успѣхъ своей работы, достигаетъ добрыхъ и конечныхъ результатовъ. Будемъ-же до конца вѣрны нашему великому и славному дѣлу освобожденія Родины и будемъ вѣрить въ достиженіе намѣченной цѣли. Да поможетъ намъ въ этомъ Господь Богъ!

Начальникъ училища: Генераль-Майоръ Курбатовъ.

Адъютантъ училища: Капитанъ Росляковъ.

И вотъ теперь, въ столѣтнюю годовщину родного училища, я не могу отдать приказъ по А. В. У., но всё-же могу сказать слѣдующее:

„Какъ не любить мнѣ Тебя, Александровское Военное училище, какъ не вспоминать Тебя какъ не жить одною съ тобою жизнью!.. Вѣдь больше чѣмъ полъ вѣка я жилъ съ тобой и тобою!

Доживу-ли я до того радостнаго дня, когда Александровцы будутъ у себя въ Москвѣ на Знаменкѣ?.. И только одинъ Господь можетъ дать мнѣ это счастье!..

Да-будетъ Божіе благословеніе родному и дорогому Александровскому Военному Училищу!

А. Курбатовъ,



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 41.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Май 1931 г.

Царскій смотръ юнкеровъ А. В. У.

(воспоминаніе Александровца-старика)

Безграничная доброта и безпредѣльное милосердіе Императора Александра II корошо извѣстны всѣмъ истинно русскимъ людямъ и до гробовой доски памятни всѣмъ современникамъ Великаго Царствованія!

Въ качествѣ престарѣлаго Александровца, я хочу разказать своимъ младшимъ одноклассникамъ о случаѣ проявленія нашимъ обожаемымъ Шефомъ исключительной милости къ Своему (какъ Онъ называлъ) А. В. У. Случай этотъ, въ крошечной мѣрѣ, освѣтитъ первая строки этого воспоминанія 7 Августа 1873 г. Государь прибылъ въ Москву, а 9-аго Августа былъ назначенъ Высочайшій смотръ нашему училищу. Радостно затрепетали наши молодя сердца и вся жизнь ушла въ предстоящее событіе. Всѣ были счастливы увидѣть Государя, всѣ волновались, но больше другихъ, мы — выпускные, совершенно увѣренные въ производствѣ въ офицеры послѣ смотра. Всѣ было готово: списки выпускныхъ впечатаны, офицерское обмундированіе уже на рукахъ и даже традиціонный обѣдъ вновь испеченныхъ офицеровъ въ ресторанѣ Дюссо заказанъ. Оставалось только услышать высококомилостивива, незабвенныя и чудныя слова Государя — „Поздравляю васъ офицерами“. Съ тѣхъ поръ прошло почти 60 лѣтъ, но и сейчасъ, когда я пишу эти строки въ изгнаніи, на чужбинѣ, мое сердце также сильно бьется, какъ и тогда въ Москвѣ.

Прибылъ баталіонъ на Ходынское поле заблаговременно. Однако еле мы успѣли передохнуть и почиститься, какъ по направленію изъ Петровскаго дворца, показался Государь со свитой. Раздалась команда, нашъ оркестръ заигралъ встрѣчу и Государь галопомъ подѣхалъ къ правому флангу развернутаго фронта. На слова Государя — „Здорово мои Александровцы“, — послѣдовалъ нашъ дружный отвѣтъ Нѣтъ — я не могу ограничиться выраженіемъ — „дружный отвѣтъ.“ — И если человѣческому голосу свойственно отгнѣять чувства, то въ нашихъ молодыхъ голосахъ, каждому уху (даже немзыкальному) надо было-бы условить какой-то безпредѣльный восторгъ и высокой душевный энтузіазмъ! Далѣе, Государь медленно послѣдовалъ по фронту, внимательно присматриваясь къ каждому ряду. Непосредственно за нимъ былъ командующій войсками округа Генераль-адъютантъ Гилденштубе и начальникъ училища Генераль-Маіоръ Шванебахъ, а затѣмъ — блестящая свита. Въ свитѣ я замѣтилъ нѣсколько иностранныхъ формъ и съ гордостью подумалъ, что это иностранцы вѣроятно для того-только здѣсь, чтобы любоваться красотой и мощью войскъ Русскаго Царя. Послѣ объѣзда фронта началось ученіе. Сначала все шло прекрасно и мы уже нѣсколько разъ удостились. Высочайшаго одобренія, какъ вдругъ случилось нѣчто невѣроятное, достойное слова „катастрофа“ . . .

Баталіонный командиръ скомандовалъ къ построенію колонны „изъ середины“; къ несчастію одинъ ротный командиръ ошибся въ командѣ; одни юнкера исполнили, что слѣдовало по командѣ, другіе — инстинктивно сдѣлали то, что нужно по заданію и въ результатѣ получилась путаница, хасъ . . . Государь громко приказалъ увести баталіонъ домой съ плаца, далъ шпоры лошади и усакалъ . . .

Грустно было наше возвращеніе въ лагерь. Всѣ наши офицеры въ одинъ мигъ стали неузнаваемы по виду, да не только офицеры, а и всѣ юнкера разомъ утратили свой обычный, бодрый и шеголеватый апломбъ. Дла насъ, выпускныхъ, съ минуты на минуту ожидавшихъ производство, горе казалось особенно велико. Но всѣ таки, мнѣ кажется, печальнѣе всего было то, что училище потерпѣло во мнѣніи Государя! Да, — мы умѣли дорожить честью училища, понимать и чувствовать могущество Царскаго слова. . . . По приходѣ въ лагерь, нашъ общій любимецъ, баталіонный командиръ Полковникъ Крюковъ, сказалъ намъ нѣсколько словъ на тему о томъ, что рускому воину падать духомъ

не полагается, что-моль заслужили мы Царскую немилость, но что Государь безгранично добръ и смѣнить гнѣвъ на милость. Всѣ это подѣйствовало на насъ нѣсколько успокоительно. однако общее настроеніе всего училища оставалось подавленнымъ. Опять-же особенно это настроеніе отразилось на выпускныхъ, которымъ по приходѣ въ баракъ пришлось убраться съ косякъ ожидавшіую ихъ офицерскую форму, да и вообще надо было отказать отъ всей широкой программы, намѣченной на счастливый день производства.

Въ 2 ч. дня прѣѣхалъ въ училище начальникъ штаба округа Генераль-Лейтенантъ Х. Х. Роопъ и долго бесѣдовалъ съ нашимъ начальствомъ. Мы рѣшили, что рѣчь шла о сегодняшней катастрофѣ, а по отѣздѣ начальника штаба отъ одного изъ нашихъ милѣйшихъ курсовыхъ офицеровъ мы, по секрету, узнали, что. Слава Богу, никто изъ нашихъ офицеровъ не пострадаетъ и что вѣроятно на слѣдующій день будетъ новый Высочайшій смотръ.

Въ 6 ч. вечера къ намъ въ лагерь прибылъ Великій Князь Владиміръ Александровичъ. Шель дождь. Весь баталіонъ собрался подъ столовый навѣсъ. Великій Князь сказалъ, что Государь не будетъ помнить о сегодняшнемъ случаѣ на смотре, что Онъ увѣренъ въ Александровскомъ Военномъ Училищѣ и поэтому повелѣлъ назначить новый смотръ на завтра. Прощаясь съ нами, Великій Князь добродушно улыбнулся и сказалъ: „я доложу Его Величеству, что оставилъ васъ всѣхъ счастливыми и веселыми“. Грянуло ваше „ура“!. Да какое?.. Вся душа и каждый нашъ нервъ участвовали въ немъ! Великій Князь уѣхалъ: Училище оживло, воскресло! Простилъ, пожалѣлъ насъ Отецъ Всемилости вѣйшій, съ благовѣніемъ думалъ и чувствовалъ каждый изъ насъ.. А въ сознаніи самособой выгросла новая клятва въ преданности, вѣрности и любви на всю жизнь..

10 Августа смотръ сошелъ прекрасно, что называется „безъ сучка и задоринки“. Государь остался отменно доволенъ, много разъ похвалилъ насъ и еще разъ назвалъ училище — „Своимъ“.

Послѣ смотра были вызваны выпускные. Государь поздравилъ насъ офицерами и сказалъ нѣсколько милостивыхъ словъ о нашемъ долгѣ по отношенію къ Россіи, службѣ и солдату.

Возвращались мы въ лагерь не по вчерашнему: музыка, пѣсни, блестящіе наши глаза, пылающія лица, а въ душѣ тысяча свѣтлыхъ надеждъ и ожиданій!

Впереді стояла новая жизнь въ качествѣ неизмѣннаго слуги Царя и Родины!

Какая безоблачная красота въ прошломъ, и....

Старый Александровецъ М. Раковский

Италія Миланъ

Мартъ 1931 г.

Съ окончаніемъ описанія юбилейныхъ торжествъ Александровскаго Военнаго Училища, листокъ „Александровецъ“ будетъ снова выходить въ прежнемъ размѣрѣ.

А. Курбатовъ.

№ 42. Июнь. Сенсирцы въ гостяхъ у Александровцевъ.



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 42.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Июнь 1931 г.

Сенсирцы въ гостяхъ у Александровцевъ въ Москвѣ.

(воспоминаніе адъютанта А. В. У. того времени)

Это было въ самомъ началѣ Царствованія Императора Николая II. Прошелъ годъ Священнаго Коронованія, прошелъ юбилей Павловскаго Военнаго Училища въ С. Петербургѣ и шель 1898 годъ...

Наступилъ праздникъ Рождества Христова и многіе юнкера Александровскаго Военнаго училища разъѣхались изъ Москвы на рождественскія каникулы. Въ училищѣ, на Знаменкѣ, остались только „бездомные“ юнкера или тѣ изъ нихъ, которымъ до роднаго гнѣзда было слишкомъ далеко.

Жизнь въ училищѣ шла тихо и однообразно, — только почти ежедневныя приглашенія юнкеровъ на вечера въ Московскіе Институты, въ Женскія Гимназіи и въ частныя дома разнообразили жизнь юнкеровъ. Начальникъ Училища Генераль-Лейтенантъ Левачевъ хворалъ астмой и рѣдко показывался въ училищѣ, но всё-же всегда исправно присутствовалъ на всѣхъ церковныхъ службахъ въ училищной церкви, куда приводились всѣ юнкера со своими офицерами.

Въ одинъ изъ такихъ рождественскихъ дней, въ училищѣ была получена телеграмма изъ С. Петербурга о пріѣздѣ въ Москву депутаціи Сенсирской Военной школы, которая пріѣхала изъ Франціи „въ гости“ къ Павловскому Военному училищу; Павлоны рѣшили „угостить“. Сенсирцевъ поѣздкой въ Москву и просили гостепріимства у своихъ собратьевъ — Александровцевъ. При докладѣ этой телеграммы Начальнику училища, послѣдній наложилъ слѣдующую резолюцію: „необходимо оказать депутаціи самое широкое гостепріимство; инспектора классовъ генерала Фонъ Бооль прошу быть за меня; сейчасъ-же приготовить помѣщеніе для депутаціи въ классныхъ комнатахъ“. Инспекторъ классовъ немедленно собралъ баталіоннаго командира Полковника Страдовскаго, довольствующаго ротнаго командира Капитана Добронравова, квартирмейстера Подполковника Косолапова и Казначей училища Подполковника Куликовскаго: въ канцеляріи училища совѣщаніе это составило полное расписаніе на всѣ дни пребыванія Сенсирцевъ въ стѣвахъ училища, рѣшило показать имъ всѣ достопримѣчательности Москвы, назначило къ нимъ офицеровъ и юнкеровъ хорошо говорящихъ по французски, а также постановило устроить торжественный обѣдъ въ училищѣ въ честь дорогихъ гостей.

Въ указанный въ телеграммѣ день, къ подъѣзду училища, выходящему на Знаменку, подкатили двѣ Эчкинскія тройки съ Сенсирцами, которыхъ сопровождалъ офицеръ Павловскаго Военнаго училища (Гв. Штабсъ-Капитанъ Л.) Гостей встрѣтили на подъѣздѣ юнкера и офицеры училища съ хоромъ музыки, который исполнилъ встрѣчный Александровскій маршъ, сочиненный Капельмейстеромъ училища старикомъ Крейнбригомъ. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, Сенсирцевъ повели въ приготовленныя для нихъ помѣщенія, гдѣ былъ устроенъ чай, кафе шоколадъ съ легкой закуской. Съ первыхъ-же шаговъ въ Александровскомъ гнѣздѣ, Сенсирцы увидали и почувствовали чисто русское радушіе и гостепріимство Александровцевъ! Каждый изъ Александровцевъ старался хоть чѣмъ нибудь выказать свои чувства къ этимъ представителямъ Союзной французской Арміи и Французской Военной Школы! Согласно желанія самихъ Сенсирцевъ, они какъ бы влились въ ряды Александровцевъ, ходили въ строю съ юнкерами на чай, завтракъ, обѣдъ и ужинъ въ столовую училища и подчинялись всѣмъ правиламъ училищной жизни.

Воспитанниковъ — Сенсирцевъ было два, — фамилія одного изъ нихъ, насколько помнится, Тушаръ; съ воспитанниками пріѣхали два офицера — Сенсирца, которые были въ должностяхъ подобныхъ нашимъ ротнымъ командирамъ и курсовымъ офицерамъ

Всѣ они были въ своей военной французской формѣ, во французскихъ кепкахъ и въ плащахъ-накидкахъ; при появленіи ихъ на улицахъ Москвы, они невольно привлекали вниманіе всѣхъ встрѣчаемыхъ ими москвичей. Сенсирцы были въ полномъ восторгѣ отъ Москвы, а когда они побывали въ Кремлѣ, въ Кремлевскихъ дворцахъ и Соборахъ, около Царь-пушки и Царь колокола, когда увидали съ Иванъ Великаго всю панораму Москвы, то восторгамъ ихъ не было конца!.. „Се кремленъ, се кремленъ“ — восклицали они, глядя на Замоскварѣчіе съ массой церковей, которыя вырисовывались на фонѣ Воробьевыхъ горъ, покрытыхъ снѣжной пеленой.

Все что можно было показать Сенсирцамъ въ Москвѣ, было показано Александровцами въ нѣсколько дней.

Много альбомовъ съ видами Москвы получили Сенсирцы отъ училищныхъ дамъ и отъ Москвичей...

Дни летѣли быстро, а программа показа не изсякала! Нѣсколько разъ Сенсирцы проходили черехъ Святыя ворота (Спасскія) и каждый разъ снимали свои кепки, чтобы быть съ непокрытой головой. Были они и у Иверской Иконы Божьей Матери, гдѣ сосредоточенно стояли нѣсколько минутъ... Послѣ такихъ прогулокъ по Москвѣ, Сенсирцы съ удовольствіемъ отдыхали въ училищѣ на юнкерскихъ кроватяхъ, съ аппетитомъ ѣли съ юнкерами Александровскій „хлѣбъ да соль“.

Но вотъ время пребыванія Сенсирцевъ въ Москвѣ стало близиться къ концу и Александровцы устроили Сенсирцамъ прощальный торжественный обѣдъ.

Въ залѣ 3 роты, среди колоннады этого красиваго помѣщенія были накрыты столы, украшенные цвѣтами и вазами съ фруктами и конфетами; богатое Александровское серебро, подарокъ Александринскому кадетскому Корпусу Государыни Императрицы Супруги Императора Николая I, дополняло убранство столовъ; изящныя меню обѣда и программы музыки лежали у каждаго прибора. Оркестръ Александровской музыки размѣстился за колоннами. За $\frac{1}{4}$ часа до обѣда въ залъ пришли офицеры и юнкера училища, которые встали около своихъ приборовъ. Ровно въ 4 часа дня прибыли въ залъ и Сенсирцы, встрѣченные „Марсельзой“. Когда Сенсирцы встали у своихъ приборовъ дежурный барабанщикъ пробилъ сигналъ „на молитву“ и всѣ присутствующіе пропѣли молитву передъ обѣдомъ.

Послѣ закусокъ съ русской икрой, поданъ былъ малороссійскій борщъ съ пирожками, далѣе-шла рыба, дичь и телятина, мороженое, кофе, фрукты и конфеты, было подано и шампанское, когда начались рѣчи и тосты. „Вивъ ла Франсъ, вивъ ла Русси“ смѣнялось одно другимъ! И Александровцы, и Сенсирцы клялись вѣрностью другъ другу на вѣчные времена! Какъ „Марсельза“ такъ и „Боже Царя Храни“ были исполняемы нѣсколько разъ! Не хотѣлось кончать обѣдъ, — такъ было тепло на немъ и такъ ярко была подчеркнута истинная дружба двухъ военно-учебныхъ заведеній союзныхъ Государствъ — Франціи и Россіи!

Въ тотъ-же день вечеромъ Александровцы провожали Сенсирцевъ на Николаевскомъ вокзалѣ Ж. Д. При отходѣ поѣзда громкое „ура“ долго несло въ слѣдъ уходящему поѣзду, увозившему Сенсирцевъ въ С. Петербургъ...

Въ настоящее время прошло болѣе 30 лѣтъ со дня пребыванія Сенсирцовъ въ гостяхъ у Александровцевъ... Есть еще и теперь живые свидѣтели этого славнаго событія... И теперь, въ годины Русскаго лихолѣтія, хочется сказать Сенсирцамъ: „Александровцы сдержали свою клятву, они безропотно умирали на поляхъ сраженій: въ Великую войну, они не были участниками позорнаго Брестъ Литовскаго мира, они и теперь остались тѣми-же истинными сынами своей Родины — Россіи, вѣрными Ея союзникамъ!“ И какъ 30 лѣтъ тому назадъ, громкое Александровское „ура“ пусть несется въ честь славной Сенсирской Военной Школы!...

А. Курбатовъ.



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 43.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Июль 1931 г.

„Наши дурачества“

(Воспоминаніе Александровца).

Я старъ. 10 лѣтъ уже несу крестъ изгнанія. Кругъ моихъ удовольствій и развлеченій такъ убогъ и такъ безпощадно ограниченъ, что иной разъ думаю, думаю, чѣмъ бы поразнообразить свою монотонную и унылую жизнь и ничего лучшаго не придумаваю, какъ опять уйти въ далекое давно-минувшее прошлое.... Воспоминанія это источникъ вѣрный, исчерпывается не быстро! А къ тому-же, свойство старческой памяти таково, что чѣмъ дальше событіе, тѣмъ рельефнѣе и яснѣе оно восстанавливается. Александровское училище, кажется мнѣ, я помню со дня поступления и до дня выпуска, и сколько бы разъ я не вспоминалъ свою первую молодость, я не могу пройти мимо моего родного и горячо любимаго училища. Многое важное существенное давнымъ давно записано уже въ мои воспоминанія. Но случается порой, что вспомнится какой нибуть вздоръ, пустякъ и, тѣмъ не менѣе, онъ отвлекаетъ отъ пасмурныхъ настроеній и даже очень привѣтливо посмѣивается изъ далека. Вотъ о такомъ-то забавномъ происшествіи изъ маленькой хроники нашей юнкерской жизни я и хочу рассказать.

Былъ у насъ въ ротѣ Его Величества юнкеръ А-евъ. Юноша воспитанный, изящный, но страшный проказникъ. Во всѣхъ выходкахъ, гдѣ требовался юморъ, отвага и находчивость, онъ былъ зачинщикомъ и коноводомъ. Между прочимъ, онъ слылъ у насъ за „милліонера“; получалъ отъ отца по 25 р въ мѣсяцъ, что было больше перваго офицерскаго жалованья. Въ мое время пропорщикъ получалъ 276 р въ годъ, но на эти деньги ему надо было жить и шеголять, а юнкера-же, какъ извѣстно, были на всемъ готовомъ. Онъ-же, А-евъ слылъ у насъ за лучшаго танцора и пользовался неизмѣннымъ успѣхомъ на всѣхъ институтскихъ балахъ, а даже, иной разъ, дирижировалъ танцами.

Въ най-большемъ фаворѣ у Александровцевъ была Екатеринскій Институтъ. Можеть быть потому что, обожаемая институтками, ихъ начальница г-жа Мингалева благоволила Александровцамъ и называла ихъ самими интересными кавалерами“. Также и древняя институтская знаменитость, строжайшая классная дама, француженка м-ль Гутурбъ неизменно отзывалась о насъ какъ: „иль сонъ тужуръ ле плю корректъ е ле плю дистенге де ту“. Злые языки утверждали, что она состоитъ въ классныхъ дамахъ со временъ Иоанна Грознаго и что съ каждымъ столѣтіемъ дѣлается все злѣе и злѣе, Екатеринскій институтъ, по словамъ нашего доморощеннаго поэта (юнкеръ Бартеньевъ) представлялъ собой — „живой родникъ всѣхъ юныхъ прелестей и красоты“. На самомъ же верху „этого букета“ изъ весеннихъ цвѣтовъ красовалась неотразимая институтка Л-ва. Всѣ мы, юнкеры-кавалеры, отдавали ей на балахъ дань восторга и поклоненія, но и тутъ впереди другихъ оказывался А-евъ. Однако, и для него нелегка была конкуренція, — за Л-вой ухаживалъ молодой офицеръ, уланъ Х-невъ. Л-ва (дочь Тверскаго, Губернскаго Предводителя Дворянства) была очень скромна и застѣнчива, но все же не безъ нѣкотораго кокетства и не безъ сознанія своего первенства среди подругъ. Юнкеръ А-евъ, какъ первый танцоръ и дирижеръ пользовался ея замѣтнымъ вниманіемъ.

Въ училищѣ А-евъ частно дѣлился со мной своими восторгами по адресу Л-вой. Въ одно изъ Воскресеній онъ подошелъ ко мнѣ и, глядя на меня въ упоръ, спросилъ: „Хочешь видѣть Л-ву? Я посмотрѣлъ на него, какъ на угорѣлаго (на свиданія въ институты допускались только родственники), но, свою очередь спросилъ: „гдѣ, когда и какимъ образомъ? На это А-евъ оговѣтился, — „бери отпускъ и ѣдь“. Соблазнъ былъ великъ и спустя часъ, мы уже выходили черезъ главный подъѣздъ училища на Знаменку... Направились мы въ Леонтьевскій переулокъ, въ маленькій, хорошо намъ знакомый, ресторанъ Григорьева, Я долженъ оговориться, что этотъ ресторанъ-столовая была излюбленнымъ мѣстомъ нашихъ юнкеровъ; главной приманкой была спеціальность — ватрушки и солянка, а, кромѣ того, привлекалъ самъ хозяинъ служившіе раньше буфетчикомъ въ на-

шесть училищъ; Григорьевъ всезданзимънно ухаживае за юнкерами и былъ служивъ. Войдя въ ресторанъ, мы сейчасъ же вошли съ хазянномъ въ отдѣльную комнату; улыбающійся Григорьевъ, указывая на столъ, сказала А ву: вотъ вамъ. Николай Алексѣевичъ, всё, что вамъ требуется. На столѣ я увидѣлъ простой нарядъ фруктового разносчика и небольшой лотокъ, на которомъ горкой лежали сливы, яблоки, груши и виноградъ.

Тутъ только я понялъ, что я становлюсь участникомъ какой то мистификаціи и рискованнаго предпріятія. А-въ быстро нарядился, опоясался фартухомъ, поставилъ лотокъ на голову и, сопровождаемые смѣхомъ хозяина, мы черезъ чернѣйшій ходъ вышли на улицу. По дорогѣ разносчика стали оставлять прохожіе, кромѣ того, съ непривычки, лотокъ давилъ на голову и мы порѣшили продолжать путь къ институту на двухъ извозчикахъ: А-въ съ лоткомъ на одномъ и я, слѣдомъ за нимъ, на другомъ.

Подъѣзжая къ институту со стороны большого сада, мы остановились у сплошной высокой сѣтви. Продолженіемъ этой сѣтви была рѣдкая чугунная рѣшетка, сквозь которую я увидѣлъ въ саду гуляющихъ институтокъ. Съ наружной стороны рѣшетки стояли мороженщикъ съ кадкой, какой то разнощикъ съ корзиной и продавщикъ цвѣтовъ; институтки подходили къ рѣшеткѣ, разговаривали съ торговцами и покупали ихъ товаръ. А-въ соскочилъ съ извозчика, поставилъ лотокъ на голову и смѣста заоралъ во всю глотку — «клуб ни-ка са до вая!» Изъ за угла я видѣлъ, какъ къ рѣшеткѣ вновь подскочило нѣсколько институтокъ и даже разсѣшалъ, какъ онѣ спрашивали у новаго разносчика, поставившаго уже лотокъ на котѣно. — «а гдѣ же клубника?» «Помилуйте, какая-же клубника въ Августѣ мѣсяцъ?» — улыбаясь отвѣчалъ А-въ. «А зачѣмъ-же ты кричишь?» — опять спросили покупательницы. «Полагается, — безъ этого не продашь», сказала А-евъ. Какъ торговалъ А-въ, кто именно къ нему подходилъ и подошла ли Л-ва, всего этого я разглядѣть не могъ. Только минутъ черезъ двадцать я замѣтилъ, что садъ опустѣлъ и что А-въ со своей ношей приближается къ стоянкѣ нашихъ извозчиковъ. Къ крайнему изумленію ухмылявшихся извозчиковъ, А-въ сталъ угощать ихъ съ лотка, а затѣмъ-мы, каждый порозень направились въ ресторанъ Григорьева, гдѣ я узналъ что Л-ва подходила къ А ву, что узнала его, покраснѣла, какъ маковъ цвѣтъ и убѣжала; Но что всё таки онъ успѣлъ пожать ей ручку и чувствуетъ себя наверху блаженства!... А-въ взялъ съ меня слово молчать о его «подвигѣ», но черезъ нѣсколько дней чуть ли не вся рота знала о нашемъ походе и надо думать, что А-евъ самъ-же всѣмъ по очереди разсказалъ обо всѣмъ. На мой вопросъ, — зачѣмъ я ему понадобился въ этой экспедиціи, да еще въ такой пассивной роли, — я отвѣта не получилъ. Вѣроятно вдвоемъ веселѣе.

М Раковскій

(А-въ (вып. 1873 г.) убитъ подъ Горнымъ Дубнякомъ въ компаніи 1877 78 г.)

Памяти стараго Александровца

и Командира роты Его Величества А. В. У. С. С. Никитина.

Изъ приложенія къ приказу № 25 по Лейбъ-Гвардіи Кексгольмскому полку видно, что семья Александровцевъ понесла большую утрату въ лицѣ скончавшагося лѣтомъ 1930 года стараго Александровца и бывшаго командира роты Его Величества А. В. У. С. С. Сергѣя Сергѣевича Никитина, бывшаго офицера названнаго полка. Вотъ выдержка изъ этого приложенія:

Это былъ входновенный, идейный, прекрасный офицеръ, учитель порядочности, благообразія скромности и, наряду съ тѣмъ, носитель традиціи русской культуры въ офицерской средѣ, религиозный (съ древними образами въ «красномъ углу...»). знавшій прекрасно русскую исторію литературу, живопись и музыку, блестящій-интеллигентный гвардеецъ.

Недаромъ родное ему Александровское Военное училище, проведя своего питомца черезъ службу въ Лейбъ-Гвардіи Кексгольмскомъ полку, взяло его обратно — сначала своимъ адъютантомъ, а позже — командиромъ роты Его Величества, довѣривъ ему воспитаніе сотенъ русскихъ офицеровъ.

Въ 1900 году, съ производствомъ въ Полковники, С. С. Никитинъ служилъ въ Лейбъ-Екатеринославскомъ Гренадерскомъ полку, а затѣмъ былъ боевымъ командиромъ 181 Остроленаго пѣхотнаго полка, во главѣ котораго былъ тяжело раненъ и сталъ кавалеромъ креста и Оружія Св. Георгія

Революція застала его Генераломъ — Командиромъ Запасной Бригады. Дальше, — общія всѣмъ намъ страданія, какая-то низшая служба и мучительная кончина отъ рака..

Можно съ увѣренностью сказать, что оставшись въ С. С. С. Р., Сергѣй Сергѣевичъ остался непоколебимымъ въ его любви къ Россіи преданности Престолу, религіозности и рыцарствѣ. Умеръ старій Александровецъ въ глубокихъ душевныхъ и тѣлесныхъ мукахъ, но съ чистой совѣстью передъ Родиною и ея Арміей!... Спасибо генералу Б. Адамовичу такъ горячо и сердечно помянувшему нашего общаго друга.

Вѣчная память доблестному Александровцу!..

А. Курбатовъ.



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 44.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Августъ 1931 г.

Александровцы на маневрахъ въ 1897 г. подъ Звенигородомъ.

Лѣто 1897 года приходило къ концу. Стоялъ жаркій Іюль мѣсяцъ и наступали первыя числа Августа. Войска Ходянского лагеря были уже нѣсколько дней на большихъ маневрахъ подъ г. Звенигородомъ, куда шли „подвижнымъ сборомъ“, маневрируя между отдѣльными своими частями у самаго города Звенигорода, стоящаго на рѣкѣ Москвѣ, долженъ былъ быть послѣдній бой между маневрирующими частями, чѣмъ и заканчивался лагерный сборъ этого года.

Александровское Военное училище принимало участіе въ этихъ маневрахъ Московскаго Военнаго Округа, а юнкера Александровцы съ нетерпѣніемъ ожидали производство въ офицеры старшаго класса и роспуска на каникулы младшаго класса. Въмѣстѣ съ баталіономъ юнкеровъ, которымъ командовалъ Полковникъ Александръ Христіановичъ Травовскій былъ и Начальникъ Училища Генераль-Лейтенантъ Левачевъ. На маневрахъ присутствовали Командующій Войсками Московскаго Военнаго Округа, Московскій Генераль-Губернаторъ Великій Князь Сергій Александровичъ со своимъ начальникомъ штаба генераломъ Соболевымъ, бывшимъ раньше въ Болгаріи. 4 Августа маневрирующія войска подошли уже къ Звенигороду и двѣ противоположныя стороны находились въ одномъ переходѣ другъ отъ друга, на противоположныхъ берегахъ Москвы рѣки. Кавалерія обѣихъ сторонъ несла развѣдочную службу впереди своихъ отрядовъ и старалась захватить переправы черезъ рѣку Москву; кавалерійскія столкновения продолжались весь день 3 Августа и всю ночь на 4 Августа. Въ авангардѣ Московскаго отряда, наступающаго на Звенигородъ было и Александровское Военное училище.

Въ ночь на 4ое Августа на бивакѣ училища было получено приказаніе начальника отряда, въ которомъ было сказано, что въ 5 часовъ утра училище, какъ находящееся въ авангардѣ Московскаго отряда (одной изъ колоннъ), должно двигаться форсированнымъ маршемъ къ переправѣ черезъ Москву рѣку у Савы-Звенигородскаго монастыря, чтобы захватить ее до подхода главныхъ силъ Московскаго отряда. Въ эту ночь никто изъ Александровцевъ почти не спалъ, мечтая о томъ, что этимъ послѣднимъ столкновениемъ закончатся маневры, послѣ чего предстоитъ движеніе въ Москву на Знаменку, дѣ ожидается Высочайшая телеграмма изъ С. Петербурга о производствѣ въ офицеры выпускныхъ юнкеровъ. Еще не всало солнце, какъ баталіонъ юнкеровъ, разобравъ патки и потушивъ костры, всталъ въ ружье и двинулся по дорогѣ къ г. Звенигороду. Уже на половинѣ дороги до переправы черезъ Москву рѣку, было получено донесеніе, что непріятельская кавалерія идетъ тоже къ переправѣ. Благодаря жаркому лѣту, всѣ грунтовыя дороги превратились въ сплошныя рѣки черноземной или съ примѣсью песка, и потому Александровцы походили на людей желтой и, даже, черной расы. На смотря на то движеніе училища было „сверхъ форсированнымъ“, — и офицеры, и юнкера - Александровцы хорошо понимали, что отъ быстроты движеній зависитъ захватъ переправы т. е. выигрышъ маневра и конца его... Къ 9 часамъ утра къ мѣсту переправы черезъ рѣку прибылъ Великій Князь съ Великой Княгиней Елисаветой Федоровной и со свитой. На самой переправѣ шелъ бой спѣшанной кавалеріи и перевѣсъ былъ на сторонѣ противника. Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за этимъ кавалерійскимъ боемъ, а по свѣдѣніямъ штаба пѣхотныя части обонхъ отрядовъ были еще далеко отъ переправы... И вдругъ, неожиданно для всѣхъ, съ высоты, покрытой лѣсомъ, стали спускаться къ переправѣ передовыя дозоры Александровцевъ, за которыми следовалъ передовой отрядъ рота Его Величества Училища, подъ командой Гв. Капитана Гродкаго; эта рота быстро развинулась и, достигнувъ рѣки, открыла сильный огонь по противнику. За Царевой ротой буквально выросла 2яя рота училища, подъ командой

Гв. Капитана Ходнева, которая, под прикрытием 1-ой роты, прямо пошла в атаку на переправу. . . . Еще не успѣло заглухнуть „ура“ юнкеровъ 2 роты, какъ появились 3 и 4-ая роты Александровцевъ со знаменемъ и съ хоромъ музыки; и эти роты, подъ барабанный бой и звуки училищнаго марша, понеслись впередъ къ переправѣ за 2 ой ротой! . . . Командиръ 3-ей роты — Капитанъ Добронравовъ и командиръ 4 роты Гв. Капитанъ Павловъ, оба высокаго роста, шагали впереди ротъ съ обнаженными шашками. . . Громовое „ура“ Александровецъ понеслось по рѣкѣ Москвѣ и эхомъ разнеслось по полямъ со снятымъ уже хлѣбомъ. . . Неожиданность появления Александровцевъ была такъ велика, что отхлынувшая кавалерія противника не успѣла даже условно разрушить мостъ на переправѣ. И по мосту пронеслись роты Александровцевъ, снова разсыпались въ цѣпь и стали преслѣдовать отходящую отъ переправы спѣшанную кавалерію: Царева рота быстро собралась къ переправѣ и, образовавъ резервъ, зашагала по мосту, отбивая тактъ подъ звуки оркестра. . . Переправа была взята и находилась въ крѣпкихъ рукахъ Александровцевъ! Эготъ порывъ впередъ на маневрахъ невольно сравниваешь съ такимъ же порывомъ въ настоящемъ бою въ Таманскую экспедицію когда Александровцы, не смотря на огромную потерю (150 чел изъ 400) неслись впередъ и выбивали своего противника изъ его окоповъ. Да — наша русская славная молодежь умѣетъ себя показать когда нужно и какъ нужно!

Великій Князь былъ очень доволенъ дѣйствіями Александровцевъ, но нашлись и лица, которые говорили, что Александровцы выступили раньше указанного времени (ген. Соболевъ — не особенно любилъ Александровцевъ такъ какъ ему было подчинено Московское Юнкерское училище, къ которому онъ болѣе благоволил).

За Александровцами къ рѣкѣ подошли Перновскіе гренадеры, которые развернулись лѣвѣе училища и форсировали два брода черезъ рѣку; а за Перновцами подошли Несвижскіе гренадеры. . . И только послѣ этого подошли части Звенигородскаго отряда, которая уже не могли остановить продвиженія Московскаго отряда

Въ 10 часовъ утра Великій Князь, видя ясную обстановку общаго столкновения, приказалъ играть „отбой“, а за „отбоемъ“ послѣдовалъ сигналъ „вызовъ начальниковъ“. Къ переправѣ спѣшили начальствующія лица обѣихъ сторонъ и посредники маневра; Великій Князь слѣзъ съ коня, а Великая Княгиня осталась въ каласкѣ. Когда къ Великому Князю подѣхалъ Начальникъ училища генералъ Левачевъ, то онъ высказалъ ему свое удовольствіе дѣйствіями Александровцевъ. Юнкерамъ было разрѣшено сейчасъ-же купаться въ Москвѣ рѣкѣ, а затѣмъ послѣдовало распоряженіе тутъ-же у переправы стать бивакомъ. Вскорѣ на бивакъ прибылъ обозъ училища и поваръ Алексѣй Ивановичъ накормилъ Александровцевъ вкуснымъ обѣдомъ. Къ вечеру всѣ уже настолько отдохнули, что могли отправиться въ Саво-Звенигородскій Монастырь. Помолившись Богу у угодника Божьяго, Александровцы къ вечерней зорѣ были на бивакѣ, чтобы выспаться передъ обратнымъ движеніемъ въ Москву за Знаменку.

А на Знаменкѣ уже была получена телеграмма о производствѣ въ офицеры.
А. К.

„Сень-Сирцы — Александровцамъ“.

На № 42 Александровца посланий при письмѣ во Францію Сень-Сирцамъ, былъ полученъ отвѣтъ, текстъ котораго, переведенный на русскій языкъ, помѣщается ниже.

ВОЕННОЕ МИНИСТЕРСТВО

Спеціальная Вое. за

Школа

№ 360/Е. С.



Генералъ Гершеръ Командующій

Спеціальной военной Сенсирской Школой

Его Превозходительству Генералу Курбатову.

Господинъ Генералъ!

Я получилъ и прочелъ съ волненіемъ письмо, которое Вы соблагволили мнѣ прислать по случаю столѣтія славнаго Александровскаго Военнаго училища, находившагося въ Москвѣ. Преждніе и тепершіе Сенсирцы вѣрно хранятъ воспоминаніе которое соединяетъ наши оба два училища и наши обѣ Арміи, которая научились познавать другъ друга во время этихъ незабываемыхъ празднество союза, развернушагося вотъ уже болѣе тридцати лѣтъ таму назадъ въ каждой изъ нашихъ дорогихъ странъ и которая вы заставили пережить снова во всей ихъ интимности со сторонѣ Александровцевъ въ описаніи отъ 12 Юня 1931 года. Эти чувства откровенной сердечности всегда выходили невольно наружу при всякой нашей встрѣчѣ и совсѣмъ особенно — со времени послѣдней войны, въ которую кровь обоихъ союзниковъ была такъ широко пролита. Я имѣю честь просить Васъ вѣрнѣе, Ваше превозходительство, въ наши чувства высокой любви и глубокой дружбы, которыхъ я дѣлаюсь передатчикомъ съ огромнымъ удовольствіемъ.

(подпись и печать).

А. Курбатовъ.

№ 45. „Кому служба мать, а кому-мачиха“.



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Сентябрь 1931 г.

Честь и слава Александровцу-герою, генералу отъ инфантеріи Николаю Николаевичу Юденичу (вып. 1881 г.)

„Ровно поль-вѣка тому назадъ, 8 (21) Августа 1881 г. Высочайшимъ приказомъ, въ Москвѣ, въ числѣ другихъ юнкеровъ Александровскаго Военнаго Училища былъ про-
зведенъ въ офицеры 19-лѣтній юнкерь Николай Юденичъ. Не одинъ изъ юнкеровъ,
этотъ памятный для каждого день, уже носилъ, по совѣту Наполеона, если не въ по-
одномъ ранцѣ, то въ своемъ юномъ сердцѣ маршальскій жезлъ, но никто, конечно, не
огъ предвидѣть, что выпущенный въ Л. Гв. Литовскій полкъ ихъ сотоварищъ Юденичъ
ерезъ 35 лѣтъ станетъ извѣстнымъ не только всей Россіи, но и Европѣ, и Америкѣ
епобѣдимымъ героемъ Кавказа“ („Часовой“ Военный отдѣлъ стр. 4).

Листокъ „Александровецъ“ считаетъ своимъ долгомъ отмѣтить на своихъ скром-
ихъ страницахъ день пятидесятилѣтія производства въ офицеры Александровца-полко-
одца, кавалера ордена Св. Георгія 2 степени, главнокомандующаго Кавказскимъ фрон-
омъ и главнокомандующаго Сѣверо-Западной Добровольческой Арміей Генерала Н. Н.
Юденича. Честь и слава Александровца героя одновременно есть слава Александровскаго
военнаго Училища!...
А. К.

Разборка вакансіи юнкерами А. В. У.

Ежегодно, въ концѣ Іюня, однимъ изъ крупныхъ событій въ жизни А. В. У.,
ыла разборка вакансій выпускными юнкерами. Еще въ серединѣ этого мѣсяца въ лагер-
ой училищной канцеляріи шла работа по размноженіи числа списковъ вакансій для вы-
ускныхъ юнкеровъ; попутно отлитографировывались и списки старшинства юнкеровъ по
алламъ. Списки эти, вмѣстѣ со списками вакансій раздавались выпускнымъ юнкерамъ,
также назначалось время самой разборки вакансій. Для каждого юнкера наступалъ то-
а важный моментъ его жизни: вѣдь отъ этого выбора вакансій зависела вся дальнѣй-
ая жизнь и вся служебная карьера молодого офицера. Было надъ чѣмъ призадуматься,
ыло что взвѣсить и на что рѣшиться... Надо была намѣтить нѣсколько вакансій,
тобы быть готовымъ на случай, если намѣченная вакансія будетъ взята вышестоящимъ
о балламъ юнкеромъ; надо было соблюсти и нѣкоторый секретъ отъ товарищей по
ыпуску о намѣченной вакансії... Иначе говоря всѣ выпускные, за исключеніемъ
ерваго по балламъ, составляли себѣ списочки вакансій по желательности ихъ занятія.
естественно было стремленіе попасть въ Гвардію, въ артиллерію, въ саперныя части,
въ казачьи, гренадерскія, срѣлковыя и пр. части; играло роль и мѣсто стоянокъ частей:
Сибиряки стремились къ себѣ въ Сибирь, Туркестанцы — въ Туркестанъ, южане — на
огъ и т. п. На выборъ вакансій имѣли вліяніе и разныя свѣдѣнія о части, какъ то:
орма одежды, отличія части, образъ жизни и т. п.; матеріальная сторона тоже иг-
ала нѣкоторую роль, такъ какъ прогонныя и педѣмныя деньги соблазняли нѣкоторыхъ
зъ выпускныхъ юнкеровъ. Къ назначенному для разборки вакансій дню, всѣ юнкера ус-
ѣвали и понервничать, и потомиться ожиданіемъ рѣшительнаго момента.

Самая разборка вакансій описана въ листкѣ „Александровецъ“ № 11, а потому
повторяться не приходится... Но всё же, какъ яркій примѣръ того, что вліяло на рѣше-
іе взять ту или другую вакансію можно привести интересный разказъ старика Алексан-
дровца, озаглавленный имъ — „Кому служба мать, а кому мачеха“.

„Кому служба мать, а кому мачеха“.

(воспоминаніе стараго Александровца вып. 1870 г.).

Въ А. В. У. я дружилъ съ юнкеромъ Николаемъ Волковымъ, уроженцемъ Мос-
ви, съ которымъ, по выходѣ узъ училища, я встрѣчался только два раза: первый разъ —

въ 1877 году, на воинъ, въ Болгаріи (въ чинѣ поручика Л. Гв. Измайловскаго полка; онъ состоялъ въ офицерскомъ конвоѣ Его Величества) и второй и послѣдній — въ Одессѣ когда онъ былъ у меня уже въ Полковничьемъ чинѣ.

По нашему поступленіи въ училище, насъ разомъ потянуло другъ къ другу, и затѣмъ, въ самомъ скоромъ времени, я сталъ очень близокъ ко всей семьѣ Волковыхъ настоящихъ москвичей прежняго, стараго покроя. Семья состояла изъ очаровательной матушки, трехъ ея сыновей и четырехъ дочерей, одна другой лучше... Жили они всѣ подъ опекой своего стараго дѣда Волкова, отставнаго заслуженнаго генерала, ветерана Крымской компаніи. Жили они на Гороховомъ полѣ, въ собственномъ домѣ Выраженіе — „въ собственномъ дѣдовскомъ домѣ“ — не точно такъ какъ кромѣ большого дома, фасадомъ на улицу, въ обширномъ дворѣ было нѣсколько флигелей, всевозможныя службы а за ними — гимнастика, качели и большой фруктовый садъ. Получалось такое впечатлѣніе, какъ будто это не городъ Москва, а зажиточная дворянская усадьба. Картина, впрочемъ, для Москвы шестидесятыхъ годовъ далеко не единственная....

Воскресенія были для меня двойнымъ праздникомъ, такъ какъ я очень часто обѣдалъ у Волковыхъ. За огромный, обѣденный столъ садилось обыкновенно человѣкъ 15-20 и всѣ больше молодежь обоего пола. Оживленіе за столомъ было большое. Добродушнѣйшій старикъ-генералъ, души не чаявшій во внукахъ и вообще любившій молодежь, потакалъ всякимъ нашимъ проделкамъ и шалостямъ. Если-же къ концу обѣда мы не унимались и создавался невообразимый шумъ, генералъ командовалъ „смирно“ и мы съ трудомъ успокаивались, чтобы послѣ обѣда снова закрутиться въ вихрѣ игръ, смѣха, музыки, танцевъ и всякаго веселья... Господи, какъ было хорошо!... Какъ дороги эти воспоминанья!... И куда только, подумаешь, все это исчезло и ушло отъ нашей нынѣшней, обездоленной молодежи!... Глупо, можетъ быть, въ 80 лѣтъ отъ роду вспоминать съ восторгомъ и благодарностью свое юношество и ранюю молодость, но для меня лично наша современная жизнь, безъ воспоминаній, стала бы невыносимой, или совсѣмъ невозможной!...

Однако, до сихъ поръ, я еще не подошелъ къ сюжету обѣщанному въ заголовкѣ моего разсказа. Но мнѣ кажется, грѣхъ мой не такъ ужъ великъ... Прежде всего, я Александровецъ и воспоминанье мое для „Александровца“, а Александровское Военное Училище росло и посѣдѣло въ Москвѣ и среди Москвичей, — стало-быть всѣ, что говорится о прежней Москвѣ и Москвичахъ, все намъ не чуждо. Затѣмъ, въ эмигрантской русской семьѣ, вокругъ и около, все такъ пасмурно и безотраднo, что поневолѣ, наши мысли въ поискахъ утѣшенья бѣгутъ къ далекому прошлому (отъ редакціи: — среди всего безотраднaго всѣ же есть и „отрадное“ — Р. О. В. С., который, какъ оазисъ въ пустынѣ, служить пристанищемъ для крѣпкихъ духомъ русскихъ людей, непотерявшихъ вѣру въ то, что Россія будетъ). Думать о Москвѣ „настоящей“, о томъ, какъ вернуть ее къ „прежней“, это нашъ долгъ, трудъ и забота; думать-же о „старой“ Москвѣ, это нашъ отдыхъ, надежда и удовольствіе.... Такъ я полагаю — друзья однокашники, и мнѣ остается только просить прощенія за всякія уклоненія въ сторону!...

Теперь, — къ разсказу!...

Въ одно изъ воскресеній 1871 года, явившись къ Волковымъ, я доглядѣлъ въ ихъ домѣ необычайную суету. Оказалось, что къ обѣду ждугъ важнаго гостя, Пом. Ком. войск. Туркест. Военн. Окр. генерала В. Н. Т. — аго (впослѣдствіи Ком. Войск. Вил. о). За обѣдомъ вся молодежь вела себя чинно, скромно, и въ разговоры старшихъ не вмѣшивалась. Бесѣда шла преимущественно на темы военныя и, между прочимъ, одинъ генералъ сказалъ: „да, служба кому мать, а кому и мачеха“. — „Это вѣрно“ — замѣтилъ генералъ Т. и къ этому прибавилъ: позволте мнѣ разказать вамъ о случаѣ, какъ вы сами изволите увидѣть, вполне достовѣрнымъ. Всѣ насторожились, и я видимо, былъ очень внимателенъ, если спустя 60 лѣтъ могу возстановить разказъ генерала Т. чуть ли не со стенографической точностью..

Онъ началъ такъ; Въ Брестъ-Литовскомъ крѣпостномъ баталіонѣ жилъ-былъ прапорщикъ Николай Т. Смолоду онъ женился и черезъ годъ жена подарила прапорщика сыномъ. Мальчика крестили, назвали Виталіемъ, а затѣмъ, до 10 лѣтъ онъ благополучно росъ подъ крылышкомъ родной-матушки. Въ 10 лѣтъ Виталія отдали въ кадетскій корпусъ и, въ свое время, Виталій успѣшно прошелъ корпусъ со спеціальными классами, выпущенъ въ офицеры, окончилъ академію Ген Штаба и сравнительно скоро сталъ генераломъ. Всѣ вы, конечно, угадали, что бывшій мальчикъ Виталій — это я. Но рѣчь не обомнѣ одномъ... Въ годъ моего производства, мой отецъ шагнулъ въ подпоручики и, такимъ образомъ, я и онъ очутились въ одномъ и томъ же чинѣ. Когда-же я былъ въ чинѣ полковника, мой бѣднѣй родитель былъ представленъ въ поручики, но ему не суждено было увадѣть три звѣздочки на своихъ погонахъ; приказъ о производствѣ не засталъ-уже его въ живыхъ!...

Вотъ вамъ и „мать и мачеха“ въ одной и той-же семьѣ!... Послѣ этого обѣда я почему то впадалъ въ уныніе и далъ себѣ слово никогда не служить въ крѣпостномъ баталіонѣ, да и вообще въ крѣпостныхъ войскахъ!..

М. Раковскій (Милань).

А. Курбатовъ.



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 46.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Октябрь 1931 г.

Посѣщеніе А. В. У. Императоромъ Александромъ III въ 1886 году.

(воспоминаніе стараго Александровца вып. 1887 г.)

Это было весною... Въ училищѣ шли экзамены и я переходилъ на старшій курсъ.

Ввиду ожидающагося прїѣзда въ Москву Императора Александра III съ Августѣйшимъ семействомъ, въ училищѣ шла усиленная подготовка къ Высочайшему смотру войскъ Московскаго гарнизона. Сердца наши заранѣе волновались отъ радости увидѣть Могучаго Русскаго Царя и нашего Державнаго Шефа! На заднемъ дворѣ училища, а по субботамъ — въ городскомъ манежѣ, нашъ баталіонъ „набивалъ ногу“; вѣдь училище должно было первымъ открыть прохожденіе церемоніальнымъ маршемъ передъ царемъ!.. Начальникъ училища, Генералъ Самохваловъ посѣщалъ эти занятія и всё неудовлетворенъ ялся ими: „въ валенкахъ ходюгъ“ (вмѣсто-ходить), „не слышу ноги“ — истерично кричалъ онъ, а мальчишки, которыхъ на заднемъ дворѣ училища было много, изъ за угла передразнивали его, выкрикивая: — „разъ, два, три — Епишка“ и разбѣгались вразсыпную отъ посланныхъ ихъ разгонять училищныхъ солдатъ...

Наконецъ наступила репетиція смотра на театральнй площади. Намъ выдали половинное походное снаряженіе. палатки, веревки, стойки, приколыши, котелки, баклаги и новыя ружейные ремни и желтоватыя новыя патронныя подсумки. Нѣкоторые юнкера, называемые „шмекерами“, старались достать постарѣе шинель или раздобыть одѣяло, чтобы закатать изъ въ палатку для легкости „хомута“ (скатки). этихъ юнкеровъ старались мы устыдить, что легко и достигалось. Репетиція смотра прошла хорошо и мы съ нетерпѣніемъ стали ожидать царскаго парада! Но вотъ и этотъ желанный день наступилъ... Когда мы утромъ встали и попили утренній чай — не помню, но хорошо запомнилъ, что наше снаряженіе и парадное платье были приготовлены и лежали у кровати уже съ вечера кануна дня парада. Не смотря на скромное походное снаряженіе мы блестяли своими бѣлыми погонами съ золотыми галунами и съ желтоватыми вензелями Императора Александра II, чѣмъ и выдѣлялись изъ общей массы войскъ. А нашъ интеллигентный видъ и отличная военная выправка невольно обращали на насъ вниманіе всѣхъ Москвичей. Со стороны Охотнаго ряда, подъ нашу славную музыку, мы вступили на Театральную площадь, гдѣ встали по жалонерамъ на самомъ правомъ флангѣ всѣхъ войскъ. Немного почистившись, стали равняться по указанной линіи Начальникъ училища всё время подбадривалъ насъ и напоминалъ намъ о томъ, что мы изъ себя представляемъ. Дали намъ и оправитье, послѣ тщательной повѣрки равенія по фронту и въ затылокъ. Въ это время къ Начальнику училища подсказалъ офицеръ генеральнаго штаба съ приказаніемъ — „Училищу передвинуться на нѣсколько шаговъ вправо“. Генералъ Самохваловъ остался недоволенъ этимъ новымъ распоряженіемъ и громко сказалъ: „намъ и тутъ хорошо, мы стоимъ первыми и пусть по насъ равняются!“ Наша третья рота завидовала ротѣ Его Величества, какъ стоящей впереди насъ въ четырехъ колоннѣ (рота за ротой). Но время шло быстро и вотъ раздалась команда — „баталіонъ на плечо, а затѣмъ — „слушай на краулъ“. Трудно было тогда что-либо запомнить, а теперь еще труднѣе вспомнить!... Мы видѣли лишь Царя-Великана, сидящаго верхомъ на огромной лошади, мы слышали Его могучій голосъ — „здравствуйте господа!“

Нашъ молодецкій отвѣтъ смѣнился звуками гимна и могучимъ „ура“-безъ конца!..

Незамѣтно для насъ кончился довольно долгой объѣздъ всѣхъ войскъ и затѣмъ послѣдовало перестроеніе къ церемоніальному маршу. Наступила „трепетная“ минута для насъ — Александровцевѣ, такъ какъ всѣ мы боялись того, чтобы „неподгадить“ ротѣ, всему баталіону и нашему Александровскому Военному училищу!

Вотъ мы уже идемъ мимо своего Державнаго Шефа, духъ замираетъ, нога

крѣпко отбиваетъ... Наконецъ мы слышимъ громкую Царскую похвалу, на которую дружно отвѣчаемъ — „Рады стараться Ваше Императорское Величество“!... Какъ радость и легко теперь!..

За этимъ слѣдуетъ быстрое движеніе къ Иверской Иконѣ Божьей Матери (Иверскіе ворота) съ перестроеніемъ на ходу въ походную колонну для слѣдованія домой по Александровскому скверу вдоль Кремля; у Троицкихъ воротъ остановка для минутнаго отдыха и для подхода нашей музыки. Смотръ сошелъ блестяще! Всѣ мы ликовали!..

А со слѣдующаго дня началось ожиданіе пріѣзда Государя къ намъ въ Училище Нѣскольکو дней мы, въ извѣстные часы дня, сидѣли „по кроватямъ“, ожидая пріѣзда Царя. Одинъ разъ Царь проѣхалъ по Знаменкѣ мимо училища и швейцаръ училища, въ красной ливрѣ съ булавой и въ треуголкѣ, ловко выкинулъ красное сукно отъ подъѣзда на улицу, но царскій кортежъ миновалъ училище. Публика, стоявшая здѣсь, разразилась смѣхомъ и кто-то громко сказалъ швейцару — „промазалъ“. И это слово съ тѣхъ поръ стало „лѣгучимъ“ въ Училищѣ.

Наконецъ, послѣ томительныхъ дней ожиданія, намъ объявили, что въ такой-то день Государь будетъ у насъ на занятіяхъ, которыя должны идти по нормальному расписанію. Не могу вспомнить день и часъ пріѣзда въ училище Царя, но хорошо помню, что въ моей ротѣ и на моемъ курсѣ было фехтованіе въ фехтовальномъ залѣ (за гимнастическимъ заломъ), куда мы пошли въ гимнастеркахъ, захвативъ съ собой и мундиры, чтобы быстрѣе переодѣться для проводъ Царя при Его отъѣздѣ. И вотъ, во время фехтованія, мы увидели своего Царя! Онъ вошелъ къ намъ съ Государыней Императрицей Маріей Федоровной, съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ и съ Вел. Княземъ Георгіемъ Александровичемъ. Отъ волненія, прокричавъ отвѣтъ на привѣтствіе Царя, я не сразу разглядѣлъ Государя: глаза мои упирались въ середину груди Его и мнѣ пришлось поднать голову много выше, чтобы обхватить всю гигантскую фигуру Царя и увидѣть Его лицо съ добрыми глазами. Всѣ мы были поражены большимъ ростомъ Императора и сравнительно малымъ ростомъ Царицы. Великій Князь Георгій Александровичъ все смѣялся надъ фехтующимися юнкерами и подталкивалъ своего брата, который старался быть серьезнымъ. По рядамъ нашимъ, стоявшимъ вольно, уже тогда ходилъ слухъ, что фельдфебель роты Его Величества Д., подносившій Царицѣ букетъ цвѣтовъ, такъ растерялся, что забылъ поцѣловать протянутую Царицей руку и только пожалъ ее и потрясъ; фельдфебель Д. имѣлъ рыжіе волосы и юнкера сейчасъ же дали ему кличку — „рыжий-потряси“. Какъ только Государь вышелъ изъ гимнастическаго зала, мы быстро переодѣлись въ мундиръ и побѣжали въ сборный залъ училища, рассчитывая еще разъ повидать Царя и Царицу; наши офицеры не останавливали насъ въ нашемъ порывѣ и сами пошли за нами. Мы застали Государя уже въ корридорѣ у сборнаго зала, ведущаго ко второй швейцарской (офицерскій подъездъ). Мнѣ постучалось въ голову, я очутился впереди другихъ юнкеровъ сзади Военнаго Министра Генерала Ванновскаго. Когда мы спускались по лѣстницѣ въ швейцарскую, то Военный Министръ обернулся къ юнкерамъ и сказалъ: — „не смѣть идти дальше“! Но сзади на насъ такъ напирали, что выполнить приказаніе было нельзя; я покатился внизъ по лѣстницѣ и чуть не сбилъ ступеньку Военнаго Министра, схватившись за хлястикъ его пальто. Но вотъ еще новый напоръ сзади и я уже на улицѣ, пролетѣвъ швейцарскую; крѣпко обхвативъ фонарный столбъ у подъѣзда, я очутился около самой коляски отъѣзжающаго Царскаго Семейства. Когда экипажъ тронулся, Царь привѣтливо простился съ юнкерами и приложилъ руку къ козырьку, отдавая честь. Громкое „ура“ понеслось по Знаменкѣ и мы побѣжали за царской коляской... До самаго Кремля мы провозжали своего Державнаго Шефа и только отъ Боровицкихъ воротъ вернулись назадъ въ училище. У самаго подъѣзда училища увидѣли, какъ разносилъ Военный Министръ нашего начальника училища, — „это безпорядокъ, это деморализація“ кричалъ онъ; на этотъ крикъ Начальникъ Училища отвѣтилъ: „Ваше Высокопревосходительство, мои юнкера въ первый разъ видятъ своего Царя за котораго они присягали умереть, они не могутъ ничего видѣть, кромѣ своего Государя“!... Военный Министръ видимо, съ этимъ былъ согласенъ, такъ какъ въ тотъ же день, находясь въ 1 Московскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, онъ говорилъ: „меня, Военнаго Министра, столкнули юнкера съ лѣстницы прямо на улицу“!... Въ училищѣ цѣлый день шло ликованіе, а экзамены этого дня были сдѣланы „только для вида“. Долго-долго въсхъ насъ оставалось неизгладимое и сильное впечатлѣніе, произведенное на насъ Великимъ Царемъ Александромъ III! Да и теперь, черезъ 45 лѣтъ, оно не изгладилось...

В. Любимовъ.

Бъ этомъ году исполнилось 50 лѣтъ служенія въ офицерскихъ чинахъ Александрова-фельдфебеля 4 роты, генерала-лейтенанта Саранчева (вып. 1881 года), что и отмѣчается въ этомъ Н-рѣ листка „Александровецъ“... Глубокой привѣтъ ему и сердечное поздравленіе!... Вмѣстѣ съ Сумцами Александровцами пожелаемъ ему всего-всего наилучшаго

А. Курбатовъ



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 47.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Ноябрь 1931 г.

Смотръ юнкеровъ Императоромъ Александромъ II (въ 1872 году).

Смотръ нашего своднаго отъ двухъ училищъ баталіона состоялся на второй верстѣ Гатчинскаго шоссе. (1 аго Военнаго Павловскаго и 2 аго Военнаго Константиновскаго Училищъ).

Начальства и свиты собралось больше, чѣмъ юнкеровъ въ строю. Лишь только батальонный командиръ не нашего училища, Полковникъ Д-нъ, наскоро выравнивалъ длинную линію развернутаго строя, какъ показалась царская каляска, и громкое — „смирно“ — заставило насъ застыть на мѣстѣ. Государь объѣхалъ верхомъ баталіонъ, вглядываясь при стально въ каждого юнкера. Мы помнили правило, что надо на начальника „смотреть въ село и провожать его глазами“, но передъ нами былъ Государь — и невольно, при Его взглядѣ, пробѣгали мураши по тѣлу, а шея какъ-то нервно вздрагивала, точно не выдерживала тяжести головы. Государь остался доволенъ бравымъ видомъ юнкеромъ и объѣхавъ баталіонъ, сказалъ: „Молодцы“. Это ободрило юнкеровъ и развязало сковаанные волненіемъ члены. Всѣ шестьсотъ человекъ обратились въ одинъ послушный механизмъ, который отъ одного нажима моментальнымъ общимъ движеніемъ, сбрасывалъ съ плечъ и подбрасывалъ обратно ружья. Подлѣ меня въ строю стоялъ молодцеватый Голъвъ, и я чувствовалъ, какъ весь снѣ отдавался ружейнымъ приѣмамъ, поворотамъ и маршировкѣ, нисколько ни уступая ни одному изъ „образцовыхъ“ унтеръ офицеровъ Гайки на стволѣ его ружья нарочно были не плотно стянуты и при приѣмахъ лязгали въ тактъ, что доставляло ему видимое удовольствіе. Мой лѣвый сосѣдъ, Ивановъ 1-ый, также лѣзъ изъ кожи вонъ и отъ усилія какъ-то болѣзненно гримасничалъ. Поминутно слышались благодарность Государя и наши радостные отвѣты на нее. Въ заключеніе ученія мы, моментально, бѣгомъ, съ удивительной быстротой, перемѣнили фронтъ, живо выравнились и приготовились къ залпамъ. Лишь только полковникъ Д-нъ протяжно запѣлъ — „батальонъ“ — и не успѣлъ произнестистрое „пли“, какъ кто-то дернулъ курокъ (спускъ курка) и раздался выстрѣлъ. Для смотря это хуже, чѣмъ детонированіе пѣвцомъ, — это равносильно полной потерѣ ансамбля, такъ какъ за такимъ выстрѣломъ обыкновенно сыплется горохомъ пальба не сдержавшихся сосѣдей, потомъ слѣдуетъ спѣшная команда, — и получается некрасивая каша. При звукѣ злополучнаго выстрѣла у многихъ пронеслась мысль, — пропалъ смотръ; но, къ счастью, никто ни соблазнился дурнымъ примѣромъ, и ружья баталіона продолжали гладкимъ, блестящимъ металлическимъ зонтикомъ спокойно висѣть по фронту. Такая выдержка пѣ пору очень опытнымъ солдатамъ, и Государь тотчасъ-же похвалилъ насъ. Затѣмъ послѣдовалъ моментальный залпъ, и, наконецъ, третій-заключительный залпъ. Всѣ вышло хорошо. Начальникъ училища и командиръ баталіона съ распливающимися отъ удовольствія лицами слушивали блалодарность за хорошую подготовку.

Послѣ церемональнаго марша Государь приказалъ вызвать пѣсельниковъ, и подѣ звуки громогласнаго — „грянемъ, братцы, пѣсню!“ — Онъ ѣхалъ подлѣ батальона до тѣхъ поръ, пока нашъ громадный юнкерскій хоръ, аккомпанируемый оркестромъ, съ воодушевленіемъ не закончилъ пѣсню словами: „на воротахъ Царя — града водрузимъ Олеговъ щить!...“

И скоро, черезъ пять лѣтъ, большинству этой молодежи пришлось дѣйствительно двинуться къ воротамъ Царя-града. (во время русско-турецкой войны 1877-78 г. за освобожденіе балканскихъ славянъ). Не мало изъ нихъ спятъ уже вѣчнымъ сномъ на поляхъ Болгаріи, но всѣ участвовавшіе пѣ бояхъ показали себя истинными героями, оправдавъ и царскую отеческую ласку, и царское спасибо... .

В. С. Кривенко.

Отъ редакціи: В. С. Кривенко въ 1985 году былъ Управляющимъ Императорскихъ театровъ въ С. Петербургѣ и часто давалъ возможность многимъ Александровцамъ, бывшимъ въ этомъ городѣ въ отпуску, посѣщать оперу, балетъ и драму въ тѣ дни, когда его ложа была свободна. Самъ В. С. Кривенко былъ юнкеромъ Павловскаго Военнаго Училища.
А. К.

Александровцы въ Харбинѣ.

Въ одномъ изъ послѣднихъ Ноябрьскихъ номеровъ газеты „Возрожденіе“ была помѣщена замѣтка Александровцевъ города Харбина, обращавшихся съ просьбой указать адресъ председателя Объединенія Александровцевъ въ Парижѣ. (Е. Богдановича). Изъ этого обращенія можно заключить, что и на Дальнемъ Востокѣ существуетъ объединеніе Александровцевъ, которыя желаютъ связаться со своими однокашниками, находящимися въ Европейскихъ Государствахъ. Принимая во вниманіе, что въ Америкѣ есть дѣлая группа Александровцевъ, можно сказать: „Переключка Александровцевъ всё ширится и ростеть!...“

Александровцы въ Софіи.

Истекшая зима дала возможность Александровцамъ, живущимъ въ Софіи, нѣсколько разъ собираться, за чашкой чая; кромѣ того былъ устроенъ вечеръ въ Русскомъ домѣ, организованнй председателемъ Объединенія Александровцевъ Л. Н. Хаминнымъ.

На одномъ изъ собраній было рѣшено озаботиться теперь-же сборомъ для музея училища всего того, что къ нему относится какъ изъ прошлаго училища, такъ и изъ современной жизни Александровцевъ.

На товарищеской бесѣдѣ, между прочимъ, выяснилось, что первымъ Начальникомъ Болгарскаго Военнаго Училища, находящагося въ Софіи и отпраздновавшаго недавно пятидесятилѣтній юбилей, былъ Александровецъ генераль Флейшеръ. (бывшій юнкеръ А. В. У. и курсовой офицеръ училища).

На собраніи-же рѣшено имѣть Альбомъ изъ жизни Александровцевъ, куда заносить всё то, что касается питомцевъ какъ стараго, такъ и возсозданнаго Александровскаго Военнаго Училища.

Рѣшено просить генерала Курбатова прислать въ Софію всё то, что имъ уже собрано за время нахождения въ эмиграціи; этотъ матеріалъ долженъ послужить первымъ вкладомъ въ начинаемое дѣло.

Хранителемъ музея избранъ Александровецъ Прапорщикъ Антонина Кочергина—Чазова выпуска 1927 года, участника 1-аго Кубанскаго похода.

В. С.

Вполнѣ сочувствуя дѣлу, предпринятому Александровцами — Софіи, пришлю всё, что можно для осуществленія задуманнаго.

А. Курбатовъ.

№ 48 Декабрь. Старый Историческій Музей А. В. У.



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 48.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Декабрь 1931 г.

Съ Новымъ Годомъ!

1932 годъ — годъ высокосный и по народнымъ повѣрьямъ — несчастливый...

Пусть-же это повѣрїе приложится къ врагамъ нашей Родины, а намъ Русскимъ людямъ, да подастъ Господь счастье увидѣть возрожденіе и воскресеніе Россіи!...

Историческій Музей А. В. У.

Историческій музей Александровскаго Военнаго Училища въ Москвѣ основанъ въ 1907 году при Начальникѣ Училища Генераль Лейтенантѣ Е. А. Ферсманѣ.

При своемъ основаніи, музей помѣщался среди классныхъ помѣщеній въ одномъ изъ запасныхъ классовъ, находящемся посреди „класснаго корридора“. Позднѣе его перенесли въ помѣщеніе, находящееся противъ дежурной комнаты, съ дверью въ первую швейцарскую (рядомъ помѣщеніе для караула), раньше тамъ была офицерская квартира, гдѣ жили многіе изъ курсовыхъ офицеровъ.

Въ музей вела желѣзная рѣшетчатая дверь ввидѣ погона Училища съ вензелемъ Императора Александра II. Внутри на дверяхъ была бѣлая зановѣска такъ-что, — когда она была задернута — получался точный погонъ училища. Надъ дверью, въ самомъ помѣщеніи, были размѣщены погоны всѣхъ Кадетскихъ Корпусовъ, что еще больше украшало входъ въ музей. По срединѣ комнаты стоялъ большой бюстъ Императора Александра II, сдѣланный однимъ изъ юнкеровъ училища (тѣмъ же юнкеромъ былъ сдѣланъ бюстъ фельдмаршала Суворова, который находился также въ Музеѣ). На право отъ входа стояли 2 знамени — Аиксандринское и Александровское, — а также витрины съ мундирами Шефовъ Училища — Императоровъ Александра II и Александра III. Тутъ же на стѣнѣ, въ рамкахъ, были размѣщены телеграммы съ собственноручными помѣтками на нихъ Ихъ Величествъ. Хранился въ музеѣ и погонъ — образецъ, на которомъ Императоромъ Александръ II добавилъ своей рукой, — на верху, — украшеніе къ Своему Инициалу - вензелю.

Далѣе отъ входа стояла стойка съ коллекціей ружей, которыми были вооружены Александровцы за всё время своего существованія. Около были размѣщены образцы обмундированія Александровцевъ (во время пятидесятилѣтняго юбилея училища въ этомъ обмундированіи были юнкера (въ историческихъ формахъ). Тутъ-же стоялъ манекенъ съ проэктированнымъ новымъ обмундированіемъ Александровцевъ, предложеннымъ командиромъ Государевой роты (этотъ проэктъ былъ представленъ въ С Петербургѣ Главному Начальнику Военно-Учебныхъ Заведеній Вел. Князю Константину Константиновичу въ одну изъ поѣздокъ депутаціи училища для принесенія поздравленія Его Величеству Государю Николаю II). Великая Война помѣшала осуществленію этого проэкта, въ которомъ Александровскій бѣлый погонъ сохранился въ полной неприкосновенности. Очень интересенъ былъ отдѣлъ трудовъ Александровцевъ, какъ литературныхъ, такъ и всякихъ изобрѣтеній. Среди документовъ и портретовъ Александровцевъ, видное мѣсто занимало донесеніе о послѣдней минутѣ жизни Александровца подпоручика Широкинскаго. (смотри листокъ „Александровецъ“ за № 43).

Хранились въ музеѣ мундиръ и каска бывшаго юнкера Поливанова, въ которыхъ онъ былъ убитъ въ Освободительную войну, Подъ Плевной на Зеленихъ Горахъ (будучи офицеромъ Русской Гвардіи). На стѣнахъ были развѣшены портреты Александровцевъ-героевъ и выдающихся мирныхъ дѣятелей, бывшихъ юнкеровъ училища.

Подъ стекломъ въ шкафу хранился „Сборникъ биографій бывшихъ юнкеровъ и служащихъ Александринскаго Сиротскаго Корпуса и Александровскаго Военнаго Училища“, составленный ко дню пятидесятилѣтія училища (3 части — большого формата) Предметамъ,

напоминающим о пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ А. В. У., въ музеѣ было отведено особое мѣсто: группы по выпускамъ бывшихъ Александровцевъ, прїѣхавшихъ на торжества юбилея, тесакъ вееръ, поднесенный на балу въ день юбилея Супругъ Великаго Князя Константина Константиновича Вел. Книгинѣ Елисаветѣ Маврикіевнѣ. (смотри листокъ „Александровецъ“ № 28). Также на стѣнахъ висѣли группы Александровцевъ, снятые въ день 25-лѣтіе училища и всѣ выпускныя; среди нихъ были и портреты фельдфебелей Гусударевой роты уже въ большихъ чинахъ и должностяхъ — до Министровъ-включительно. Хранились въ музеѣ экземпляры Исторіи училища: одинъ — Подполк. В. И. Кедрина, бібліотекаря училища (Начальникъ Казанскаго Военнаго Училища), другой—Генерала-Маіора З. А. Петрова, инспектора классовъ училища (директоръ 2 Моск. Кад. Корп.). Цѣлѣмъ открытокъ-фотографій хорошо иллюстрировалъ всю жизнь въ училищѣ, а юнкерскій жирлалъ „Александровецъ“ пополнялъ то, что не могли дать снимки; настоящимъ листокъ „Александровецъ“ какъ бы служить продолженіемъ стараго журнала.

Имѣлась въ музеѣ и книга или „сборникъ стоянокъ“ войсковыхъ частей съ описаніемъ жизни въ нихъ съ первыхъ шаговъ молодыхъ офицеровъ; обычно, передъ разборкой вакансій, юнкера получали изъ этого сборника всѣ свѣдѣнія о части, которія нельзя было достать гдѣ-либо. Тутъ-же хранились и исторіи войсковыхъ частей (пѣхотныхъ и стрѣлковыхъ полковъ), что составляло цѣнную коллекцію этихъ рѣдчайшихъ изданій. Въ числѣ матеріаловъ историческаго характера были и тетрадки съ баллами юнкеровъ, а также ихъ аттестаціи. Изъ этихъ тетрадокъ съ баллами можно было усмотрѣть, что бывший въ то время Военнымъ Министромъ генераль-адъютантъ В. В. Сахаровъ, бывший юнкеръ А. В. У., имѣлъ по Механикѣ 6 бала у Е. М. Пржевальскаго — бывшего кадета Александринскаго Кад. Корпуса, — впоследствии преподавателя А. В. У.; юнкера, нелюбившіе Механику, часто заглядывали въ эти тетради, чтобы убѣдиться въ правотѣ этого факта. Была въ музеѣ интересная коллекція, вѣрнѣе— жалкіе остатки учебныхъ пособій стараго училищнаго музея, уничтоженнаго Начальникомъ Училища генераломъ Самохваловымъ. Въ этой коллекціи были всевозможныя модели орудій, повозокъ, снарядовъ, машинъ, фортификаціонныхъ сооружений и т. п.; всѣ модели, исполненныя съ большою точностью, красотой и изяществомъ, при уничтоженіи музея были растащены съ черлака низшими служащими въ училищѣ; особенно красива и точна была модель горнаго орудія, находящагося на вьючной лошади. Эта коллекція была собрана вновь первымъ хранителемъ Историческаго Музея Гв. Капитаномъ Смердовымъ уже въ 1907—08 годахъ. Старый музей „учебныхъ пособій“ находился въ „зубрилкѣ“ 3-ей роты т. е. въ маломъ колонномъ залѣ, выходившимъ окнами на Знаменскую Церковь, находящуюся на Мал. Знаменскомъ переулкѣ.

Какъ бы продолженіемъ музеѣ были портретная галлерей бывшихъ юнкеровъ, размѣщенная въ широкихъ корридорахъ всего училища.

Грустно и больно сознавать что весь этотъ цѣнный историческій матеріалъ въ настоящее время уничтоженъ!..

Пусть эта краткая записъ, съ воспоминаніемъ о музеѣ Александровскаго Военнаго училища, напомнитъ Александровцамъ о славномъ быломъ родного гнѣзда!..

Генераль Смердовъ.

„Редакція — Листка Александровецъ сообщаетъ свой новый адресъ: Болгарія Варна, Родопи № 1.

Курбатовъ

№ 49. Январь 1932 года. Воспоминаніе Александровца.



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 49.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Январь 1932 г.

Открытие памятника Императору Александру II въ Москвѣ въ 1898 году.

(воспоминаніе курсового офицера А. В. Училища).

18 Августа 1899 года, т. е. почти 35 лѣтъ тому назадъ, въ Первопрестольной Столицѣ Россіи Москвѣ былъ торжественно открытъ памятникъ Императору Александру II.

Это событіе царствования Царя Мученика Николая II было торжествомъ не только Москвы, но и всей Россіи, увѣковѣчившей память Великаго Царя-Освободителя Александровское Военное училище, первымъ Державнымъ Шефомъ котораго былъ Императоръ Александръ II и чей вензель былъ на погонахъ у Александровцевъ, принимало видное участіе въ этихъ торжествахъ. Не помню — когда была закладка памятника въ Московскомъ Кремлѣ, но хорошо помню время передъ самымъ открытіемъ его. Я былъ тогда младшимъ офицеромъ 2 роты А В Училища и завѣдывалъ старшимъ классомъ (курсомъ) этой роты. Часто бывая въ Кремлѣ, какъ находящемся недалеко отъ училища, я былъ невольнымъ свидѣтелемъ самой постройки памятника. Помню и теперь досчатый заборъ, который окружалъ мѣсто постройки на площадкѣ Кремля противъ Чудова Монастыря и Запаснаго Дворца; за этотъ заборъ можно было проникнуть, съ разрѣшенія старшаго рабочаго, черезъ маленькую деревянную дверь, находившуюся въ части забора — противъ Ивана Великаго и Царя-Пушки. Тутъ можно было наблюдать за ходомъ работъ, а также подобрать „на память“ разноцвѣтные квадратные камешки-мозаику, изъ которыхъ выкладывались поясные портреты Царей, правившихъ Россіей до Царствования Императора Александра II; эта работа особенно интересовала всѣхъ, какъ новость въ художественномъ отношеніи, а кромѣ того тутъ, въ галлерей, идущей вдоль трехъ фасовъ памятника, можно было посидѣть на мраморныхъ скамьяхъ и полюбоваться видомъ Замоскварѣчья, разстилающимся за Кремлевской стѣной и за Москвой-рѣкой.

Лагерное время этого года кончилось въ началѣ Августа и Александровцы перешли къ себѣ на Знаменку, съ Ходынки въ зданіе училища, чтобы готовиться къ торжеству открытія памятника своего Державнаго Шефа. Старшій классъ былъ уже произведенъ въ офицеры, а младшіи — замѣнили своихъ выбывшихъ товарищей. Московскимъ Генераломъ-Губернаторомъ и Командующимъ Войсками Московскаго Военнаго Округа былъ въ то время Великій Князь Сергѣй Александровичъ, сынъ Царя Освободителя; Начальникомъ училища былъ генераль-лейтенантъ Левачевъ, Инспекторомъ классовъ — Генераль-маіоръ Фонъ Бооль, батальоннымъ командиромъ — Полковникъ Страдовскій, ротными командирами — Гв. Капитаны Троцкій, Ходневъ, Добронравовъ и Павловъ, адъютантомъ Гв. Шт.-Капитанъ Войсеховскій, младшими офицерами — Капитаны Корниовичъ, Марковъ, Адарюковъ, Черниковъ, Кожинъ, Штабсъ-капитаны — Зилтинкевичъ, Курбатовъ, Курилко и Лавровъ. Въ училищѣ шла лихорадочная подготовка къ торжествамъ подбирался знаменный взводъ для парада и наводился „лоскъ“ въ самомъ зданіи училища на случай посѣщенія Александровскаго гнѣзда Шефомъ Училища Императоромъ Николаемъ II. За нѣсколько дней до открытія памятника, въ Москву стали съѣзжаться члены Императорскаго Дома, приглашенныя лица со всей Россіи, а также знаменитыя взводы отъ войсковыхъ частей Гвардіи, Арміи и Флота; въ училище изъ С. Петербурга прибыли офицеры и юнкера Павловскаго Военнаго училища, какъ Шефской части, имѣвшей также своимъ Шефомъ Императора Александра II. Между-тѣмъ, юнкера Александровцы, побывавшіе въ Кремлѣ, принесли извѣстіе, что памятникъ уже готовъ, что сама фигура Императора Александра II задержана пеленой и что заборъ уже разбирается. Конечно разгоровъ и критики было много среди юнкеровъ въ „Курилкахъ“, а одинъ изъ доморошенныхъ поэтовъ написалъ четверостишіе, неодобряя самую постановку памятника подъ сѣнь съ золотой остроконечной крышей; стихи эти я запомнилъ:

„Какая мысль строителя,
Какой престаранный планъ,
Царя Освободителя
Поставить въ кегельбанъ?“

Отчасти этотъ поэтъ былъ правъ, такъ какъ кругомъ величественной фигуры Императора Александра II не было достаточнаго пространства; всё-же три сѣни и галереи, идущія по тремъ фасадамъ памятника, вполне гармонировали по своему стилю съ постройками чисто русскаго Московскаго Кремля.

За день до торжества въ Москву прибылъ и Государь Императоръ Николай II со Своей Августѣйшей Семейей. Въ этотъ же день былъ опубликованъ церемоніаль открьтія Памятника въ Высочайшемъ присутствіи; въ училищѣ также вышелъ приказъ, въ которомъ было распределеніе чиновъ училища для присутствія на торжествахъ. Я былъ очень огорченъ, такъ какъ былъ почти самымъ младшимъ по чину, не попалъ въ число назначенныхъ; всё же мнѣ удалось достать билетъ для впуска въ Кремль на торжество простымъ зрителемъ.

Въ день открьтія памятника, рано утромъ, я, пристроившись къ нашему знаменитому взводу, черезъ Боровицкіе ворота, пробрался въ Кремль къ Красному Крыльцу, черезъ который должемъ былъ начаться Высочайшій выходъ. Отсюда я смотрѣлъ на торжество Открьтія памятника. Знаменные взводы были выстроены впереди памятника, тѣмъ же къ Чудову Монастырю и Запасному Дворцу; впереди стояли части Военно Учебныхъ Звезденій съ юнкерами и музыкой нашего Александровскаго Военнаго Училища; слѣва отъ памятника, на помостѣ, покрытомъ краснымъ сукномъ, стояли члены Императорскаго Дома съ Государемъ Императоромъ во главѣ; справа стояли депутаціи и приглашенныя лица, среди которыхъ была группа офицеровъ нашего училища съ Начальникомъ училища во главѣ; у самага памятника помѣстилось многочисленное духовенство съ митрополитами во главѣ; тутъ же были пѣвчіе въ русскихъ кафтанахъ съ золотыми позументами и кистями. Самое торжество состояло изъ Высочайшаго Выхода изъ Кремлевскаго Дворца, млебствія съ чиномъ освященія памятника, самага открьтія его Государемъ Императоромъ, и наконецъ, прохожденія церемоніальнымъ маршемъ частей войскъ мимо памятника. Не берусь описывать самое торжество, но упомяну о томъ величественномъ зрѣлищѣ и о той торжественной минутѣ, когда спала завѣса съ Памятника при звонѣ колоколовъ Ивана Великаго и Церквей всей Москвы и при салютѣ артиллеріи стоявшей внизу по набережной рѣки Москвы!. Этотъ мигъ забыть нельзя!.

А теперь не хочется вѣрить тому, что этотъ величавый Памятникъ Русской Исторіи и славы больше не существуетъ!.

Курсовой офицеръ-Александровецъ: **А. Курбатовъ.**

№ 50 Февраль. Юбилейный, пятидесятый, № листка.



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 50.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Февраль 1932 г.



„50“

Пятидесятый № ежемѣсячнаго листка „Александровецъ“ и **Пятый** годъ его изданія...

Эти даты говорятъ о скромныхъ размѣрахъ самаго листка, издаваемого съ цѣлью объединенія питомцевъ славнаго Александровскаго Военнаго Училища путемъ ознакомленія ихъ съ прошлымъ роднаго гнѣзда.

Достигнута ли эта цѣль за это сравнительно короткое время? На этотъ вопросъ пусть отвѣтитъ выдержка изъ письма старѣйшаго по выпуску Александровца М. Раковского (1873 года), живущаго въ Италіи въ г. Миланѣ.

„Листокъ Александровецъ — это моральная поддержка и физическая связь между нами, Александровцами, разсѣянными сейчасъ по всему свѣту. Онъ же, листокъ, первая ступень къ общему объединенію и единственный источникъ по сбору матерьяловъ для исторіи роднаго Александровскаго Военнаго Училища.

Всѣ это вмѣстѣ дѣло Вашихъ рукъ, дѣло Вашей доброй воли, Вашего труда и чисто русской души, всецѣло, кажется, принадлежащей Александровскому Военному Училищу; въ каждой Вашей строчкѣ, въ перепискѣ ли съ Александровцами, на печатныхъ листкахъ „Александровца“, Вы весь на лицо. Я не могу себѣ представить челоуѣка болѣе близкаго училищу — чѣмъ Вы! Вы его многолѣтній ротный командиръ и преподаватель. Но этимъ далеко не изчерпываются Ваша близость и Ваши исключительныя заслуги по отношенію къ училищу; Вамъ принадлежитъ честь возсозданія училища, послѣ уничтоженія его всероссійскимъ пожаромъ въ 1917 г. Вы же первый его начальникъ, по возстановленіи его въ Добр. Арміи. Дальнѣйшая Ваша работа, въ качествѣ издателя „Александровца“ тоже выдвигаетъ Васъ на первое мѣсто изъ рядовъ Александровцевъ. Среди Александровцевъ есть лица старше Васъ по службѣ и старше по возрасту, но по заслугамъ передъ училищемъ, Вамъ, по совѣсти и по праву, принадлежитъ званіе нашего дорогаго „правофланговаго Александровца“!

Столь такъ ясно выраженный лестный отзывъ и отвѣтъ на поставленный выше вопросъ даетъ право сказать: „да, — цѣль листка „Александровецъ“ достигнута Русское спасибо старику-Александровцу за эту оцѣнку листка „Александровецъ“ и за теплое, сердечное отношеніе къ издателю этого скромнаго труда. Отвѣтомъ на эту оцѣнку пусть будутъ слова взятая изъ № 40 листка: „какъ не любить миѣ тебя, Александровское Военное Училище, какъ не вспоминать Тебя, какъ не жить одною съ тобой жизнью! Въдъ больше чѣмъ поль въка я жилъ съ Тобой и Тобой!“ Говоря о собираніи матерьяловъ по Исторіи училища, необходимо проглядѣть заголовки всего того, что было помѣщено въ пятидесяти номерахъ листка „Александровецъ“, изъ этого перечня заголовковъ видно,

что воспоминанія объ училищѣ захватываютъ время съ перваго Начальника училища генерала Шванебахъ по настоящее время т. е. періодъ времени болѣе чѣмъ за 50 лѣтъ.

Яркой нитью проходитъ почти по всѣмъ номерамъ — вѣра въ Бога преданность Царю и любовь къ Родинѣ; на страницахъ листка воспроизведены и радостныя, и грустныя переживанія Александровцевъ. Также всюду проглядываетъ глубокая вѣра Александровцевъ въ свѣтлое будущее Россіи, русской Арміи и родного Александровскаго Военнаго Училища. И тутъ можно сказать словами того же старѣйшаго Александровца: „Россія!... Это начало и конецъ моихъ самыхъ пламенныхъ желаній, моя ежедневная молитва!“



Въ этомъ юбилейномъ номерѣ, исполняя желаніе многихъ старыхъ и молодыхъ Александровцевъ — имѣть фотографическую карточку „пеликана-собиранья“, помѣщается послѣдній снимокъ его, сдѣланный старымъ Александровцемъ генераломъ В. Я. Любимовымъ.



Считая умѣстнымъ въ листокъ „Александровецъ“ помѣщать нѣкоторыя краткія свѣдѣнія о питомцахъ Александровскаго Военнаго училища; въ этомъ № рѣ надо упомянуть, что семья Александровцевъ понесла тяжелую утрату въ лицѣ скончавшагося стараго Александровца генерала отъ инфантеріи Д. Г. Шербачева, бывшаго главнокомандующаго русскими арміями на Румынскомъ фронтѣ (окончилъ Александровское и Михайловское Арт. училища въ 1877 г.),

Въ журналѣ „Часовой“, въ № 73, вмѣстѣ съ краткой Биографіей генерала Д. Г. Щербакова, помѣщены свѣдѣнія о Корпусѣ — Лицеѣ Имени Императора Николая II въ Парижѣ, во главѣ котораго стоитъ старый Александровецъ генераль-лейтенантъ Римскій-Корсаковъ (бывшій директоръ 1-аго Московскаго Императрица Екатерины Великой Кадетскаго Корпуса). Генераль Римскій Корсаковъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ прибывшій во Францію изъ Сербіи, праздновалъ въ Парижѣ свое пятидесятилѣтіе въ офицерскихъ чинахъ

Глядя на дѣятельность этихъ стариковъ-Александровцевъ будемъ и мы сами работать на благо нашей Родины-Россіи!

Благодарность листка „Александровецъ“.

Всѣхъ тѣхъ Александровцевъ, которые прислали привѣтъ и поздравленіе ко дню выхода 50 аго номера листка „Александровецъ“, сердечно благодарю за вниманіе. Вмѣстѣ съ этимъ шлю братскій привѣтъ журналу „Часовой“, который на своихъ страницахъ, за четыре года, помѣщаль многое изъ того, что касалось жизни Александровскаго Военнаго Училища и выпустилъ открытки съ прекраснымъ изображеніемъ юнкера-Александровца.

А. Курбатовъ.



№ 51 Мартъ. „Юбилейные отзвуки“.

10
11
12



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 51.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Мартъ 1932 г.

„23 Апрель“

Листокъ „Александровецъ“ поздравляетъ всѣхъ Александровцевъ съ храмовымъ праздникомъ Александровскаго Военнаго Училища! Къ этому поздравленію присоединяются поздравленіе и лучшія пожеланія числящагося въ спискахъ училища генерала Курбатова.

Мольбенно вспоминая въ этотъ день Основателя училища, всѣхъ Державныхъ Шефовъ его, Наслѣдника Цасаревича Алексѣя Николаевича, живыхъ и умершихъ Александровцевъ, вспомнимъ и о дорогомъ Александрѣ Павловичѣ Кутеповѣ, который о листкѣ „Александровецъ“ сказалъ такъ: „Огромная будетъ польза отъ этого скромнаго по виду и богатаго по содержанію листка“ (№ 8 листа).

„Юбилейные отзвуки“.

„Въ минувшемъ Февралѣ вышелъ юбилейный-50 мй номеръ листка „Александровецъ“, который вотъ уже 5-мй годъ издается въ Варшѣ А. А. Курбатовымъ, послѣднимъ на русской землѣ Начальникомъ славнаго Александровскаго Военнаго Училища, съ цѣлью объединенія питомцевъ училища путемъ ознакомленія ихъ съ прошлымъ роднаго гнѣзда. На страницахъ листка нашель пріютъ уже длинный рядъ воспоминаній, согрѣтыхъ искреннею и горячею любовью къ училищу и воскрешающихъ многочисленныя эпизоды изъ жизни училища въ цѣломъ и подвиги на ратномъ полѣ отдѣльныхъ Александровцевъ. И счастливая, исполненная гордости прошлымъ и увѣренности, въ будущемъ, жизнь юнкеровъ на Знаменкѣ, въ самомъ сердцѣ Великой Россіи, и боевая служба училища въ тяжеломъ, но славномъ Таманскомъ десантѣ, и вѣншне сѣрое, но полное высокимъ внутреннимъ павосомъ Галлиполійское сидѣніе. всѣ эти эпизоды Исторіи Александровскаго блага погона отражены на страницахъ „Александровца“. Пусть скромна вѣншность листка, пусть обидно незначителенъ его объемъ, все-же издатель его въ правѣ съ полнымъ внутреннимъ удовлетвореніемъ обернуться на пройденный путь. Генераль Курбатовъ по прежнему вѣрно служить своему училищу и дѣлаетъ нужное и важное дѣло. Ибо, какъ въ татарскую старину, такъ и въ годичъ современнаго, еще горшаго, коммунистическаго ига, передъ русскими людьми возникаетъ отвѣтственная задача сохраненія великой національной традиціи, дабы не перестали память родителей нашихъ и наша свѣча не угасла“. (изъ духовнаго завѣщанія Вел Князя Симеона Гордаго)

В. Максимовичъ (Прага).

„Отъ лица всѣхъ Александровцевъ, старыхъ и молодыхъ, находящихся въ Болгаріи, сердечно привѣтствую съ выпускомъ юбилейнаго 50-аго номера „Александровца“. Приношу отъ всѣхъ насъ глубокую благодарность за труды и энергію, положенныя на это изданіе. „Александровецъ“ далъ намъ столько воспоминаній о родномъ училищѣ, воскресивъ много эпизодовъ изъ жизни Александровцевъ, сблизивъ этими воспоминаніями разрозненно живущихъ Александровцевъ! Мы не забудемъ сколько дѣятельности было проявлено на страницахъ „Александровца“ при созданіи столѣтняго юбилея А. В. Училища. Этотъ юбилей встряхнулъ всѣхъ Александровцевъ и спаялъ старыхъ и молодыхъ питомцевъ училища дъ одну крѣпкую семью. Ежедневныя „злости дня“ такъ поглащаютъ всѣ наши мысли и чувства, что намъ необходимъ „будитель“, дающій возможность помнить, что мы Александровцы и что всѣ мы воины, связанные долгомъ и присягой, данной Родинѣ Россіи, кѣмъ бы мы не были теперь. Отъ души желаемъ листку „Александровецъ“ процвѣтанія и быть и впредь нашимъ недремлющимъ „часовымъ“ а его создателю, всѣми уважаемому, а бывшими его подчиненными — и любимому, полнаго здоровья, силъ, энергіи и всякаго благополучія на нашу общую пользу.

В. Любимовъ (Перникъ).

Если созданный 벌써 четверть вѣка тому назадъ Александровскій Истор.-литер. журналъ, преслѣдовавъ цѣль сбора свѣденій изъ текущей и пришлой жизни А. В. Училища для дополненія существующихъ уже исторій училища, составленныхъ генераломъ В. А. Петровымъ и Полковникомъ В. И. Кедринымъ, оправдалъ тогда свое назначеніе. то настоящій листокъ „Александровецъ“, созданный въ исключительно тяжелыхъ условіяхъ, имѣетъ неизмѣримо большее значеніе для Исторіи Училища, отразивъ жизнь Александровцевъ съ ея боевыми и эмиграціонными страницами.

Вотъ почему я особенно искренно привѣтствую юбиляра и его „родителя“, доведшаго листокъ до столь солиднаго „пятидесятилетнего“ возраста! Отъ души желаю и въ дальнѣйшемъ развитіи этого дѣла на пользу всѣмъ намъ любимаго Александровскаго Военнаго училища.

В. Смердовъ (Софія)

Разрѣшите мнѣ, къ выпуску № 50-аго листка „Александровецъ“, отъ всей души привѣтствовать и нашъ родной журналъ, и Васъ столько сдѣлавшаго на чужбинѣ во славу дорогаго всѣмъ намъ училища! Столько радости доставляетъ листокъ и Вы намъ Александровцамъ. Какъ всегда пріятно получить съ „почты“ нашъ журналъ... Низкій Вамъ за это поклонъ и глубокая благодарность

Д. Ходневъ (Данцигъ)

Понеланіе Александровцевъ.

Наше родное и славное училище на Знаменкѣ въ Москвѣ. его стѣны, тиръ и квадратный дворъ были обильно окрашены кровью разстрѣливаемыхъ русскихъ людей въ концѣ 1917 и въ началѣ 1918 г. Мы, Александровцы, хотѣли-бы, чтобы въ юбилей номъ № 50-омъ листка „Александровецъ“ сохранилось-бы наше пожеланіе построить часовню на мѣстѣ тира въ память разстрѣлянныхъ, я на плацу на стѣнѣ помѣстить памятную доску съ именами ихъ, если удастся добыть свѣдѣнія объ этихъ мученикахъ за русское дѣло.

В. Смердовъ

Съ полнымъ сочувствіемъ этому святому пожеланію, помѣщаю въ этомъ номерѣ листка „Александровецъ“ текстъ самаго пожеланія. Сожалѣю, что оно не могло попасть въ юбилейный 50 ый номеръ по причинѣ отъ меня независящей

Издатель листка „Александровецъ“

Александровцы писатели.

Въ № 50 листка „Александровецъ“ сдѣлана маленькая ошибка, такъ какъ листокъ не можетъ считаться единственнымъ печатнымъ органомъ, говорящимъ о прошломъ Александровскаго Военнаго училища Въ газетѣ „Возрожденіе“ печатается красочный и интересный романъ „Юнкера“, написанный большимъ русскимъ писателемъ. старымъ Александровцемъ, А. И. Купринымъ; въ сравненіи съ этимъ литературнымъ трудомъ, живо передающимъ жизнь А. В. У. въ 1890 годахъ, листокъ „Александровецъ“ уступаетъ въ красотѣ изложенія, но неуступаетъ въ достовѣрности фактовъ. И маститый писатель, и листокъ „Александровецъ“ идетъ одною дорогою, передавая одну и тѣже воспоминанія и чувства о родномъ гнѣздѣ. Глубокая и самая искренняя благодарность „Александровцу“ — по роману „Юнкера“, за его литературные труды! Вы, Александръ Ивановичъ, гордость Александровцевъ и Александровскаго Военнаго училища!

Незабудемъ мы и другого не маленькаго писателя Александровца Минцлова, который въ „Далекіе дни“ также тепло вспоминаетъ свои юношескіе годы и свое родное гнѣздо А. В. Училище. Спасибо и ему за его добрую память объ училищѣ! Въ той-же газетѣ „Возрожденіе“ мы недавно прочли очеркъ № 1 „Мы военные“ (записки „Шляпы“) Бор. Зайцева Александровца выпуска 1916 года. Этотъ очеркъ, живо и интересно написанный, переноситъ насъ въ стѣны родного А. В. Училища періода Великой Войны. Поблагодаримъ и Александровца Бориса Зайцева за эти очерки!

А сколько рукописныхъ воспоминаній объ А. В. Училищѣ было прислано въ редакцію листка „Александровецъ“ за эти 4 года! Среди нихъ видное мѣсто занимаютъ записки Александровца І. Э. Агаркова—выпуска 1900 года. Низкій поклонъ за это всѣмъ!

Да, Александровское Военное училище можетъ гордиться своими питомцами — великанами какъ въ военномъ отношеніи, такъ и въ отношеніи мирнаго труда

А. Курбатовъ.

„Въ Россіи нѣтъ теперь крестовъ,
Не слышенъ звонъ колоколовъ.
Но всё-же гласъ идетъ съ небесъ,
Христось воскресъ — Христось воскресъ!..“

А. К.

№ 52 Апрельъ. Александровцы на Бородинскомъ полѣ.



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 52.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Апрѣль 1932 г.

Александровцы на Бородинскомъ полѣ.

Вмѣстѣ съ подготовкой будущихъ офицеровъ доблестной Русской Арміи въ Александровскомъ Военномъ училищѣ шло и воспитаніе ихъ въ національномъ духѣ, чему способствовали посѣщенія юнкерами какъ историческихъ мѣстъ, такъ и центровъ военно-промышленнаго характера.

Къ такимъ посѣщеніямъ относится и поѣздка въ Бородино, гдѣ происходило величайшее сраженіе, въ которомъ принимали участіе почти всѣ-государства Европы.

Въ 1900-хъ годахъ, при начальникѣ училища генералѣ Лаймингѣ, послѣ экзаменовъ давался трехдневный перерывъ до выступленія въ лагерь на Ходынку. Въ эти дни и организовалась поѣздка юнкеровъ въ Бородино.

Наканунѣ дня выѣзда, въ большомъ залѣ училища дѣлался докладъ о Бородинскомъ сраженіи однимъ изъ преподавателей Военной Исторіи для возобновленія въ памяти разныхъ эпизодовъ этого славнаго боя. Тогда-же шло и приготовленіе къ поѣздкѣ: на кухнѣ заготовлилась продукты питанія, а въ ротныхъ помѣщеніяхъ раздавались юнкерамъ вещевые мѣшки и флаги, для помѣщенія въ нихъ предметовъ первой необходимости и холоднаго чая. Въ самый день выѣзда изъ Москвы въ Бородино, юнкера выстроивались на квадратномъ дворѣ училища и, подъ музыку, стройными рядами, безъ винтовокъ, но со скатками и съ вещевыми мѣшками, слѣдовали черезъ всю Москву, на вокзалъ Московско-Бресткой Ж. Д. съ такимъ расчетомъ, чтобы переночевать въ дорогѣ въ вагонахъ и прибыть въ Бородино къ раннему утру слѣдующаго дня. Самая поѣздка, съ посадкой въ вагоны 3 класса, съ ночевкой въ нихъ, съ умываніемъ подъ краями водокачекъ, съ чаепитіемъ подъ открытымъ небомъ, представляла изъ себя большое развлеченіе для юнкеровъ послѣ страдной поры экзаменовъ; появленіе-же Александровцевъ, съ лихо заломленными „набирень“ безкозырьками, въ „провинцію изъ столицы“, производило тоже большой эффектъ, что не могло не нравиться молодежи.

Сладко послали юнкера въ вагонахъ на деревянныхъ скамьяхъ, подложивъ подъ голову вещевые мѣшки вмѣсто подушекъ и накрывшись шинелями вмѣсто одѣялъ. Рано утромъ проснулись Александровцы уже на запасномъ пути маленькой станціи Бородино, расположенной въ черелѣжскѣ Утицкаго лѣса, гдѣ былъ лѣвый флангъ русской арміи 26 Августа 1812 года. Чай уже кипѣлъ въ походномъ котлѣ, врытомъ въ землю около самой станціи; тутъ-же, на столахъ устроенныхъ изъ шпаль, лежали булки съ вкуснымъ завтракомъ—котлетами, яйцами и пирожками. Вокзальная водокачка работала „во всю“, когда юнкера мылись холодной водой, лившейся цѣлымъ потокомъ изъ подвижной трубы. Говоръ, смѣхъ и необычайное оживленіе царило около станціи Бородино.

Училищные офицеры пили чай въ маленькомъ станціонномъ залѣ, увѣшанномъ портретами генераловъ—участниковъ Бородинскаго сраженія; эта портретная галерея быба показана и юнкерамъ, что дополнило свѣдѣнія о Бородинскомъ боѣ. Около 6 ч. утра Александровцы, на легкѣ — безъ мѣшковъ и скатокъ, направились пѣшкомъ безъ всякаго строя, въ центръ самой русской позиціи, гдѣ висится памятникъ въ память Бородинскаго сраженія (батарея Раевского). Въ качествѣ руководителя поѣздки, Начальникъ училища пригласилъ Московскаго Военнаго училища полковника Н. И. Омеляновича (Александровецъ, а впоследствии — батальонный командиръ А. В. У.); онъ дѣлалъ поясненія на самой мѣстности и составилъ слѣдующій маршрутъ для полного ознакомленія съ Бородинскимъ полемъ битвы: движеніе къ центру позиціи, переходъ въ д. Бородино, переправа черезъ рѣку Калочу, посѣщеніе передовой русской позиціи у д. Шевардино, переходъ черезъ оврагъ съ рѣченкой Утицей къ д. Семеновская (Багратионовы флешы), посѣщеніе Спасо-Бородинскаго монастыря съ обѣдомъ въ немъ движеніе на станцію Бородино. Такимъ образомъ обходъ захватывалъ всю позицію нашу — отъ лѣваго фланга у д. Утица до праваго фланга у р. Калочи. Хорошій солнечный весенній день, нежаркое время года способствовали прогулкѣ, а уже распутившаяся зелень и позеленѣвшія поля давали красоту всей мѣстности.

Весело было на душах у юнкеров кончивших экзамены и попавших со Знаменки из стѣн училища, на „лоно природы!“ Идя лѣсной дорогой Утицкаго лѣса, черезъ рѣдкій кустарникъ котораго просвѣчивало Бородинское поле, Александровцы скоро вышли на большую грунтовою дорогу, идущую среди засѣянныхъ хлѣбомъ участкомъ довольно холмистой мѣстности. На одномъ изъ холмовъ высился Бородинскій памятникъ со своей лукообразной головой; нижняя часть памятника съ дороги не была видна благодаря уже подросшему хлѣбу (рожь), волнуемому вѣтеркомъ.

Дѣлясь своими впечатлѣнiami, Александровцы подошли къ маленькой деревянной сторожкѣ, построенной при дорогѣ вблизи памятника. Тутъ живетъ сторожъ старикъ-инвалидъ, на рукахъ у котораго хранится книга для подписей посѣтителей мѣста Бородинскаго боя. Съ интересомъ разглядывали эту книгу Александровцы, отыскивая подписи именитыхъ посѣтителей, среди которыхъ были и подписи членовъ Императорской фамилии; конечно всѣ Александровцы расписались въ этой книгѣ, заполнивъ нѣсколько страницъ своими подписями съ росчерками.

Къ этому времени къ памятнику на телегѣ прибылъ священникъ съ дьячкомъ изъ Спасо-Бородинскаго Монастыря для служенія панихиды по всѣмъ убитымъ воинамъ въ Бородинскомъ сраженiи. Когда всѣ подтянулись къ подножию памятника, началась панихида, которую пѣлъ хороший хоръ юнкеровъ подъ управленiемъ командира 4 роты Гв Капитана Павлова. Трогательное панихидное пѣнiе, утренное щебетанiе птицъ и свистъ жаворонковъ, увеличивали торжественность службы. а когда всѣ присутствующiе опустили на колѣни при пѣнiи „Вѣчная память“, настроенiе достигло самаго глубокаго благоговѣннiя! Послѣ панихиды Полковникъ Омельяновичъ стоя на верхней ступени у памятника, указывалъ на тѣ мѣста, гдѣ происходили тѣ или другiе эпизоды сраженiя. Какъ-то странно было смотрѣть на близкое расположенiе русской и непрителской боевой линiи и особенно батареи. Съ мѣста памятника были видны деревья Шевардино и дер. Горки, гдѣ былъ во время боя нашъ старецъ — главнокомандующiй графъ Голенищевъ Кутузовъ.

Послѣ панихиды Александровцы направились къ рѣкѣ Калочѣ и перешли ее въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ наши лихiе казаки Платова и Уварова, перейдя рѣку, атаковали лѣвый флангъ французовъ, задержавъ на нѣсколько часовъ намѣченный рѣшительный ударъ на нашъ центръ, что имѣло огромное значенiе для русскихъ, успѣвшихъ подвести подкрѣпленiе къ угрожаемому пункту.

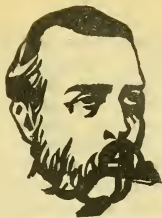
Перейдя рѣку, Александровцы вошли въ деревню Бородино и прошли ее по широкой дорогѣ, идущей по серединѣ; крестьяне этой деревни продавали осколки снарядовъ, пули, разные металлическiе предметы, которые они собираютъ на Бородинскомъ полѣ. Пройдя всю деревню, Александровцы снова перешли рѣку Калочу въ бродъ. причемъ пришлось снимать сапоги и нижее платье; тутъ не обошлось безъ веселыхъ инцидентовъ, такъ какъ нѣкоторые юнкера попадали на болѣе глубокое мѣсто и приняли холодную ванну подъ смѣхъ товарищей.

Отъ рѣки, снова пришлось подниматься на холмъ у деревни Шевардино, гдѣ была русская передовая позицiя и гдѣ былъ Наполеонъ во время второй половины сраженiя; и въ этой деревнѣ продавались разныя металлическiе вещи, среди которыхъ попадались мѣдныя пуговицы съ номерами частей и заржавленные изогнутые штыки. Далѣе путь шелъ снова на главную позицiю у д. Семеновская къ Богратионовымъ флешамъ, гдѣ происходилъ главный бой; слѣды этихъ флешей можно было отыскать на двухъ холмахъ среди ржаного поля. Тутъ Полковникъ Омельяновичъ снова давалъ объясненiя, при чемъ указалъ то мѣсто, гдѣ пронеслись массы французской кавалерiи и гдѣ ихъ атаки были отбиты двумя нашими гвардейскими пѣхотными полками.

Былъ полдень, когда Александровцы, пройдя деревню Семеновская, вошли въ ораду, Спасо-Бородинскаго монастыря, построеннаго на мѣстѣ смерти генерала Тучкова 4. Къ этому времени въ монастырь былъ доставленъ съ вокзала холодный обѣдъ для Александровцевъ, который состоялъ изъ котлетъ, яицъ и каврижекъ праниковъ. Пока складывали все это на скатертяхъ посланныхъ на травѣ монастырскаго фруктоваго сада, Александровцы пошли осматривать монастырь. Тутъ поясненiя давали старцы но словоохотливыя, монахини, молодыхъ же монахинь не было видно, что вызвало шутки юнкеровъ спрятали, чтобы не влюбились въ Александровцевъ“. Многие изъ юнкеровъ прiобрѣли образки Спасо-Нерукотвореннаго, а также вкусная просфора и брошюры съ описанiемъ Бородина. Съ огромнымъ аппетитомъ поѣли юнкера, немного отдохнули и при закатѣ солнца тронулись въ обратный путь на вокзалъ; назадъ шли другою дорогою и къ 8 часамъ вечера при были къ своимъ вагонамъ. Еще черезъ часъ раздался сигналъ горниста, сзывающiй юнкеровъ къ посадкѣ въ вагонъ; вскорѣ на горизонтѣ показался пассажирскiй поѣздъ, къ которому прицѣпили вагоны Александровцевъ. Когда поѣздъ отошелъ отъ станцiи Бородино, юнкерамъ уже въ вагонахъ, были розданы всѣ остатки продуктовъ. Въ вагонахъ, были зажжены стеариновая свѣчки въ фонаряхъ и при ихъ тускломъ свѣтѣ юнкера размѣстились на ночлегъ. Конечно въ вагонахъ долго шли разговоры — юнкера дѣлились своими впечатлѣнiami. А впечатлѣнiе было дѣйствительно большое, оно оставило большой слѣдъ въ душахъ юныхъ патязей-Александровцевъ! Надпись на памятникѣ подъ образомъ Спасителя „Въ Немъ спасенiе“ останется на вѣкъ памяти Александровцамъ!...

Участникъ поѣздки въ Бородино К.

А. Курбатовъ.



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 53.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Май 1932 г.

Александровцы въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ.

Законоучителями въ Александровскомъ Военномъ Училищѣ, почти за всё время его существованія, были извѣстные ученые богословы — проторіереи Иванцовъ-Платоновъ и Добронравовъ. Оба они строго относились къ преподаванію своего предмета и бѣда юнкеру Александровцу, если онъ при отвѣтѣ выказывалъ незнаніе Русской Исторіи, тѣсно связанной Исторіей православной Церкви . . .

Для болѣе глубокаго запечатлѣнія въ памяти у юнкеровъ важнѣйшихъ событій Церковно Исторической Жизни Россіи, предпринимались прогулки и поѣздки для ознакомленія съ памятниками вышеуказаннаго характера, находящимися въ Москвѣ и въ ея окрестностяхъ. Посѣщеніе юнкерами Троицко-Сергіевской Лавры стояло не на послѣднемъ мѣстѣ. Въ Москвѣ былъ обычай посѣщенія Лавры пѣшкомъ съ заходомъ въ Хатково, гдѣ жили родители Великаго Русскаго Подвижника Святого Сергія Родонежекаго; Александровцами-же это путешествіе продѣлывалось по Жел. Дорогѣ, по причинѣ необходимости экономить время. Большого частью Александровцы ѣздили къ Троицѣ во время Пасхальныхъ каникулъ на третій или четвертый день Пасхи; благодаря близости къ Москвѣ Троицко-Сергіевской Лавры, поѣздки эти не требовали ночлега въ вагонахъ, а занимали время съ утра до поздняго часа ночи. Въ день самой поѣздки юнкера вставали около 4 ч. утра, чтобы къ 6 ч. утра уже быть на Ярославскомъ вокзалѣ (Архангельскомъ). Ввиду большаго наплыва полонниковъ въ Лавру въ Пасхальное время, поѣзда желѣзной дороги ходили чаще обыкновеннаго, а потому задержки въ отправкѣ Александровцевъ, занимавшихъ нѣсколько вагоновъ 3 класса, не было. Передъ самымъ отходомъ поѣзда раздалась команда „по вагонамъ“ и горнисть игралъ сигналъ „слушайте вся“ и короткій сигналъ-бѣгомъ „ти“ . . .

Быстро пронеслись передъ глазами Александровцевъ пригородъ Москвы, ближайшія села съ церквями, деревни, поля и роши; незамѣтно промелькнули 66 верстъ до станціи Сергіево. Со станціи Александровцы сейчасъ-же тронулись въ Троицко-Сергіевскую Лавру, находящуюся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ желѣзной дороги. По дорогѣ, идущей по холмистой мѣстности, тянулась масса богомольцевъ съ котомками за плечами; Александровцы шли строемъ вздвоенными рядами и невольно обращали на себя вниманіе молодецатымъ видомъ, стройностью движенія и образцовымъ равеніемъ; изъ толпы богомольцевъ слышались возгласы: „голубчики мои, родные наши воины“, или — красавцы то какіе“. Скоро вдали показалась лаврская колокольня, а затѣмъ и лавра, окруженная цѣлымъ пригородомъ малыхъ строеній, лавокъ, ларей, на которыхъ висѣли красные и желтые кумачевые лоскуты какъ знакъ торговли мануфактурой; тутъ-же шла бойкая торговля съѣстными продуктами, прохладительными напитками изъ кувшиновъ и съ лотковъ. Народъ буквально кишѣлъ здѣсь, какъ муравьи въ муравейникѣ, но передъ стройными рядами Александровцевъ всѣ разступались, давая дорогу къ воротамъ лавры. Перейдя мостъ и оврагъ, Александровцы подошли къ лаврской стѣнѣ и вошли въ ворота, надъ которыми горѣла большая неугаемая лампада передъ образомъ, висѣвшимъ на стѣнѣ. Входя въ ворота, юнкерамъ была подана команда „шапки далой“ и всѣ осѣнили себя крестнымъ знаменемъ, послѣ чего послѣдовала команда „разойдись“ для слѣдованія въ Соборъ. Дружною группою юнкера со своими офицерами стали протискиваться къ Собору, гдѣ шла поздняя обѣдня съ пѣніемъ пасхальныхъ пѣснопѣній. „Христосъ Воскресе“ — „Христосъ Воскресе“ — смѣшалось и въ самомъ храмѣ и около него! Раньше всего Александровцы приложились къ рацѣ Святого Преподобнаго Сергія Родонежскаго и поставили одну общую „пудовую свѣчку“ въ огромнаго размѣра подсвѣчникъ съ массой горящихъ свѣчей. Это поклоненіе мошамъ Св. Сергія продолжалось довольно долго, такъ какъ давка у раки была большая, несмотря на дежурство нѣсколькихъ монаховъ. Простоявъ въ соборѣ часть обѣдни, которую слушалъ самъ намѣстникъ лавры Митрополитъ Московскій, Александровцы от-

правились въ большую монастырскую трапезную, гдѣ народу бесплатно раздвался обѣдъ. По соглашенію съ лаврскимъ казначеемъ, юнкера пообѣдали въ трапезной при чтеніи псалмовъ однимъ изъ монаховъ. Эта трапезная недавно была отремонтирована съ подновленіемъ живописи чистота въ трапезной и огромные размѣры ея производили на обѣдающихъ хорошее впечатлѣніе, а это невольно отражалось на аппетитѣ ихъ, — особенно вкусенъ былъ черный хлѣбъ и квасъ. Подкрѣпившись ѣтой, юнкера, разбились на мелкія группы, отправились осматривать лаврскія достопримѣчательности и ея богатства; а за монастырской древней стѣной было одиннадцать церквей, ризница, бібліотека, дворець, духовная академія, семинарія, колокольня и монашескія келіи. Раньше всего Александровцы осматрѣли богатую ризницу. потомъ прошли по стѣнѣ, заглянули въ башни и бойницы, гдѣ шли бои при осадѣ лавры поляками. поднялись на огромную колокоальню, чтобы полюбоваться съ нее окрестностями и чисто русскимъ пейзажемъ, а также — позвонить въ колокола, что на Пасхѣ разрѣшается всѣмъ желающимъ. Въ большомъ фруктовомъ саду, находящемся за главной стѣной, юнкера повидали въ оранжереяхъ персики, абрикосы и виноградъ. Въ просфорной отвѣдали горячихъ просфоръ, на которыхъ было изображеніе Св. Сергія, а въ квасной отпробовали монастырское пиво и квасъ, которые даются монахамъ (пиво — въ дни разрѣшенія вина и елея); тутъ не обошлось безъ курьезовъ, такъ какъ монастырская братія и служки, пользуясь открытіемъ для юнкеровъ квасной, сбѣжались со всѣхъ концовъ съ разными сосудами для наполненія ихъ квасомъ; ключарь горячился и отгонялъ пристающихъ къ нему монаховъ, а юнкера старались успокоить его и изходатайствовать просимаго. Были юнкера и въ рисовальной монастырской школѣ, гдѣ рисовались образа, а трже въ мастерской кустарнаго производства (ложки, игрушки изъ дерева, среди которыхъ была и вся лавра, искусно вырѣзанная и раскрашенная). Загмѣнули юнкера и въ монашескія келіи, гдѣ монахи разказывали имъ о ихъ жизни, о послушаніяхъ и т. н.

Такъ какъ Александровцы разбрѣлись по всей лаврѣ, то былъ назначенъ часъ сбора къ сборному пункту у лаврскихъ воротъ; часы на колоколинѣ отбивали исправно время, а потому опоздавшихъ не должно было быть. Ровно въ 6 часовъ вечера всѣ Александровцы собрались и построились развернутымъ фронтомъ у воротъ лавры, а еще черезъ $\frac{1}{4}$ часа они, стройными рядами и съ пѣснями, шли по дорогѣ въ вокзалу желѣзной дороги... Въ вагонахъ юнкера немного отходнули, сидя на деревянныхъ скамейкахъ а по приѣздѣ въ Москву, тронулись къ себѣ домой на Знаменку. А въ родныхъ стѣнахъ ждалъ ихъ горячій ужинъ и чай съ булками, послѣ чего Александровцы крѣпко заснули на своихъ уютныхъ кроватяхъ подъ теплыми, синими съ бѣлыми каймами, байковыми одеялами. Посѣщеніе лавры и молитва у Св. Сергія Радонежскаго оставили глубокой слѣдъ въ душахъ Александровцевъ и у многихъ изъ нихъ сложилось глубокое убѣжденіе, что молитва, обращенная къ этому Великому Подвижнику, не останется неслышанной Господомъ!

Участникъ поѣздки.

„Александровцы-офицеры Ген.-Штаба“.

Много Александровцевъ, окончившихъ Военную Академію (Николаевскую-Ген. Штаба), въ настоящее время находятся въ эмиграціи и среди нихъ, кромѣ генерала Юденича (смотри № 45 листка) видное мѣсто занимаютъ генералы Гулевичъ, Абрамовъ и Архангельскій. Кто не знаетъ военнаго профессора генерала Гулевича, кто не втрѣчалъ Помощн. Педс. Р. О В. С. генерала Абрамова, кто не слышалъ о Дежурномъ Генералѣ Главнаго Штаба генералѣ Архангельскдмъ? Всѣ эти выдающіеся офицеры Генеральнаго Штаба составляютъ какъ-бы основу цѣлой „стаи славныхъ Александровскихъ орловъ“.

А. Курбатовъ.

№ 55. Александровцы въ Тулѣ.



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 54

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Юль 1932 г.

Александровцы въ Тулѣ.

Знаніе своего оружія необходимо воину, а потому, чтобы укрѣпить эти связи въ Александровцахъ, въ А. В. У. предпринимались поѣздки въ военно-промышленные центры Россіи, однимъ изъ которыхъ являлась Тула со своими заводами Императорскимъ Оружейнымъ и патроннымъ. При начальникѣ Училища Генералъ-Лейтенантъ Левачевъ, въ 1900 годахъ, эти поѣздки предпринимались въ классное время и считались обязательными для всѣхъ юнкеровъ, какъ практическое изученіе своего оружія (Руководителемъ поѣздки былъ командиръ батальона юнкеровъ Полковникъ Александръ Христіановичъ Страдовскій, отличный стрѣлокъ и знатокъ ручного оружія (имѣлъ нѣсколько Императорскихъ призовъ за стрѣльбу и за фехтованіе); также приглашались участвовать въ поѣздкѣ преподаватели Артиллеріи, среди которыхъ выдѣлился Артиллерійскій Полковникъ Смысловскій — фанатикъ своего дѣла (академикъ Михайловской Артилл. Академіи).)

Послѣ короткихъ приготовленій къ поѣздкѣ юнкера Александровцы выступили изъ училища со Знаменки на Курскій вокзалъ Ж. Д. Прогулка черезъ весь городъ подъ музыку отличнаго оркестра училища, доставила юнкерамъ нѣкоторое удовольствіе, шли „на легкѣ“, безъ винтовокъ и снаряженій, какъ бы для того, чтобые „другихъ почитать и себя показать...“. Последнее чувствовали каждый юнкеръ, а потому крѣпко отбивалась нога и соблюдалось образцовое равеніе по рядамъ и въ замылокъ.

На Курскомъ вокзалѣ быстро были произведены расчеты по вагонамъ и самая посадка въ нихъ; $\frac{1}{2}$ вагона 2 класса была отведена для офицеровъ училища а другая половина вагона была предоставлена для походной столовой юнкерамъ; юнкера были широко размѣщены въ вагонахъ третьяго класса, при чемъ часть юнкеровъ, любителей поспать, залѣзли на деревянныя полки для багажа. Поѣздка отъ Москвы до Тулы, благодаря ночному времени, не представляла изъ себя ничего интереснаго, а потому Александровцы сладко поспали до утра. Рано утромъ, уже въ Тулѣ, всѣ испрепенулись, помылись на вокзалѣ и въ вагонахъ, поили чаю, послѣ чего построились по ротамъ и двинулись отъ вокзала къ городу по довольно грязной и пыльной дорогѣ. Пройдя пригородъ и недоходя Тульского кремля со стѣнами, Александровцы подошли къ Императорскому Тульскому Оружейному заводу, начальникомъ котораго былъ учившій артиллерію генералъ Кунъ. Пока офицеры училища ходили къ генералу за полученіемъ его указаній, юнкера стояли вольно въ садикѣ завода и съ наслажденіемъ покуривали изъ записки на пирснъ ими обильно взятому Генералъ Кунъ приказавъ разбить юнкеровъ на группы и назначивъ имъ каждую группу офицеровъ артиллеріи, служащихъ на заводѣ. Каждая группа слѣдовала по одному и тому же маршруту, по отправленіи группъ дѣлалось черезъ извѣстный промежутокъ времени; самый маршрутъ былъ составленъ такъ, чтобы юнкерамъ было показано производсто винтовки, въ извѣстной послѣдовательности. Раньше всего юнкера понали въ помѣщеніе, гдѣ шариботивали стальной болванки, изъ которыхъ выдѣлывались стволы; въ этомъ помѣщеніи было настолько жарко отъ плавленнахъ печей, что рабочіе ходили безъ одежды, а свѣтъ изъ нихъ былъ похожъ на „дакое красное пламя“. Тутъ юнкера увидали какія части винтовки составляютъ одно цѣлое, какъ бы основу оружія. Дальше юнкера понали въ мастерскіе гдѣ выдѣлывались по разнымъ лекаламъ отдѣльныя части винтовки, начиная съ болѣе крупннхъ частей и кончая мелкими частями, тутъ юнкера убѣдились какія части винтовки стальной и какія желѣзные, а также познакомились съ сортами стали, потребными для винтовки. Изъ этихъ помѣщеній юнкера прошли къ отдѣленію гдѣ окончательно отдѣлываются деревянные части винтовки, шѣлые штыбели въ топочныхъ ложъ лежали тутъ въ ожиданіи пріема комиссией, бракованной и годная стала. Затѣмъ шло отдѣленіе гдѣ собирались винтовки изъ отдѣльныхъ частей, масса винтовокъ съ отдѣльными частями, винтами, болтами, шурувами стояла здѣсь на подвѣсахъ, стояла и прямо на полу. Заходили юнкера и въ помѣщеніе гдѣ собирався весь, мелкій приборъ.

и принадлежности винтовки. Закончился обходъ посѣщеніемъ тира, въ которомъ грубо пристрѣливались винтовки для постановки мушки на прицѣльной колодкѣ съ постановкой точекъ на прицѣлѣ. Только къ полудню былъ законченъ весь обходъ завода; когда на заводѣ раздались гудки для обѣденнаго перерыва и когда рабочіе повалили гурьбой на обѣдъ Александровцы собрались въ садикъ у завода, гдѣ имъ былъ розданъ холодный завтракъ, привезенный съ вокзала Ж. Д.

Послѣ завтрака Александровцы направились черезъ городъ мимо Кремля съ церквями и башнями, на патроннѣй заводъ Штандершельда и Шекоразина (частные предприниматели — офицеры артиллеристы въ отставкѣ). Этотъ заводъ расположенъ на окраинѣ города у большой дороги, идущей по посадѣ съ маленькими домиками, въ которыхъ непрерывно идетъ кустарное ручное производство оружія и разныхъ металлическихъ издѣлій съ русскимъ самоваромъ — во главѣ. Тутъ многіе Александровцы приобрѣли миниатюрные револьверы, винтовки отлично выполненные; не смотря на брелочную величину ихъ, механизмъ дѣйствовалъ исправно. Невольно, глядя на всѣ эти вещи, вспомнился рассказъ о подкованной тульскими мастерами блохи! Но вотъ и прибыли на заводъ... Начальство завода охотно разрѣшило осмотрѣть заводъ и дало проводниковъ; на заводѣ уже шла работа послѣ перерыва для обѣда. И тутъ осмотръ завода былъ строго согласованъ съ послѣдовательностью изготовленія металлической гильзы, ея снаряженія, повѣрки вѣса и сдачи для укуорки въ ящики. Особенио были интересны приборы для снаряженія патроновъ; это снаряженіе производилось чисто автоматически самимъ приборомъ со взвѣшиваніемъ патрона и съ выбрасываніемъ ихъ въ ящикъ. Въ отдѣленіи для изготовленія гильзы юнкера прослѣдили всю постепенность вытягиванія самой гильзы изъ куска сплава и тутъ стало понятно выраженіе — „дѣльнотянутая гильза“ что всегда смущало „фараоновъ“ при изученіи „Наставленія по стрѣльбѣ“. На заводѣ было разрѣшено юнкерамъ взять „на память“ что либо изъ браковочныхъ частей изготовляемыхъ гильзъ; по приѣздѣ въ Москву, удалось составить полную коллекцію послѣдовательнаго производства патрона и передать ее въ оружейную мастерскую училища для храненія оружейнымъ мастеромъ А. Фришманомъ „въ назиданіе Фараонамъ“... Къ концу рабочаго дня былъ законченъ и осмотръ завода; поблагодаривъ хозяевъ завода, Александровцы съ пѣснями тронулись въ обратный путь на вокзалъ желѣзной дороги. Тутъ юнкеровъ ждалъ горячій чай, заготовленный начальникомъ стачіи по просьбѣ командира Баталіона (кипятокъ); также были розданы котлеты, яйца и бутерброды съ колбасой, такъ что буфетъ вокзала не нажилъ отъ Александровцевъ!.. Послѣ прицѣпки вагоновъ къ первому идущему въ Москву пассажирскому поѣзду, Александровцы тронулись въ обратный путь. На ночь всѣ снова размѣстились по скамейкамъ въ вагонахъ и скоро заснули послѣ нахождения на ногахъ въ теченіи всего дня.

Рано утромъ Александровцы были уже въ Москвѣ, гдѣ на вокзалѣ ихъ ожидалъ оркестръ училищной музыки съ фельдфебелемъ Тремскимъ во главѣ, такъ какъ старикъ капельмейстеръ Крейнбрингъ былъ боленъ. Мимо Красныхъ воротъ, по Лубянкѣ, черезъ театральную площадь и Охотный рядъ, мимо университета и Румянцевскаго, музея, прослѣдовали Александровцы къ себѣ домой на Знаменку.

Думается, что юнкера оцѣнили эту поѣздку, какъ расширяющую и пополняющую ихъ кругозоръ военныхъ знаній, это и видно изъ того, что поѣздка въ Тулу осталась въ памяти у участника ея.

А. Курбатовъ.

№ 55 Июль. Смотръ стрѣльбы А. В. У.



„АЛЕКСАНДРОВЕЦЪ“

№ 55.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИСТОКЪ

Юль 1932 г.

Смотръ стрѣльбы по Высочайшему повелѣнію въ 1904 г. въ Александровскомъ Военномъ училищѣ.

Смотры стрѣльбы „по Высочайшему повелѣнію“ бывали въ войсковыхъ частяхъ довольно рѣдко, а въ Военныхъ Училищахъ еще рѣже.

Въ 1904 году, въ серединѣ Юля мѣсяца, состоялся такой смотръ стрѣльбы въ Александровскомъ Военномъ училищѣ, стоящемъ въ лагерѣ на Ходынскомъ полѣ. За нѣсколько дней до смотра, изъ Штаба Московскаго Военнаго округа пришла бумага о томъ, что, согласно полученному распоряженію изъ С. Петербурга, въ числѣ частей Округа, назначенныхъ для повѣрки стрѣлковой подготовки по Высочайшему повелѣнію попало и Александровское Военное Училище. Наканунѣ смотра выяснилось, что смотръ будетъ произведенъ состоящимъ при Инспекторѣ Стрѣлковой части генералъ-маіоромъ Сержинскимъ, бывшимъ юнкеромъ Александровцемъ; утромъ этого-же дня въ Лагерный штабъ были вызваны И. д. Зав. Оружіемъ въ училищѣ Гв. Капитанъ Никитинъ и Адъютантъ училища Гв, Штабсъ Капитанъ Смердовъ для полученія отъ Инспектирующаго соответствующихъ распоряженій.

Въ лагерѣ училища было замѣтно нѣкоторое волненіе, такъ какъ стрѣлковый смотръ; его успѣхъ, зависилъ отъ разныхъ случайностей, какъ то—погоды, вѣтра, пристрѣлки и т. п. Провалиться на смотрѣ стрѣльбы Военному училищу было очень стыдно и загладить этотъ провалъ можно было только черезъ десятокъ лѣтъ...

Въ А. В. училищѣ стрѣльба была поставлена очень хорошо и стрѣляли юнкера отлично; бывали года, когда большую часть Императорскихъ призовъ Московскаго Военнаго Округа брали офицеры училища, а Великокняжескій призъ взялъ п.-юнкеръ 2-ой роты Пантелеймоновъ (офицеръ Л. Гв. Московскаго полка)

Общее желаніе Александровцевъ было дать оцѣнку по стрѣлбѣ — „отлично“ при хорошихъ результатахъ прочихъ повѣрокъ: опредѣленіе разстояній, содержаніе винтовокъ, познаніе „Наставленія по стрѣлбѣ“. Вотъ почему весь день, наканунѣ смотра, въ лагерѣ училища шла чистка винтовокъ осмотръ ихъ, повѣрка разныхъ свѣдѣній, а въ канцеляріи писались списки и собиралась вся отчетность на Стрѣлковому дѣлу. Начальникъ училища Генералъ-Лейтенантъ Яковлевъ, вмѣстѣ съ Адъютантомъ училища, рѣшали вопросъ, какъ ему поступить ввиду того, что Инспектирующій чиномъ моложе его?

Этотъ вопросъ рѣшили такъ: Начальникъ училища на смотръ пріедетъ позже инспектирующаго, а баталіонъ юнкеровъ будетъ представлять строевой начальникъ, его командиръ баталіона Полковникъ Омельяновичъ.

Въ день самаго смотра погода стояла вѣтренная, а потому одинъ изъ ротныхъ командировъ, вмѣстѣ съ Завѣдующимъ Оружіемъ и съ нѣсколькими отличными стрѣлками изъ юнкеровъ, были уже на стрѣльбищѣ и произвелъ пристрѣлку по разнымъ цѣлямъ (что разрѣшалось). Въ 5 часовъ утра въ лагерѣ училища была пробита „подъемъ“, а въ 6 часовъ баталіонъ, съ музыкой, выступилъ изъ лагеря на заднее поле къ мѣсту построенія у Экономическаго Общества Оф. Моск. В. Округа за рѣчкой „Ишачкой“—Ходынской. Тутъ были отданы послѣднія распоряженія и во всѣ роты было сообщено о результатахъ пристрѣлки, при чемъ было обращено вниманіе на то, что вѣтеръ усиливается и погода хмурится.

Ровно въ 6½ часовъ утра къ баталіону подъѣхала коляска съ Инспектирующимъ Генераломъ-Маіоромъ Сержинскимъ. Выйдя изъ экипажа и принявъ отъ Полковника Омельяновича рапортъ, онъ поздоровался съ юнкерами; его обращеніе было нѣсколько оригинально, а именно: „здравствуйте юнкера Александровскаго Военнаго училища“, тогда какъ самъ Государь Императоръ и всё начальство всегда здоровалось съ юнкерами коротко — „здравствуйте Господа“; это обращеніе нѣсколько „развеселило“ Александровецъ а впоследствии

фамилія генерала было нѣсколько измѣнена юнкерами. Послѣ схода фронта и команды „къ ногѣ“, были вызваны вперед ротные командиры. Каждому изъ 4-хъ была объявлена видъ стрѣльбы; это послѣднее играло большую роль. Такъ стрѣльба по „карандашамъ“ требовала болѣе точной стрѣльбы, стрѣльба по „плечамъ“ цѣлямъ требовала вѣрной пристрѣлки, а стрѣльба по „пояснымъ“ и „головнымъ“ фигурамъ, называемымъ „образками“, давала лучшіе результаты при недоцѣливаніи подъ мишень, чтобы было больше рекошетовъ перядъ самой мишенью т. е. чтобы пораженіе было и пулей, и щепнемъ, и оболочкой пули.

Слава Богу назначеніе ротъ было удачное: лучшая по стрѣлбѣ была 2-ая рота и ей достались „карандаши“; ротѣ Его Величества досталась стрѣльба на 800 шаговъ по четырехфигурной мишени (дальняя стрѣльба) 3-ей ротѣ досталась стрѣльба по „образкамъ“, а 4-ая рота получила легкій видъ стрѣльбы—по „пояснымъ“ съ двухъ дистанцій послѣ перебѣжки. Удачно было назначеніе и по характеру ротныхъ командировъ: командиръ роты Его Величества Гв. Капитанъ Никитинъ исполнялъ обязанность завѣдующаго оружіемъ и самъ производилъ рано утромъ точную пристрѣлку на дальнюю дистанцію; командиръ 2-ой роты Гв. Капитанъ Курбатовъ самъ отлично стрѣлялъ, да и рота по стрѣлбѣ была лучшая; командиръ 3-ей роты Гв. Капитанъ Рымашевскій мастерски „недоцѣливалъ“, а командиръ 4-ой роты Гв. Капитанъ Войцеховскій отличался большой требовательностью при стрѣлбѣ съ перебѣжками. Передъ самымъ смотромъ на стрѣльбище прибылъ Начальникъ училища Генералъ Лейтенантъ Яковлевъ; у него была какой-то разговоръ съ Инспектирующимъ, но о чемъ они говорили осталось неизвѣстнымъ.

Но вотъ раздастся сигналъ „слушайте всѣ“ и рота Его Величества, получивъ патроны, стройно двинулась впередъ для выпоменанія своей задачи.

По сигналу для открытія огня, рота была остановлена и, послѣ соответствующихъ командъ, была открытъ огонь. Первые же замѣченные рекошеты дали возможность нѣсколько измѣнить прицѣлъ, что вполне отвѣчало усилившемуся вѣтру. Послѣ стрѣльбы роты Его Величества, была вызвана 2-ая рота, которая тоже приняла во вниманіе перемену вѣтра и была мишени „прямымъ попаданіемъ“. За 2-ой ротой пошла стрѣлять 3-ая рота, которая засыпала рекошетами свои мишени, а за 3-ей ротой стрѣляла 4-ая рота, которая „шариками“ подкатывалась поближе къ мишенямъ и изрѣшетила пробоннами мишени. Роты отводились послѣ стрѣльбы въ сторону Малой Всесвятской Роши къ лагерю Московскаго Военнаго Училища и тамъ отдыхали подъ соснами.

Послѣ стрѣльбы изъ винтовокъ слѣдовала стрѣльба юнкеровъ изъ револьверовъ, а затѣмъ офицерская стрѣльба изъ винтовокъ и револьверовъ. Было около 12 часовъ дня когда раздастся сигналъ „слушайте всѣ“ и отбой. Инспектирующей, вмѣстѣ съ Начальникомъ Училища и батальоннымъ командиромъ сѣли въ экипажъ и поехали къ мишенямъ, туда же верхомъ отправились ротные командиры съ ординарцами. Подсчетъ пули показалъ, что всѣ роты выбили „отлично“, а револьверная стрѣльба, какъ юнкеровъ, такъ и офицеровъ дала результаты „сверхъ отличные“. Всѣ ликовали, юнкера съ пѣснями отправились домой; гдѣ уже ждалъ ихъ вкусный обѣдъ Инспектирующей вмѣстѣ съ Начальникомъ Училища и со всѣми офицерами: пошли въ Училищное офицерское собраніе-столовую, гдѣ тоже пообѣдали съ бокаломъ шампанскаго въ знакъ отличной стрѣльбы. Отличные результаты стрѣльбы отразились и на дальнѣйшей, повѣркѣ стрѣлковой подготовки, которая была назначена черезъ часъ послѣ обѣда. И опредѣленіе разстояній, какъ глазомѣрное, такъ и съ приборомъ Сушье, дали хорошіе результаты; осмотръ винтовокъ тоже былъ признанъ достаточно удачнымъ. Къ вечеру смѣтръ былъ законченъ окончательно и всѣ Александровцы, и офицеры и юнкера получили, ими заслуженный отдыхъ.

А Курбатовъ

Выпускъ листка „Александровецъ“ временно останавливается.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL



RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
FOLIO
U771
.A4
no.1-55

